ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 48-й

№ 18 (4564)

5 мая 1976 г., СРЕДА

Передовая работница переплетно-брошюровочного цеха московской типографии «Красный пролетарий» комсомолка Татьяна Филатова

Фото А. ХРУПОВА и В. БОГДАНОВА

ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ ВЕСНА ПОБЕДЫ

Юрий ЗБАНАЦКИЙ,
Герой Советского Союза

ЗНАМЕНОСЦЫ

И СНОВА весна, май, праздник нашей Победы.

Мы продолжаем говорить: передовая, фронт, наступление... Мы привыкли к этим словам, хотя сегодня наша передовая — Байкало-Амурская магистраль или стройки в Набережных Челнах, наступление — это когда перекрывается плотиной могучий Енисей или возводится крупнейшая в мире домна, фронт — там, где полевые работы, где сеют и убирают хлеб нового урожая. Не ручаюсь за точность, но думаю, что осталися и действуют эти динамические слова главным образом потому, что, как и тогда, они связаны с общенародными задачами, с общим напряжением воли, с массовым героизмом людей. Так уж оно у нас переплелось...

Вот и в нынешние майские дни газеты пестрят краткими оперативными сводками. С фронта полевых работ, где набирает размах посевная страда-76. С передовых рубежей промышленной пятилетки — из Сибири и Криворожья, с берегов Волги и Урала... Буквально на дних мы с удовлетворением и законным чувством гордости узнали из сообщения ЦСУ об успешных итогах работы промышленности в первом квартале. Первомай тоже встречен успехами в хозяйственном и культурном строительстве. Советские люди смотрят вперед с огромным оптимизмом, с твердой уверенностью, что завтра станут жить и материально, и духовно богаче, чем сегодня. Ведь все наши планы, вся политика партии направлены на то, чтобы создать лучшую жизнь для народа. Об этом говорил на встрече с рабочими московского автозавода ЗИЛ Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев: «...чем бы ни занималась партия, будь то внешнеполитические дела или мероприятия внутреннего характера, мы, коммунисты, постоянно задаем себе вопрос: как, каким образом повлияет решение той или иной проблемы на жизнь и благосостояние советского народа, на обеспечение мирных условий для созидательного труда во имя коммунизма, на упрочение всеобщего мира».

Наступление идет широким фронтом. А как же иначе? Победный май. Первая весна XXV съезда партии. Весна десятой пятилетки...

Уже отсчет времени, отделяющего нас от победного 45-го, постепенно переходит на десятилетия. А в памяти народной живы подвиги тех, кто ценой каждодневного тяжкого фронтового труда, ценой своей крови и жизни принес Родине и народам Европы освобождение от гитлеровского фашизма. В эти майские дни мы, живые, отдаем дань павшим. Мы никогда не забываем о том, как на войне говорилось: «Вечная память героям...» Она не меркнет с годами, через десятки лет она с нами, в каждом из нас, живущих. Она нужна всем нам, всему человечеству, во имя его сегодняшней жизни и далекого будущего. Это святая память и всегда — напоминание.

В прошлом месяце у нас в Киеве проходил очередной съезд писателей Украины. Как всегда в таких случаях, были запланированы на свободное от заседаний время встречи с читателями на заводах, в воинских частях, в институтах, в колхозах Бородянского района, с которыми Киевская писательская организация вот уже несколько лет, заключив договор о содружестве, поддерживает самую тесную связь. Среди гостей нашего съезда был Юрий Васильевич Бондарев. Когда я предложил ему поехать с нами к колхозникам Бородянского района, он очень обрадовался.

Осенью 1943 года в боях под Житомиром Бондарев был ранен в руку. Почти месяц лечился 19-летний артиллерист в полевом госпитале, который был расквартирован в селе Загальцы...

Мы, конечно, заехали теперь в Загальцы и пережили там немало волнующих минут.

Писатели много и часто колесят по стране. И, кажется, не было случая, чтобы, приехав в Белоруссию или на Алтай, в Грузию или Чувашию, да в любое место, мы не столкнулись бы с каким-то неизвестным доселе фактом, штрихом, эпизодом из тех грозовых времен. И если сама жизнь то и дело напоминает нам о минувшей поре суровых испытаний, то нужно ли удивляться, что литераторы продолжают разрабатывать тему массового подвига советских людей в годы Великой Отечественной войны. В произведениях на героико-патриотические темы все глубже раскрываются идеологические, социальные, моральные истоки нашей победы. С любовью создают прозаики, поэты, драматурги коллективный образ воина-коммуниста, воспевают всесильное и высокое интернациональное «чувство семьи единой».

В этих произведениях — тоже память войны. И тоже — напоминание. Оно необходимо для сохранения мира на планете. Вспомните, вот уже более 30 лет каждый май, встречая День Победы, мы с огромным душевным трепетом отмечаем, что наши дети и внуки, новое поколение людей, наш народ живут в труде и созидании — и небо над нашей Родиной чистое, мирное. Мирный путь, которым идет Советский Союз, однако, вовсе не значит — легкий путь. О, нет. Он требует борьбы, постоянных усилий. И те большие усилия, которые прилагают Центральный Комитет КПСС и Генеральный секретарь товарищ Л. И. Брежнев, Советское Правительство, последовательно претворяя в жизнь Программу мира, вызывают уважение у миллионов людей на всех континентах, ибо наша советская программа гуманна, благородна и направлена на благо всего человечества. Она — ради жизни на земле!

стр. 3, 14

СТРАНИЦЫ ВОЕННЫХ ЛЕТ

ВСЕМ СУЩЕСТВОМ

СТАТЬЯ АЛЕКСАНДРА ТВАРДОВСКОГО

Сегодня «Литературная газета» публикует малоизвестную статью Александра Трифоновича Твардовского «Всем существом», которая была написана тридцать один год назад, в День Победы. 11 мая 1945 года ее напечатала газета Третьего Белорусского фронта «Красноармейская правда». Три года А. Т. Твардовский был ее фронтовым корреспондентом и встретил День Победы в одном из городов Восточной Пруссии, где тогда находилась редакция.

Нет человека, который не помнил бы до мельчайших подробностей день, когда началась война. Но то была память великого всенародного бедствия, память горя. Какою же долгой и благодарной должна быть память торжества и счастья, память победы!

В ней, в этой памяти, будет все: и радость, и боль, и пережитые муки, и воскресшие надежды. Я — поэт, служивший, как мог, своим числом в эти грозные и славные годы делу Родины. И в день торжества к моему сердцу, вдобавок к тому волнению, что переживает каждый, приходит еще волнение певца, которому нельзя жить песней, постаревшей внешнею и, может быть, непонятною.

Найдешь ли ты в себе силы, чтобы петь не тогда, когда народ доверял твоему голосу в горьких и страшных испытаниях войны, а тогда, когда он будет слушать тебя, справляя свое великое торжество?

И верится, что силы найдутся, потому что не один на один ты стоишь перед этой задачей. Гордое терпение, неслабеющий дух родного народа и его неумирающая вера в торжество правды питали твой слабый дар в годы жестокой борьбы, подсказывали тебе нужные слова, поднимали твой голос.

Слушай же всем сердцем, всем своим существом, слушай то, чем живет сегодня народ, свершивший всемирный подвиг в войне и готовый свершить иные подвиги, предсказанные ему историей.

стр. 8

Снимок на память. 9 мая 1945 года Фото А. ГРИГОРЬЕВА

СЕГОДНЯ — ДЕНЬ ПЕЧАТИ

Огромная роль принадлежит нашей печати в деле воспитания человека коммунистического общества. Советская печать — самая демократическая в мире, у нее сотни тысяч корреспондентов — рабочих, колхозников, представителей интеллигенции.

«Все большее значение приобретают дальнейшее улучшение работы с письмами трудящихся, всемерное совершенствование ее форм и методов в свете требований XXV съезда КПСС», — говорится в постановлении ЦК КПСС, принятом в канун Дня печати.

У «Литературной газеты» — внимательный, чуткий, взыскательный читатель. Вот некоторые цифры, характеризующие почту «ЛГ» за четыре месяца 1976 года.

ДВАДЦАТЬ ТРИ ТЫСЯЧИ писем пришло в редакцию за четыре месяца 1976 года (в прошлом году за эти же месяцы — двадцать одна тысяча).

ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ ПЯТЬСОТ наших корреспондентов откликнулись на материалы дискуссий, проведенных на страницах газеты.

ТЫСЯЧУ СОРОК ШЕСТЬ официальных ответов учреждений, ведомств и общественных организаций получила редакция о мерах, принятых по неопубликованным письмам.

ШЕСТЬ ДЕСЯТЕЕ, составленных из сотен откликов по наиболее актуальным темам, подготовлено за это время. Они вручены председателю Госкомиздата СССР Б. И. Сучкулину, министру медицинской промышленности СССР А. К. Мельниченко, министру здравоохранения СССР Б. В. Петровскому, министру внутренних дел СССР Н. А. Щелокову, начальнику Главного управления по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству Министерства сельского хозяйства СССР Б. Н. Богданову, начальнику Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР Н. В. Елисееву.

О разнообразии связей «Литературной газеты» со своими читателями свидетельствуют рубрики четырех страниц сегодняшнего номера. Вот их неполный перечень: «Читатель рассказывает о товарище», «Читатель ставит проблему», «Читатель просит сообщить», «Ученый комментирует письма читателей», «Читатель продолжает тему», «Диалог с «ЛГ».

День печати не только профессиональный праздник журналистов, литераторов и полиграфистов, это праздник многомиллионной армии советских читателей.

стр. 10, 11, 12, 13

СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ АРМЕНИИ

27—29 апреля в Ереване проходил VII съезд писателей Армении. Вступительным словом съезд открыл старейший армянский поэт Егиш Чаренц. С отчетным докладом выступил первый секретарь правления СП Армении Б. Петросян. С приветствием к делегатам обратился секретарь правления Союза писателей СССР Н. Федоренко.

На съезде выступил секретарь ЦК КП Армении К. Л. Демирчян.

В работе съезда приняли участие первый секретарь ЦК КП Армении К. С. Демирчян, Председатель Президиума Верховного Совета Армянской ССР Б. Е. Саркисов, Председатель Совета Министров республики Г. А. Арзуманян, другие руководители республики, секретари правления СП СССР Л. Новиченко, О. Шестинский.

Состоялся пленум правления. Первым секретарем избран В. Петросян.

Соб. корр.

МИР социализма

КНИГИ, ВЫСТАВКИ, СПЕКТАКЛИ

● *БУДАПЕШТ*

АНОНС: СОВЕТСКИЕ ПЬЕСЫ

Вторая половина нынешнего театрального сезона в Венгрии отмечена целым рядом новых постановок пьес советских драматургов. Многие премьеры были посвящены национальному празднику венгерского народа — Дню освобождения страны от фашистского ига.

Труппа «Минроскоп» поставила в инсценировке Яноша Комлоша повесть Ч. Айтматова «Белый пароход». С большим успехом в Кечкеметском театре имени Катоны идет спектакль «Тихий Дон» по роману М. Шолохова, а в Театре имени Кишфалуди (гор. Дьер) — пьеса А. Арбузова «Старомодная комедия». Оперная труппа Сегедского национального театра в этом сезоне поставит оперу Д. Шостаковича «Нос».

И. САЛИМОН

● *ПРАГА*

«БИБЛИОТЕКА ПОБЕДЫ»

Первые два тома «Библиотеки победы» выпущены на чешском языке в столице ЧССР. В книги включены произведения М. Шолохова «Они сражались за Родину», «Наука ненависти» и «Судьба человека», а также «Горячий снег» Ю. Бондарева.

«Литературная газета» уже сообщала, что руководители издательств социалистических стран было принято решение о выпуске на разных языках международной книжной серии под названием «Библиотека победы». Монументальное издание было приурочено к 30-летию разгрома фашизма и рассчитано до 1980 года. В серию войдут избранные произведения художественной литературы, повествующие о братстве по оружию, совместной борьбе против нацизма, о руководящей роли коммунистов в организации этой борьбы. Тематика этих книг охватывает также послевоенные годы — время становления и упрочения народной власти.

В «Библиотеку победы» включены антологии поэзии и драмы, где будут представлены произведения таких известных писателей, как А. Фадеев, К. Симонов, Е. Андржейевский, Б. Чешин, Ю. Фучик, М. Пуйманова, Д. Димов, А. Зегерс, Б. Апиц, Б. Иллаш, Й. Дарвиш, и другие.

● *УЛАН-БАТОР*

ДРЕВНЯЯ И ЮНАЯ ЖИВОПИСЬ

В выставочном зале Союза монгольских художников экспонируются произведения одного из ведущих представителей современного монгольского изобразительного искусства, народного художника, лауреата Государственной премии МНР У. Ядамсурэна. Фрески, написанные им приурочены к его 70-летию.

Приехав в 1939 году в СССР, Ядамсурэн овладел здесь техникой живописи. Серьезным увлечением и пристрастием мастера стало искусство портрета. За созданный в 1945 году образ вождя Монгольской народной революции Сухэ-Батора он получил Государственную премию МНР. И по сей день живописец обращается к изображению лучших людей своего времени. В творчестве Ядамсурэна большое место занимают картины, повествующие о важнейших событиях народной революции, — «Первый съезд МНРП», «Взятие Кяхты», «Встреча Сухэ-Батора с Лениным».

Художник удачно сочетает в своем творчестве европейскую технику живописи маслом и национальную манеру писма гуашью («монгол зураг»).

Ц. ЭРДЭНЭБИЛИГ

На снимке: портрет Сухэ-Батора, выполненный художником в 1961 году.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О присвоении звания Героя Социалистического Труда писательнице Шагинян М. С.

За большие заслуги в развитии советской литературы, многолетнюю и плодотворную творческую и общественную деятельность присвоить писательнице **Шагинян** Мариэтте Сергеевне звание **Героя Социалистического Труда** с вручением ей ордена **Ленина** и золотой медали **«Серп и Молот».**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 3 мая 1976 г.

Ритмы времени, ритмы поэзии

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

стр. 5

ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ

Выступают руководители писательских организаций Белоруссии и Киргизии Максим Танк и Тендик Аскаров

стр. 2

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Куусбергв П. А. орденом Ленина

За большие заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя **Куусберга** Пауля Августовича орденом **Ленина.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ. 30 апреля 1976 г.

КИНОМЕРИДИАНЫ

ШЛИ СОЛДАТЫ...

Творческий коллектив, создавший фильм-поэму «Шел солдат...», предлагает вниманию телезрителей свою новую работу — многосерийную документальную ленту «Солдатские мемуары».

Константин Михайлович Симонов говорит с экрана:

— Несколько лет назад я начал задумываться над тем, почему, в сущности, мы называем мемуарами только книги. Почему библиотека мемуаров — это в нашем сознании только библиотека книг?

...В наше время пора создавать и киномемуары, и телемемуары, и было бы непростительно, нам не простили бы история, если бы мы не делали этого коллективными усилиями.

Участники войны могут рассказать о ней не только в книгах, они могут рассказать о ней и с киноэкрана, и с телеэкрана.

И мы можем не только прочесть их воспоминания, мы можем услышать их голоса, мы можем увидеть их лица.

Режиссер Марина Бабак в беседе с корреспондентом «ЛГ» сообщила, что героем новой картины ЦСДФ — «шли, как и в «Шел солдат...», полные кавалеры солдатского ордена Славы. Демонстрация фильма намечена на голубом экране в День Победы.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» ПРОДОЛЖАЕТ ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ VI СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И СЪЕЗДАМ ЛИТЕРАТОРОВ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК.

СЕГОДНЯ ВЫСТУПАЮТ РУКОВОДИТЕЛИ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ БЕЛОРУССИИ И КИРГИЗИИ.

ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ

ВОСПЕВАЯ ПОДВИГ НАРОДНЫЙ

Максим ТАНК,
председатель правления Союза писателей Белоруссии, Герой Социалистического Труда

МИНУВШЕЕ пятилетие, итоги которому подвел XXV съезд КПСС, навсегда вписано в историю нашей страны неисчислимыми трудовыми подвигами и достижениями советского народа, многими знаменательными событиями в международной жизни. Новая величественная программа нашей партии наша живой отсвет во всем народе. Она захватывает и вдохновляет каждого из нас, ибо в ней все мы видим осуществление самых заповедных надежд и чаяний.

Как известно, в десятой пятилетке каждая из братских республик намного увеличит объем своей промышленной продукции, в том числе и Белоруссия — на 39—43 процента. Это значит, что за пять предстоящих лет промышленный ее потенциал вырастет больше чем на треть. Это значит, что войдут в строй новые мощные предприятия, сотни фабрик и заводов будут реконструированы, оснащены новейшей техникой, что даст возможность освоить выпуск более тысячи новых видов промышленной продукции. И хотя мы привыкли к высоким показателям роста, эти цифры, эти перспективы не могут не вызвать величайшую гордость за нашу Родину.

Белорусские писатели в заданиях партии, в ее планах видят развернутую программу своей деятельности. Это доказывает творчество как старейших, так и молодых наших писателей, верных славным традициям наших корифеев — Янки Купалы и Якуба Коласа, традициям служения своему народу, Родине, партии.

С каким же багажом мы переступили порог десятой пятилетки, подошли к своему VII съезду?

Минувшее пятилетие отмечено дальнейшими успехами белорусской литературы. Об этом говорят такие факты, как присуждение И. Мележу Ленинской премии за его выдающиеся романы «Люди на болоте» и «Дыхание грозы», а также присуждение Государственной премии СССР В. Быкову за его повести «Дожить до рассвета» и «Обелиск», присуждение Государственных премий БССР К. Крапиве, А. Макаенку, К. Киреенко. В. Витке, А. Якимовичу, И. Науменко, Н. Повикову, И. Чигринову, К. Губаревичу, премий Ленинского комсомола Белоруссии — Г. Буравнину, Р. Бородулину, А. Гречаникову, В. Зуенку, А. Осипенко, А. Савицкому, премии Министерства обороны СССР А. Адамовичу за «Хатынскую повесть».

В последние годы, как и в предыдущие, весьма приметным был даже на всеобщем фоне советской прозы, рост прозы белорусской, которая углубленно и проникновенно в лучших своих произведениях разрабатывала тему Великой Отечественной войны и партизанского движения, когда в суровых условиях особенно ярко проявились все черты и положительные качества характера советского человека, сила его духа, любви к своей Родине. И поэтому тема народного подвига в минувшей войне приковывает к себе внимание и писателей, и читателей. Она имеет и величайшее воспитательное значение. Вот почему она занимает почетное место в творчестве не только писателей — участников Великой Отечественной войны, но и самых молодых, к которым пришла эта тема из воспоминаний отцов, с тревожным звоном колоколов Хатыни, с пламенем Вечного огня у подножия обелисков.

Здесь, помимо произведений, отмеченных премиями, которые я называл, не могу не отметить третью часть трилогии И. Науменко — роман «Сорок третий», повести И. Пташникова «Тартак» и «Найдорф», «Плач перепелки» И. Чигринова. «Последние и первые» Б. Сачанко, «До рассвета близко» Н. Новикова, книги В. Козько, Вл. Дома шевича, М. Круговых, А. Марциновича, а также волнующее документальное повествование «Я из огненной деревни...» А. Адамовича, Я. Брыля, Вл. Колесника.

Осмысление прошлого, его нравственно-философских уроков, разумеется, не единственный аспект творческих поисков белорусской прозы.

В свое время раздавались упреки, что у нас слабо разрабатывается тема рабочая и что в произведениях, которые были написаны на эту тему, часто человек терялся в технологии.

Надо отметить, что в последние годы значительно укрепились наши связи с предприятиями, что оказало самое благотворное влияние на художественное творчество. Я имею в виду поездки литераторов в Докшицкий район, на Витебщину и на Гродненщину, творческое содружество с коллективом одного из старейших предприятий Минска — станкостроительного завода имени С. М. Кирова, шефскую работу наших печатных органов на Минском тракторном и других заводах и в колхозах, встречи с коллективами рабочих и ученых. В результате всего этого появилось много интересных произведений на рабочую тему, которая тант в себе бесконечное богатство новых героев, сюжетных конфликтов, жизненных проблем.

Здесь хочется отметить успехи И. Шамякина, который постоянно с сейсмографической чуткостью реагирует на требования времени, талантливо отображает современность в своих произведениях, таких, как романы «Снежные зимы», «Атланты и кариатиды» и др.

Тема современности нашла свое отражение и в произведениях А. Осипенко. Вл. Карпова. Я. Сипакова, Л. Гаврилкина, А. Кудравца, В. Адамчика, она красной нитью проходит через творчество всех наших писателей.

Все сказанное относится и к поэзии. Произведения высокого гражданского звучания обогатили за последние годы поэзию наши старейшие поэты П. Бровка, А. Куприянов, Т. Панченко, М. Лужанин, А. Пысин, М. Аврамчик.

Особенно радует тот факт, что наша литература постоянно пополняется молодыми силами, которые уже сегодня смело берут на свои плечи ощутимый груз новых чем, проблем, общественных обязательств. Об этом говорят многие стихотворные сборники, переведенные на русский язык и благодаря этим переводам получившие почтенье и нашим зарубежным друзьям. Тут хотелось бы вспомнить произведения Н. Гилевича, Р. Бородулина, Г. Буравкина, А. Вертинского, П. Макала, Я. Сипакова, О. Лойко, Е. Лось, В. Зуенка, Б. Спринчана, А. Гречаникова и др.

Значительных успехов за последние годы добилась и драматургия, в которой плодотворно работают такие выдающиеся драматурги, как К. Крапива и А. Макаенок, а также М. Матуковский, А. Петрашкевич, А. Делендик и другие. И все же у нас еще остро ощущается недостаток пьес на современную тему. Не случайно наши театры, телевидение пытаются заполнить вакуум в своем репертуаре инсценированием прозаических и поэтических произведений, хотя такая практика редко дает ожидаемые результаты, ибо часто приводит к упрощению и обеднению оригинала.

На XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев говорил, что наступившая пятилетка должна быть прежде всего пятилетней качества, пятилетней высокой эффективности во имя дальнейшего роста народного благосостояния. Вопрос качества в наше время бурного роста социалистической культуры, в период острейшей борьбы против враждебной идеологии приобретает первостепенное значение для литературы. Он связан не только с овладением профессиональным мастерством, но и с постоянным пополнением наших знаний во всех областях жизни — экономике, политике, культуре, — без чего даже самый талантливый писатель не может охватить во всей полноте действительность, убедительно и ярко отобразить ее в произведении.

К великому сожалению, и до сего времени рядом с произведениями, которым мы можем присвоить Знак качества, еще много у нас появляется произведений поверхностных, с надуманными и неизжитыми проблемами и конфликтами, много скороспелых и эпигонских однодневок — иными словами, произведений, в которых серьезное художественное осмысление новых явлений и сторон заменяется туманными рассуждениями «по поводу»...

В борьбе за идейное и художественное качество литературы огромную роль играет критика, которая стала более действенной и которая немало сделала в исследовании нашего культурного наследства, в освещении истории развития белорусской литературы, в создании монографий, посвященных творчеству виднейших наших писателей, но все еще недостаточно оперативно следит за сегодняшними явлениями литературы, за живым процессом ее развития. Порой некоторые из книг подолгу ждут своей оценки, а то и совсем остаются вне внимания критики.

Одним из важнейших участков работы была и остается работа с молодыми. Союз писателей вместе с другими творческими организациями и ЦК комсомола Белоруссии за последние годы провел много семинаров, встреч, которые помогли выявить значительную группу молодых талантливых писателей. В дальнейшем, видимо, нам следует приблизить свои разведывательные посты к многочисленным литобъединениям на заводах, в колхозах, школах и вузах, при редакциях районных и областных газет, откуда начинает молодая смена свой путь в литературу. Смена эта, особенно на первом этапе становления, требует вдумчивой и доброжелательной помощи старейших литераторов.

В минувшем пятилетии развивались и еще более окрепли связи писателей с самой широкой читательской аудиторией — проходили вечера, творческие встречи, конференции, обсуждения. Во время декад дней литературы в городах и селах республики побывало немало литераторов из других союзных республик, зарубежных гостей. Усиленно межсоюзных и международных контактов способствовали, в частности, международный симпозиум «Исторический опыт второй мировой войны и ответственность писателя за судьбу своего народа», всесоюзное совещание на тему «Бессмертный подвиг советского народа в Великой Отечественной войне и советская литература», поездки по республике главных редакторов литературных газет социалистических стран.

Эти встречи значительно расширили и укрепили наши братские связи. Сейчас в плане издательства «Мастацкая літаратура» и журналов произведения наших друзей занимают почетное место. Недавно вышел сборник «Далягледы» («Кругозор»), посвященный вам, москвичам братских литератур Советского Союза и прогрессивных писателей мира. Думаю, назрела необходимость сделать «Далягледы» альманахом, который стал бы еще одним интернациональным мостом, объединяющим нас с друзьями, а друзей — с нами.

Союз писателей, следуя указаниям партии, и в дальнейшем будет укреплять наши интернациональные связи, которые необходимы для того, чтобы совместными усилиями и более действенно бороться против враждебных миру и социализму сил.

Белорусская литература — неотъемлемая часть многонациональной советской литературы — развивается в исключительно благоприятных условиях, при заботливом внимании партии и самом доброжелательном отношении читателей.

Белорусские писатели бесконечно благодарны нашей родной Коммунистической партии. Руководствуясь ленинскими идеями партийности и народности, они и впредь будут стремиться как можно глубже раскрывать в своих произведениях правду о нашем времени, о нашем народе, его величественных делах.

РОДНИКИ ТВОРЧЕСКОГО ВДОХНОВЕНИЯ

Тендик АСКАРОВ,
первый секретарь правления Союза писателей Киргизии

РАЗМЫШЛЯЯ сегодня о проблемах литературного развития Киргизии, о новых произведениях, которые вышли в свет за минувшее пятилетие, неизбежно соотносишь их с теми социальными изменениями, с теми благотворными явлениями в жизни нашего народа, нашей страны, которые окрыляют деятелей литературы и искусства, вдохновляют на новые творческие свершения.

Событием поистине всемирно-исторического значения стал XXV съезд нашей партии, внесший в атмосферу культурной, научной и общественной жизни настроения небывалой активности, утвердивший высокий пафос созидательного труда.

Лучшие произведения мастеров слова Советской Киргизии отличают глубокая постановка и партийная трактовка коренных проблем народной жизни, заинтересованное внимание к делам и помыслам нашего современника, широта художественных обобщений, разнообразие форм и стилей.

Свидетельством всесоюзного признания киргизской литературы, весомости ее вклада в духовную сокровищницу народа явилось присвоение высокого звания Героя Социалистического Труда народному поэту республики, талантливому художнику слова Аалы Токомбаеву, создавшему в последнее время произведения, пронизанные верой в беспредельные возможности человеческого разума, воспевающие жизнеутверждающие коммунистические идеалы.

Порадовали читателей новыми интересными книгами народные поэты и писатели республики К. Баялинов, Т. Уметалиев, К. Маликов, А. Токтомушев, С. Эралиев. Высокую оценку в центральной и республиканской прессе получила и повесть лауреата Ленинской и Государственной премий СССР Ч. Айтматова «Ранние журавли». Ее главные герои — совсем еще юные ребята, школьники, на плечи которых легла трудная обязанность заменить ушедших на фронт отцов. И они с честью выдерживают тяжелые испытания, выпавшие на их долю, — учебу в холодных, нетопленых классах, горечь и боль преждевременных утрат, нелегкую работу на колхозных полях. Если описания картин предвоенной жизни героев «Ранних журавлей» полны поэзии и лиризма, то самоотверженный труд юных колхозных пахарей в Аксайской степи рисуется в подлинно эпических тонах: «Сегодня плугари были в поле один. Три плугаря, и великие горы впереди. Три плугаря и великая степь позади». Герои повести Ч. Айтматова, в судьбе которых отразились раннее гражданское созревание мальчишек и девчонок военной поры, готовность к подвигу во имя будущей счастливой жизни, несомненно, станут в один ряд с образами замечательных положительных героев, созданными в советской литературе.

Масштабность замысла, полнота изображения жизни народа в период острых классовых схваток, драматизм ситуаций и эмоциональная насыщенность слова отличают удостоенный Государственной премии Киргизской ССР имени Токтогула роман в стихах А. Токтомушева «Золотые горы». В зримых образах оживает героическое прошлое Киргизии на страницах книги К. Баялинова «Годы нашей юности». В этой повести с документальной точностью воссоздана героическая борьба солдат революции во главе с коммунистами против киргизских мятежников в трудные послереволюционные дни 1920 года. Писатель мастерски сочетает в повествовании исторический фон и судьбы отдельных людей, рисуя впечатляющую картину становления Советской власти в Киргизии.

Главное внимание всех поколений наших литераторов, естественно, было обращено в последние годы на создание таких произведений, где был бы показан современник, герой девятой пятилетки, во всем богатстве и сложности своего духовного мира. С особой силой это стремление проявилось в нашей поэзии, столь любимой народом. С поэмой о молодом рабочем классе республики («Золотая нить»), циклом стихов о Ленине, партии выступил К. Маликов. Многие вдохновенные строки своих стихотворений посвятил прославленным пятилетки, людям труда — горнякам, хлопкоробам, чабанам — Т. Уметалиев. Плодотворной была работа С. Эралиева, который правдиво и ярко рассказал о труде, чувствах и думах людей киргизского села в лирическом сборнике «Сельские мотивы».

Поиски новых путей художественного постижения всего богатства бытия человека социалистического общества характерны для всех жанров киргизской литературы, но, пожалуй, в наибольшей мере этот животворный процесс коснулся прозы, и прежде всего романа. Это книги Ш. Бейшеналиева, Н. Байтемирова, Дж. Мавлянова, Т. Касымбекова, Ш. Садыбакасова, С. Омурбаева и других.

В романе Н. Байтемирова «Сито жизни» показывается сложность формирования современного типа руководителя колхоза, преодоление им трудностей объективного и субъективного порядка.

Лучшие страницы романа Ш. Бейшеналиева «Время славы» убеждают читателя в том, что произведение о людях древнейшей чабанской профессии, претерпевшей в наши дни столь разительные перемены, таит в себе немало подлинных открытий и увлекательных коллизий.

В центре внимания Т. Касымбекова, автора романа «Пора зрелости», частично опубликованного в журнале «Ала-Too», — проблемы современной молодежи, ее роль в коллективе. За эти годы писатель завершил и роман «Сломанный меч», ставший заметным явлением киргизской исторической романистики.

Интенсивно развивались в киргизской прозе малые жанры — повесть, рассказ. И здесь главным героем стали наши современники, работающие на заводах и стройках, хлопковых плантациях и животноводческих фермах. С ними мы встречаемся в повести С. Саскыбаева «На гремящих берегах». Автор, постоянно поддерживающий тесные творческие контакты с трудовыми коллективами, верен рабочей теме и в новом своем произведении, посвященном энтузиастам крупнейшего в истории республики строительства — уникальной Токтогульской гидроэлектростанции.

Повесть известного прозаика К. Каимова «Зимние мотивы» рассказывает о жизни молодых чабанов. В ней поставлены серьезные нравственно-этические проблемы.

Успешно продолжают традиции старшего поколения наши молодые писатели. Здесь нельзя не сказать о поучительности реалистических уроков известных романов Т. Сыдыкбекова «Тройка жизненных дней» и «Среди гор». Интерес у читателей вызвало произведение К. Жусупова «Лесорубы», рассказывающее о первом жизненном испытании недавнего выпускника школы, сельского юноши Болотбека, в котором привлекает упорное желание обрести свое место в трудовом строю. Хорошим профессиональным уровнем отличается повесть А. Стамова «Новая родня», вновь возвращающая нас к событиям военной поры. Все происходящее оценивается в ней глазами любознательного мальчика Дкумы. Несмотря на драматизм многих сцен и эпизодов, в целом повесть оставляет доброе, светлое впечатление. Стройная композиция, поэтичность и образность языка делают «Новую родню» А. Стамова одним из заметных явлений современной молодой киргизской прозы. Тепло приняли читатели «Алов мость О. Орозбаева — первое оригинальное произведение известного переводчика, где рассказано о суровых годах войны.

Гражданственность звучания, реалистическое отражение богатства и сложности внутреннего мира человека наших дней, взыскательное отношение к слову отличают последние книги С. Джусуева («Перевал», «Избранное»).

Должен заметить, что в киргизской прозе лучше все-таки освещена жизнь современного села и слабее — грандиозные индустриальные преобразования республики, социальные и нравственно - психологические проблемы, связанные с научно-технической революцией. В этом направлении киргизским писателям следует еще немало поработать...

Пишут и маленьким читателям стихи М. Джангазиева, глубоко проникающие в душевный мир детворы. Не могу не отметить публицистическую лирику К. Акаева, творчество С. Шимеева, Б. Сариогова. В пору зрелости пришел известный поэт и драматург Дж. Садыков.

В произведениях лауреата премии Ленинского комсомола М. Абылкасымовой, поэтов Т. Адышевой, Т. Кожомбердиева, Дж. Абдыкалыкова, Т. Байзакова, О. Султанова, С. Урмамбетова, И. Исакова органически сочетаются достижения традиционного киргизского стиха с богатством форм и красок современного поэтического письма. Плодотворны усилия киргизских мастеров слова пополнить художественный арсенал родной поэзии, учитывая творческие достижения отечественной и мировой литературы. Так, например, интересную попытку внедрения в киргизскую поэзию сонетной формы предпринял С. Шимеев, недавно выпустивший отдельным изданием сборник сонетов.

Определенное оживление заметно и в драматургическом жанре. Известным драматургом Т. Абдумомуновым создана новая пьеса «Малина», посвященная жизни ошских хлопкоробов. Разнообразные сложные коллизии, столкновения сильных характеров, стремление показать сегодняшнего человека как бы в двух пластах времени — прошлом и настоящем — свойственны работам Б. Джанкова. На сценах театров успешно идут пьесы Н. Байтемирова, М. Тойбаева, Дж. Садыкова, Ш. Садыбакасова, М. Байдиева, Э. Турсунова, Б. Омуралиева и других.

Вся деятельность республиканской писательской организации в истекшее пятилетие протекала под знаком усиленного следования ежнейшему партийному указанию о необходимости дальнейшего сближения литературы и жизни. В период после XXIV съезда КПСС еще более укрепились связи писателей с рабочей аудиторией, с трудящимися колхозов и села. Литераторы Киргизстана совершили поездки в десятки районов нашей республики, встречались с животноводами Нарынской и хлопкоробами Ошской областей, свекловодами и хлеборобами Чуйской долины, трудящимися Приисскыкулья. Многие поэты и прозаики поддерживают давние контакты с коллективами ваннейших предприятий и строек республики. Постоянные писательские посты установили на строительстве крупных народнохозяйственных объектов редакции литературно-художественных журналов «Ала-Too», «Литературный Киргизстан», ежегодника «Кыргызстан маданияты». Все это помогает нашим писателям активно участвовать в создании художественной летописи коммунистического строительства, более качественно, оперативно отражать средствами литературы и публицистики трудовой подвиг народа.

Величественные предначертания партии, наша социалистическая действительность и впереди будут для мастеров слова республики путеводными ориентирами, родником вдохновения, дающими мощный творческий импульс к созданию новых, значительных произведений.

ЛОЦМАНЫ КНИЖНЫХ МОРЕЙ

Институт научной информации по общественным наукам АН СССР (ИНИОН) издает реферативные журналы по советскому и зарубежному литературоведению. Корреспондент «ЛГ» обратился к заведующему отделом литературоведения ИНИОН, главному редактору реферативного журнала «Общественные науки за рубежом» (серия «Литературоведение») Е. Ф. ТРУЩЕНКО и к главному редактору реферативного журнала «Общественные науки в СССР» (серия «Литературоведение») А. И. ОВЧАРЕНКО с просьбой ответить на ряд вопросов.

→ Эти реферативные журналы издаются вашим институтом третий год. Чем вызван их появление?

Е. Ф. ТРУЩЕНКО. Специалисту сегодня очень сложно следить за всеми литературно-критическими и научными исследованиями даже в своей, узкой области знания. Судите сами: у нас издается не один десяток литературно-художественных, литературно-критических и литературоведческих журналов. Огромен и поток книг: только в 1975 году опубликовано, по данным Всесоюзной книжной палаты, около 1500 литературоведческих книг и брошюр. За это же время из зарубежных стран во Всесоюзную библиотеку иностранной литературы поступило более 4000 литературоведческих книг!

Как освоить, как обработать такое богатство?

Реферативные журналы как раз и призваны помочь исследователям, критикам, преподавателям в вузах ориентироваться в потоке специальной литературы, быть в курсе важнейших современных тенденций и направлений в литературоведении.

А. И. ОВЧАРЕНКО. В десяти вышедших номерах журнала «Общественные науки в СССР» (серия «Литературоведение») проанализировано около пятисот литературоведческих монографий и сборников, опубликованных на русском языке, на других языках народов нашей страны. Авторы рефератов, как правило, сами углубленно разрабатывают определенные проблемы и потому умеют выделить в реферируемой книге то новое, что вносит она в современную науку.

— Все ли книги и статьи реферируются журналами?

А. И. ОВЧАРЕНКО. Нет, далеко не все. Это и практически невозможно, и потому, как показывает опыт, еще немало книг неинтересных или отклоненно «вторичных». Поэтому мы ведем целенаправленный отбор, но при этом не обходим даже малотиражные работы, если они значительны. Мы начали реферировать также интересные журнальные статьи. Таким образом, мы стремимся, систематически просматривая все выходящие в СССР литературоведческие работы, реферировать только те, что дадут представление советскому и зарубежному читателю-специалисту обо всем новом в литературоведческой науке.

Е. Ф. ТРУЩЕНКО. Тот же принцип положен в основу реферирования работ зарубежных исследователей. Дело в том, что число публикаций не всегда соответствует истинной значимости того или иного направления в науке о литературе. Так, например, с формалистической «новой критикой» в Англии, США, Франции, в других странах, со структурализмом, фрейдизмом... И тут фильтр аналитического и критического отношения весьма важен. Но это и не означает, что подобные направления «изгоняются» из нашего реферативного издания. В постоянной рубрике журнала «Направления и тенденции в современном литературоведении и литературной критике» публикуются рефераты наиболее интересных работ видных авторов, и они помогают реально представить существо и идейно-эстетическую направленность модных в буржуазном литературоведении и литературной критике тенденций.

— Каковы принципы реферирования книг и статей?

Е. Ф. ТРУЩЕНКО. Главное требование к реферату и референту: сжато, но полно изложить идеи, дать представление об аргументации, но и методологически ориентировать читателя.

— Журналы издаются третий год. Каково практическое воздействие научно-реферативной информации на нашу литературную и критическую мысль?

А. И. ОВЧАРЕНКО. Прежде всего возрастает активность и смелость в полемике советских авторов со своими оппонентами, более становятся их аргументация в дискуссиях и в позитивной разработке актуальных проблем. Можно говорить уже об активном использовании реферативной информации нашими литературоведами и критиками.

— Что можно сказать о международном резонансе деятельности ИНИОН? Знают ли о советских реферативных журналах за рубежом?

Е. Ф. ТРУЩЕНКО. Реферативные издания ИНИОН вызвали живой интерес в социалистических странах. В настоящее время мы сотрудничаем с центрами научной информации академий наук Болгарии, Венгрии, ГДР, ДРЧ, Польши, Чехословакии, Монголии, Румынии. ИНИОН становится практически своеобразным международным центром научной информации, в том числе и в области литературоведения. Заключены соглашения, на основе которых литературоведческие научные учреждения этих социалистических стран представляют для опубликования в изданиях ИНИОН рефераты своих исследований, а также реферативно-аналитические обзоры по актуальным проблемам развития литературы. Это сотрудничество, мы надеемся, будет крепнуть и расширяться.

Делегаты съезда писателей Казахстана в гостях у чабанов племенного завода «Кастекский» Джамбулского района Алма-Атинской области.

На снимке (слева направо): *Сырбай Мауленов, старейший чабан Базарбек Кокжоев, Сабит Досанов и Амантай Сатаев.*

Фото В. КРОХИНА

РАЗГОВОР ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ

Константин ВАНШЕНКИН:

БЕЗУСЫЕ, СТОЯЛИ МЫ В СТРОЮ...

КОГДА-ТО, во вступлении к однотомнику избранных стихотворений, Константин Ваншенкин сказал: «Армия — это мои университеты». Это действительно так. В 1942 году из десятого класса он ушел в армию, учился в военном училище, был парашютистом-десантником и вернулся с Великой Отечественной, имея за плечами не только двадцатилетний — в общем-то юношеский — возраст, но прежде всего — нравственный опыт военных лет.

Прошедшим славна
Заворожены,
Другого все еще не отпускали
Мы тихо отходили
От войны,
Глаз долго от нее не отрывая.

И путь этот — долгий путь от войны, от тех бед и утрат, которые она принесла народу и стране, — был путем осмысления собственного опыта и закрепления в вашем творчестве проза и стихи?

— Прозу я пишу более пятнадцати лет. И началось это естественно, далее закономерно по ряду причин. Во-первых, длительные «простои» для писателя, пожалуй, вообще противопоказаны, в кроме того, возникает потребность рассказать о том, что не ложится в стихи, рассказать о времени, в котором ты жил и живешь, о людях, их делах и заботах. В отличие от стихов проза — постоянная, интенсивная работа не только в написании, но и в наблюдениях, в размышлениях. Поэтому стихи и проза у меня пишутся не одновременно, периодами. Но и то, и другое требует одного, общего: точного знания предмета, о котором пишешь.

Важно быть участником
событий
Именно из этого потом
Возникают молнии
открытий,
Дерзкий стих и
достоверный том.

Только что, всего несколько дней назад, в издательстве «Советская Россия» вышел однотомник «Повести и рассказы». От первого лица они написаны или нет, вещи эти во многом автобиографичны. Они — о войне, о детстве, о любви, жизни и смерти, о тех вечных темах, на которые много написано, и тем не менее возникает потребность сказать и свое слово.

«Наброски к роману» — книга, которую я считаю одной из основных своих книг, — действительно продолжаются. Написаны новые главы «Лица и голоса» — портреты и воспоминания о М. Исаковском, А. Твардовском, С. Гудзенко, Б. Ручьеве, К. Некрасовой, М. Луконине, о тех, с кем общался, с кем дружил и сотрудничал о композиторах и артистах.

И все-таки главное дело моей жизни — стихи. С возрастом они пишутся медленнее, труднее. Но это и понятно.

Самая насущная забота
Всякого труда и ремесла —
Это чтобы новая работа
Лучше прежней сделана
была.

Интервью вел
Ю. СТЕФАНОВИЧ

НАКАНУНЕ НОВОЙ КНИГИ

СЕРЖАНТ КАРО

Вот уже более трех десятилетий писатель Мкртич Саркисян пишет о войне, о своих сверстниках, ушедших на фронт прямо со школьной скамьи.

Уже в самих названиях книг писателя видна верность теме — «Судьбой приговоренные», «Жизнь под огнем», «Грозные дни», «Сержант Каро» и многие другие. Все они давно полюбились читателю. А мне запомнился герой повести «Сержант Каро» в республике стало нарицательным. За веселый нрав, искренний юмор, за щедрое и доброе сердце сержанта Каро часто называют армянским Василием Теркиным.

В начале Дня Победы корреспондент «ЛГ» З. Балаян встретился с М. Саркисяном.

— Сейчас завершаю работу над романом «Полвека», — рассказал Мкртич Дивнович. — В нем, как и в других своих книгах, я не менял имен прототипов. Подлинные имена сохраняю даже тогда, когда речь идет о ныне здравствующих людях.

В романе «Полвека» читатель вновь встретится с Каро, сменившим сержантскую форму на комбинезон строителя. И дело тут вовсе не в совпадении имен. Просто речь идет об одном и том же человеке — Каро Заргаряне, который живет в Ереване и вот уже более тридцати лет работает на стройках городе. Я часто встречаюсь с моим фронтовым товарищем. У него все то же веселые глаза, только голова совсем белая. «Штилетка — это тот же фронт, — говорит он.

Кончилась война в 1945-м. Но те, кому выпало жить, по-прежнему чувствуют себя на передовой. Надо было восстанавливать разрушенное. Оставшимся в живых пришлось работать и за себя, и за погибшего товарища. Один за двоих — вот арифметика людей послевоенного времени. Таким был и мой сержант Каро — строитель Каро, который с нескрываемой гордостью заявляет, что за все послевоенные пятилетки он целый город построил. Думаю, символично, что и сыновья Каро стали строителями. В Армении часто, обращаясь к собеседнику, друг друга называют не иначе, как «тношен» — буквально «домостроитель».

Работая над созданием образов бывших фронтовиков, прослеживая их биографии, я обратил внимание еще на одну особенность. Фронтовые командиры становились командирами производства и в мирное время. Герои одной моей повести Левон Берегян и Рафик Мелоян на войне были командирами взводов. Сегодня Левон — председатель колхоза, а Рафик — начальник крупного цеха автомобилестроительного предприятия.

Роман «Полвека» — своеобразная летопись поколения. И для меня в нем очень важна идея преемственности. Именно поэтому необходимо, чтобы боевой дух, идейная закалка, страстная убежденность, словом, все то, что нам тогда помогало выстоять в борьбе с фашизмом, передавалось подрастающему поколению, как эстафета.

ЕРЕВАН

ВЕСТИ ИЗ ЛИТВЫ

ГЕРОЙ — СОВРЕМЕННИК

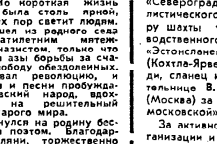
Обсуждению актуальных литературных проблем в свете решений XXV съезда КПСС был посвящен пленум нового правления Союза писателей Литвы.

Председатель правления СП республики А. Малдонис подчеркнул в своем докладе, что основной и важнейшей задачей писательской организации является укрепление связей литературы с жизнью. И в докладе, и в выступлениях В. Аурилы, А. Балтруноса, Ю. Балтушиса, Э. Вуйиллене, Л. Валбасиса, Р. Кешаунаса, Ю. Кобрина, Юозаса Марцинкявичюса, Р. Шавялиса, главного редактора еженедельника «Литература ир менас» О. Аленсы речь шла об особенностях развития отдельных жанров литовской литературы — особое внимание уделялось жанру публицистики, который все чаще находит должного места в творчестве литовских писателей, — говорилось о литературной смене, о расширении интернациональных связей, затрагивались различные проблемы творческого процесса.

В принятом решении пленум выразил твердую уверенность в том, что, трудными литературы отдадут все свои силы, свой талант, свой творческий опыт делу партии, делу народа, будут стремиться создать различные, глубоко и ярко рассказывающие о социалистическом образе жизни, о нашем замечательном современнике, утверждающие великие идеи социалистического гуманизма.

В работе пленума принимали участие заместитель Председателя Совета Министров Литовской ССР Л. Диржинскайте и заведующий отделом культуры ЦК КП Литвы С. Шимнус.

ПАМЯТЬ НАРОДНАЯ



На севере Литвы, в районном центре Биржай, открыт памятник поэту-большевику Юозасу Янонису. Авторы памятника — народный художник республики скульптор К. Богданас и лауреат Ленинской премии архитектор В. Бредникис. Тысячи земляков поэта пришли на главную площадь города, чтобы почтить память сына своей земли, предвестника новой эпохи.

Не так много в истории мировой культуры двадцатилетних юношей, о жизни которых слагают песни и пишут оперы, ставят фильмы и спектакли, именами которых называют улицы и площади городов. Но короткая жизнь Янониса была столь ярной, что до сих пор светит людям.

...Он ушел из родного селя шестнадцатилетним мятежным гимназистом, только что узнавшим азы борьбы за счастье и свободу обездоленных. Он воспевал революцию, и его стихи и песни пробуждали литовский народ, вдохновляли на решительный штурм старого мира.

Он вернулся на родину бессмертным поэтом. Благодарные земляки, торжественно отвечая на ходатайствие о дня его рождения, воздвигли Юозасу Янонису прекрасный памятник — он реет над городом, словно факел, словно зовущее вперед знамя...

Наш корр.

ВИЛЬНЮС

О НАШЕМ РАБОЧЕМ КЛАССЕ

ИТОГИ ВСЕСОЮЗНОГО КОНКУРСА

Президиум ВЦСПС и секретариат правления Союза писателей СССР подвели итоги Всесоюзного конкурса на лучшее произведение художественной прозы о современном советском рабочем классе за 1974 — 1976 годы. На конкурс поступило 282 романа, повести, художественно-документальных произведения. В лучших книгах и рукописях отображены ведущая роль рабочего класса в советском обществе, нерушимая дружба народов нашей страны, их сплоченность и самоотверженность в борьбе за осуществление преднамеченных Коммунистической партии, за построение коммунизма.

Президиум ВЦСПС и секретариат правления Союза писателей СССР присудили:

первую премию — писателю **О. М. Куваеву** (посмертно) за роман «Территория»;

вторые премии — писателю **Ш. М. Бикмурину** (Ленингорск, Татарская АССР) за роман «Твердая порода», писателю **В. Н. Собко** (Киев) за роман «Лихобор»;

третьи премии — писателю **И. Г. Лазутину** (Москва) за роман «Родник пробивает камни», писателю **Г. М. Лезгинцеву** (Москва) за роман «Рудознатцы».

Присуждены также поощрительные премии: писателю **Ю. Н. Авденко** (Москва) за роман «Дикий хмель», писателю **Л. И. Гаврилкину** (Гомель) за роман «Не могу без тебя», писателю **Н. Ф. Костенко** (Кишинев) за роман «Североград», Герою Социалистического Труда, бригадиру шахты «Эстония» производственного объединения «Эстонсланец» **А. Г. Пяртелю** (Кохтла-Ярве) за книгу «Люди, сланец и машины», писательнице **В. А. Щербиной** (Москва) за роман «На земле московской».

За активное участие в организации и проведении конкурса Почетной грамотой ВЦСПС награждены члены жюри: Герой Социалистического Труда, слесарь Московского завода имени Владимира Ильича **С. А. Антонов**, Герой Социалистического Труда, директор Челябинского трубопрокатного завода **Я. П. Осадчий**, писатель **Н. Ф. Попов** (Москва), писатель **С. Н. Хенздепи** (Ереван), писатель **И. П. Шамякин** (Минск). За активное участие в пропаганде Всесоюзного конкурса Почетной грамотой ВЦСПС награждена комментатор Главной редакции информации Центрального телевидения **Н. В. Шахова**.

ГОСТИ РЕДАКЦИИ

В связи с 31-й годовщиной договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ПНР в редакции «Литературной газеты» 27 апреля состоялась дружеская встреча с сотрудниками посольства ПНР в Москве и польскими журналистами. Гости осмотрели фотовыставку, подготовленную бывшим военным корреспондентом, спецкором «ЛГ» М. Трахманом. Во время встречи состоялся разговор о развитии творческих контактов между «Литературной газетой» и органами печати Польши. Присутствовали: главный редактор варшавского еженедельника «Культура» Д. Городынский, советники посольства ПНР по информации и печати З. Костшева, по культуре — Е. Пиотнитский, корреспонденты, аккредитованные в СССР, А. Шиоис (ПАП), З. Лешниковский («Трибуна люду»), Э. Фетне, Н. Нестерович («Радио и телевидение»), М. Белецкий («Интерпрессс»), Е. Ранковский («Штандар млодых»), К. Козуб («Дзенник людовы»).

К 90-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ

В связи с исполняющимся 90-летием со дня рождения основоположника современной татарской поэзии Габдуллы Тукая постановлением секретариата правления СП СССР утверждена Всесоюзная юбилейная комиссия в составе: М. Луконин (председатель), Ю. Хасанов, Н. Шундик (заместители председателя), А. Карпов (ответственный секретарь).

В состав комиссии также вошли: А. Алимжанов, Г. Ахунов, Н. Бажан, Р. Бикмухаметов, М. Валеев, Ю. Верченко, В. Гачиев, М. Горбанов, Ю. Грибов, А. Деревянко, М. Дудин, Зики Нури, Мустай Карим, Х. Зайнуллин, Л. Земляникова, И. Касумов, М. Львов, Л. Матвеев, С. Михалков, Б. Покаржевский, С. Орлов, Н. Свиридов, В. Сомов, В. Сорокин, Х. Туфан, С. Хакимов, А. Чаковский, И. Чхиквишвили, Г. Шарафутдинов, С. Эралиев, Р. Эсенов, К. Яшен.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Выражаем нашу глубокую признательность всем лицам и организациям, приславшим свои соболезнования по поводу постигшей нас тяжелой утраты — кончины писателя Сергея Сергеевича Смирнова.

Семья СМИРНОВЫХ

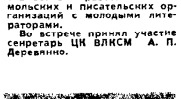
Литературная панорама

Встреча в ЦК ВЛКСМ

В ЦК ВЛКСМ состоялась встреча с лауреатом Ленинской премии, первым секретарем правления Союза писателей СССР Г. М. Марковым, секретарями правления СП СССР Ю. И. Верченко, И. К. Лукониным, С. В. Сартаковым, секретарями правления СП РСФСР М. Н. Алексеевым и А. Г. Алексиным.

Видные советские писатели ознакомились с выставкой книг, выпущенных издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» в годы девятой пятилетки. Состоялся заинтересованный разговор о роли книги в коммунистическом воспитании молодежи, о дальнейшем совершенствовании совместной работы комсомольских и писательских организаций с молодыми литераторами.

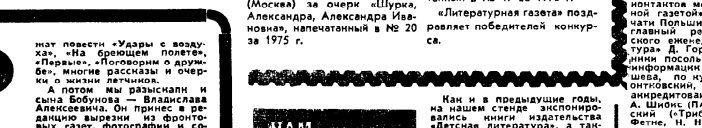
Во встрече приняли участие секретарь ЦК ВЛКСМ А. П. Деревянко.



ПРИСУЖДЕНЫ...

...Государственные премии Азербайджанской ССР 1976 года Бахтияру Вагабзаде — за поэму «Беседа с Лениным» и «Муганы» к юбилею (Г. Имамвердиеву) — за поэму «Насими». Максуду Ибрагимбекову — за повести «Прилетала сова» и «За все хорошее — смерть». Мамед Джафару (М. Джафарову) — за литературно-критические работы 1974—1975 годов.

...Совместным решением бюро Якутского обкома КПСС и Совета Министров ЯАССР республиканская премия имени П. А. Ойунского в 1976 года в области литературы и искусства известному поэту и переводчику В. В. Дьяконову (посмертно) за художественный перевод героического эпоса — олонхо «Кюрдэ Боотур Стремительный», воссозданного П. А. Ойунским на основе народных сказаний.



Г. ГОРЫШИН *А. БОРЩАГОВСКИЙ* *В. АНИКЕЕВ* *В. ГРУЗИН* *П. КАРПОВ*

КОНКУРС «ЛГ» НА ЛУЧШИЙ ОЧЕРК

В 1975—1976 годах «Литературная газета» провела открытый конкурс на лучший очерк под девизом «Советский образ жизни: человек и общество».

В соответствии с условиями конкурса (они были объявлены в «ЛГ», № 6, от 5 февраля 1975 года) редакционная коллегия «Литературной газеты» подвела итоги и постановила:

Первую премию присудить писателю **Г. Горышину** (Ленинград) за очерк «Письмо другу», напечатанный в № 9 за 1975 г.

Вторую премию присудить писателю **А. Борщаговскому** (Москва) за очерк «Шурка, Александра, Александра Ивановна», напечатанный в № 20 за 1975 г.

Третьи премии присудить **В. Аникееву** (Хабаровск) за очерк «Первопроходцы», напечатанный в № 9 за 1976 г., **В. Грузину** (Киев) за очерк «Зажги солнце», напечатанный в № 39 за 1975 г., **П. Карпову** (Рига) за очерк «Интерес Василия Дудинова», напечатанный в № 49 за 1975 г.

«Литературная газета» поздравляет победителей конкурса.

ПОИСК

ПИСЬМО ИЗ 1943 ГОДА

Письмо, которое я держу в руках, было отправлено с передовой тридцать три года назад...

19 апреля 1943 года.

Дорогая Леля!

...Удалось договориться с командованием о включении меня в оперативную работу. Я сказал: если вы хотите, чтобы я давал полноценные корреспонденции о фронте, я должен не только видеть, как дерутся другие, но и сам принимать участие в драке — тогда об этом отлично напишу. Согласились с этим и в первых числах марта, перед нашим наступлением, послали меня на «станцию наведения». Это небольшой блиндаж с хорошо замаскированным наблюдательным пунктом метрах в трехстах от переднего края обороны (примерно на одной линии с легкими минометными батареями и противотанковыми пушками). Немцы примерно в восьмистах метрах. В стереотрубу мы вдвоем беспрерывно наблюдаем за их позициями и ближним тылом и наносим на особую карту наиболее выгодные цели, подвоз боеприпасов, подход подкреплений, танков и т. д. В нужную минуту вызываем по радио свои штурмовики, а когда они подлетают к нам, мы по радио указываем их цель для атаки, во время штурмовки предупреждаем о появлении истребителей противника, указываем наиболее безопасные пути выхода из атаки и т. д. В поле нашего зрения — и немецкие позиции, и ближний их тыл, и наши штурмовики в воздухе, и немецкие истребители, и поэтому мы имеем возможность многое указать и подсказать штурмовикам с земли. Вот подходят две группы наших штурмовиков. Командиры групп тотчас же сообщают нам:

— Я — Юсупов... Я — Калинушкин... Имею цель — зенитки в лощине справа... Имею цель — автоматчики за высоткой «6».

— Идите на цель. Слева от лощины, в ельнике, тоже зенитки. На скате высотки, к нам — два дота. Прямо перед нами, в излучине ручья, три пулеметные точки.

Штурмовики с грохотом обрушиваются на цели и начинают их крошить. Мы следим, подсказываем новые цели и сообщаем:

— Осторожнее, со стороны солнца идут восемь истребителей... Помогите соседям слева, их атакуют «фокке-вульфы».

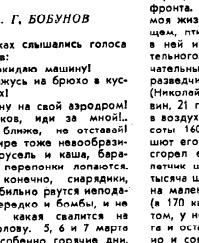
Грохочущая карусель продолжается несколько минут, штурмовики уходят. Приходят другие группы, и все начинается снова. Десятки групп за день, сотни самолетов. Наши штурмуют немецкие позиции, на них набрасываются немецкие истребители. Наши истребители бросаются на выручку. Подходят немецкие бомбардировщики. На них бросаются наши истребители, а на последних — немецкие истребители. Вдобавок, в помощь штурмовикам, подходят наши пикирующие бомбардировщики. В воздухе — невообразимая каша, винегрет — наши штурмуют, немцы бомбят, наши бомбят, а истребители обеих сторон вьются кругом, как осы. Небо грохочет так, что вот-вот расколется, а на земле, кроме бомб, своим чередом идет наземный артиллерийский, минометный, пулеметный бой. В первые два дня я совершенно ошалел от грохота и воя, я охрип и отупел и, сказать по правде, немало набрался страху, но до чего, Леля, это было захватывающе, интересно, увлекательно — если не считать, что жутко было смотреть, как падают горящие самолеты и в наушниках слышались голоса летчиков:

— Покидаю машину!

— Сажусь на брюхо в кустарники! Солдатики, мордвин, 21 год) немцы подожгли в воздухе, он спрыгнул с высоты 1600 метров, но парашют его не распустился, он сгорел еще в самолете, и летчик штопорил пламя все тысяча шестьсот метров, упал на замерзшее болото в лесу (в 170 километрах за фронтом, у немцев) в сугроб снега и остался не только жив, но и совершенно невредим. Его доставили партизаны, и через 8 дней он полетел в такой же полет, и у него сгели оба мотора. Он все же ухитрился без моторов дотянуть (планированием) до линии фронта и посадил самолет в 800 метрах позади нашей передней линии. Много здесь таких историй, и приходится бывает жать, когда они гибнут на твоих глазах.

Вот так и живу, так и работаю.

Алеша



А. Г. БОБУНОВ

Выцвели чернила, пожелтела бумага, но от этого лишь сильнее впечатляют строки, написанные ровным «учительским» почерком. В какой советской семье нет таких писем, в которых в короткие перерывы между боями писем. Мы бережем их как самую дорогую реликвию, как святую память об отцах наших, погибших за то, чтобы их дети, внуки видели только чистое мирное небо над головами. И как бы далеко ни ушли в историю годы военного лихолетья, суровые и героические картины дней, когда в пожарах сражений пылала Великая Победа, никогда не сотрутся в памяти людей старшего поколения. Прошлое не умирает, оно всегда с нами, оно внутри нас.

Кем же был неизвестный Алеша, буднично повествующий о своих фронтовых делах? Его письма — их всего три — хранятся в ЦГАЛИ. Всё было бы проще, имей сотрудники архива номера — на них наверняка значилась фамилия этого человека. В время их не сохранили, а Лели — Е. В. Поволоцкой, бывшего редактора издательства «Искусство» нет в живых. Но все же должна быть какая-то ниточка, надо искать, решили мы со старшим научным сотрудником ЦГАЛИ Н. Сиротиной. Она пересмотрела кипы документов, сличала почерки. Наконец однажды в редакции раздался долгожданный телефонный звонок.

— Автор письма — Алексей Григорьевич Бобунов, инженер, перу которого принадлежат повести «Удары с воздуха», «На бреющем полете», «Первые», «Поговорим о дружбе», многие рассказы и очерки о жизни летчиков.

А потом мы разыскали и сына Бобунова — Владислава Алексеевича. Он принес в редакцию вырезки из фронтовых газет, фотографии и сообщил, что архив его отца хранится в Музее истории Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского.

Зная, заведующему музеем подполковнику в отставке В. В. Стернину.

— Да, мы собираем материалы о Бобунове, — подтвердил он. — Алексей Григорьевич — воспитанник нашей академии. Летчик. После аварии ему пришлось прекратить летную работу, и Великую Отечественную войну Бобунов, уже профессиональный писатель, прошел в качестве фронтового корреспондента газеты «Советский воздушный флот» ВВС Красной армии. Был награжден орденом Красного Знамени, Красной Звезды.

По просьбе редакции начальник Центрального архива Министерства обороны СССР генерал-майор Т. И. Никитченко сообщил:

— В период, в которому относится публикуемое письмо майора Бобунова, Третья воздушная армия участвовала в боях на Калининском фронте. Весной 1943 года наши войска обороняли занимаемые рубежи, совершенствовали их инженерное отношение, вели разведку переднего края противника. Это были месяцы усиленной подготовки к наступлению. Уже недалеко было время освобождения Пскова, Полоцка, Витебска и других наших городов от ига гитлеровских захватчиков. Вера, реки, леса, болота создавали большие трудности пехоте, танкам, артиллерии, для успешного продвижения обороны противника и продвижения вперед необходимо было координировать действия всех родов войск. И авиация играла в этом деле немаловажную роль. Советские штурмовики, истребители, бомбардировщики наносили удары с воздуха по местам и переправам, теснили противника, загоняли в топи и другие малопроходимые места.

Летчики Третьей воздушной армии, в составе которой воевал Бобунов, внесли большой вклад в дело разгрома врага.

В. ПОМАЗНЕВА

НАМ СООБЩИЛИ...

ПРЕМИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВУ «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

С 8 по 11 апреля в Болонье, Италия, проходила 13-я ежегодная Международная ярмарка детской и юношеской книги.

СССР много лет является традиционным участником этой ярмарки.

Как и в предыдущие годы, на нашем стенде экспонировались книги издательства «Детская литература», а также других издательств, выпускающих детскую литературу.

В этом году первая премия — «Ярмарка в Болонье» — за лучшее художественное оформление и полиграфическое исполнение книги для юношества была вручена издательству «Детская литература» за новое издание поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» с иллюстрациями (гравюры на дереве) художника Ф. Константинова.

Это уже четвертая награда, полученная издательством «Детская литература» на конкурсах международной ярмарки детской и юношеской книги в Болонье за последние годы.

ЗАЩИТНИКАМ ГРАНИЦ

Произведения о пограничниках заняли достойное место в нашей богатой военно-патриотической литературе. Большой коллектив писателей и в Москве, и во всех союзных республиках настойчиво работает над этой важной темой, запечатлевая на страницах книг высокий подвиг славных воинов в зеленых фуражках.

На днях в Высшем пограничном военно-политическом Краснознаменном училище имени К. Е. Ворошилова состоялась встреча начальника пограничных войск КГБ при Совете Министров СССР генерал-полковника В. Матросова и начальника Политуправления пограничных войск полковника В. Гапоненко с большой группой московских писателей. Встреча была посвящена теме «XXV съезд КПСС и художественная литература о границе и пограничниках».

Генерал-полковник В. Матросов и полковник В. Гапоненко рассказали литераторам о жизни и задачах пограничных войск, выполняющих свой патриотический долг.

Выступившие на встрече В. Ардаматский, В. Беляев, В. Захаренко, М. Колесников, М. Крючкин, Н. Мар, Н. Романов, Г. Свиридов, В. Сергеев, А. Смольников, В. Тельегов подчеркнули важность давней дружбы литературы с пограничными войсками, высоко оценили плодотворную работу журнала «Пограничник», рассказали о своих творческих планах, внесли ценные предложения.

В заключение в клубе училища состоялся литературный вечер.

ГОРИЗОНТЫ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

РАССКАЗЫВАЮТ СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ЛГ»

СЪЕЗДЫ ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ И ТАДЖИКИСТАНА

ОТКРЫТИЕ VIII съезда писателей Грузии пришлось на день, когда вся наша страна отмечала 106-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина.

— Прежде чем прийти в этот зал, — сказал, начиная отчетный доклад председатель правления СП Грузии, Герой Социалистического Труда Г. Абашидзе, — мы, писатели Грузии, вместе с представителями братских республик возложили венки к памятнику Ленину. Чувство глубокой благодарности великому Ленину за все то, что он дал советским народам, всему человечеству, связывало и объединяло нас в эти минуты.

Каждый из писателей Грузии в торжественные для него дни съезда по праву мог бы повторить слова своего замечательного земляка В. Маяковского: «Товарищ Ленин, я вам доклад**ываю не по** службе, а по душе».

Не боясь ошибиться, можно сказать, что очередной съезд писателей Грузии начался... за два дня до его официального открытия. Большая группа грузинских литераторов во главе с первым секретарем правления СП Грузии Т. Буачидзе приехала в Рустави к своим давним друзьям — металлургам, чтобы предстать перед ними с творческим отчетом. В последние годы это стало обычным в практике работы Союза писателей Грузии.

На съезде шла речь о произведениях последних лет, снискавших признание и любовь народа. Многие из них получили широкую известность за пределами республики, сыграл свою роль во всенародном походе за выполнение заданий девятой пятилетки.

Именно об этом утверждающем пафосе современной грузинской литературы как о главном ее качестве говорили все выступавшие на съезде. Оно и понятно. Ведь Грузия переживает сегодня особенное время. Постановление ЦК КПСС о работе Тбилисского горкома Коммунистической партии Грузии стало началом обновляющих перемен в жизни республики, обеспечивших мощный подъем ее экономики и культуры, оздоровление ее общественного климата.

Да, новое невозможно без борьбы со старым, отжившим. Но эта борьба не только в разоблачении нетативных сторон жизни. Прежде всего она в утверждении ее светлых, прогрессивных начал.

На съезде, естественно, звучали споры, высказывались разные точки зрения по поводу некоторых явлений и фактов литературной жизни, с достаточной долей критичности оценивались отдельные произведения, но это не был спор частный, узковедомственный — это был большой принципиальный разговор людей, заинтересованных в одном общем деле, спаянных этим общим делом. Пафос всех выступлений был един: писатели Грузии выразили полную поддержку политике партии в области литературы. Та широкая перспектива творчества, которая была развернута перед художниками слова в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXV съезде партии, говорили они, вдохновляет грузинских литераторов на новые свершения, повышает чувство ответственности за свой труд.

В отчетном докладе правления СП Грузии, в содокладах секретарей правления Союза писателей Грузии **В. Жгенти** (проза), **И. Нонешвили** (поэзия), **Н. Думбадзе** (драматургия), первого секретаря правления СП Грузии **Т. Буачидзе** (критика), поэта **М. Поцхишвили** (детская литература), писателя **К. Лордкипанидзе** (проблема перевода), в выступлениях участников прений было высоко оценена роль литераторов Грузии в тех благотворных общественно-социальных преобразованиях, которые произошли в республике за последние годы.

В страдные дни борьбы за урожай, за выполнение и перевыполнение заданий пятилетки грузинских писателей можно было встретить на виноградных и чайных плантациях, на стройках ИнгуриГЭС и Алазанской оросительной системы, на лесах возводящихся корпусов Зугдидского фарфорового завода и Мадневульского горно-обогатительного комбината, у автомобилестроителей Кутаиси и на первых скважинах большой грузинской нефти.

Это был поистине всеобщий ответ литераторов на призыв партии. О его творческих итогах — новых стихах и рассказах, поэмах и романах, очерках и публицистических статьях — говорили на съезде **Д. Шевелан** и **В. Жгенти**, **И. Нонешвили** и **И. Тарба**, **К. Маргиева** и **Ф. Халваши**, **М. Какидзе** и **Д. Кинцаридзе** — по существу, все выступавшие.

Одним из заметных фактов литературной жизни республики стал выпуск издательством «Мерани» серии сборников стихов, рассказов и очерков под общим заголовком «Грузинские писатели на вахте пятилетки».

Заботой об идейном и эстетическом уровне произведений, посвященных кардинальным проблемам современности, были пронизаны отчетный доклад Г. Абашидзе, выступления **И. Абашидзе, Дж. Чарквиани** и других.

С трибуны съезда прозвучали слова о том, что только внутренняя убежденность, подлинная гражданская зрелость могут принести к успеху в овладении актуальной проблематикой эпохи, только глубокое проникновение в нужды и заботы, которыми живет сегодня твоя страна, твой народ, делает твое творчество необходимым современнику.

Когда поэт в дни затяжной засухи, грозившей гибелью кахетинской лозе, обращается к другу виноградарю: «Я тучу приниму над виноградником и, как корову, выдою ее», — это лучше всяких громких слов говорит о душевной связи поэта с его народом.

ПЯТЬ лет, прошедших между предыдущим и нынешним съездами писателей Грузии, — небольшой промежуток времени. Но для грузинской литературы, как отмечали на съезде Х. Берулава, Э. Маградзе, Н. Киласония и др., эти годы были годами напряженного творческого поиска, серьезных художественных открытий.

Премиями имени Ш. Руставели были отмечены произведения К. Лордкипанидзе, Н. Думбадзе, М. Мревлишвили, М. Лебанидзе, А. Сулаквари, Ш. Нишнианидзе, И. Кецховели.

Премиями Ленинского комсомола Грузии были награждены М. Поцхишвили, Г. Панджикидзе; ежегодную премию Союза писателей Грузии получили Р. Джапаридзе, В. Чечиладзе, Н. Киласония, Р. Маргиани, Дж. Чарквиани.

Эти высокие награды свидетельствуют об острой злободневности, подлинной идейности, высоком художественном уровне лучших произведений современной грузинской литературы.

С образцами гражданской лирики выступили поэты И. Монешвили, М. Поцхишвили, Х. Берулава, О. Челидзе, Д. Сулаквелидзе, М. Квантаришвили, Халваши, Н. Джусойты. Х. Гагуа, Поэты старшего поколения К. Каладзе и И. Абашидзе, постоянно держа руку на пульсе времени, вписали новые замечательные страницы в историю грузинской поэзии.

Нужна драматургия сегодняшнего дня, отражающая конфликты современной жизни, отвечающая духовным запросам времени наших дней.

Особый разговор развернулся на съезде вокруг проблемы, связанной с ролью литературы в деле нравственного воспитания человека. «Тема морали, — отметил в своем докладе Г. Абашидзе, — для многовековой грузинской литературы с начала ее развития была одной на главенствующих тем... Литература наших дней не могла не оставаться верной этой традиции, не являться своеобразным продолжателем ее новых условиях».

Теме борьбы за нового человека, борьбы со всем косным, отжившим посвятили свои произведения А. Каландадзе, А. Адамиа, С. Ингороква, Н. Думбадзе. О них говорилось в докладах Г. Абашидзе, В. Жгенти.

Воспитательное значение литературы, ее роль в формировании молодого поколения, в том числе и самых юных граждан нашей страны, — на этих проблемах особый акцент сделали в своих выступлениях писатели М. Поцхишвили, Х. Берулава, Г. Джибладзе, педагог Тбилисской экспериментальной школы Д. Лория, первый секретарь Союза композиторов республики Г. Орджоникидзе, чаевод села Ахалшоки Хелвачаурского района Н. Чинкадзе.

Когда на съезде начальник Политуправления Краснознаменного Закавказского военного округа генерал-майор А. Оверчук вручил грузинскому писателю К. Лордкипанидзе почетный диплом Министерства обороны СССР и именной офицерский кинжал, писатель удостоился этой награды за создание лучшего произведения на военно-патриотическую тему), он особо подчеркнул, какую помощь в деле воспитания молодых воинов оказывает писательское слово.

Тем более досадно, что на съезде не было уделено достаточного внимания проблемам воспитания молодой литературной смены.

С ТРИБУНЫ VIII съезда писателей Грузии звучали и стихотворные строки, и цифры сухой статистики. В частности, говорилось о том, что за период с 1971 по 1975 год издательства республики выпустили 435 наименований книг, переведенных с 41 языка народов мира, общим тиражом свыше 7 миллионов экземпляров. Даже в нашей стране, известной переводами, цифры эти звучат впечатляюще. Лучшие переводные произведения с древности обогащали национальную культурную сокровищницу. Эта благородная традиция сейчас не только продолжается — она приняла более широкий, массовый характер, являясь наглядным выражением торжества ленинской национальной политики.

Искренная неразрывная дружба литератур ведет к их взаимообогащению. Не случайно вспомнились в дни съезда строки грузинского поэта Г. Леонидзе, обращенные к русскому собрату по перу Н. Тихонову:

И песню братства
мы с тобою сложим
И приобщим к сокровищам времен.

Только за последние годы в Грузии был создан альманах переводной литературы «Саундже», основана при Союзе писателей Главная редакционная коллегия по делам художественного перевода и литературных взаимоотношений.

Круг вопросов, связанных с диалектикой национального и интернационального в искусстве, традиции и новаторство, затрагивавшиеся в выступлениях К. Лордкипанидзе, **В. Челидзе, Р. Джапаридзе, О. Нодия.**

Об ответственных задачах литературной критики, особенно в свете известного постановления ЦК КПСС по этому вопросу, говорили на съезде Т. Буачидзе, **Г. Мерквиладзе, Г. Цицишвили, Г. Гвердцители.** Остро прозвучало требование, чтобы ни одно значительное и интересное произведение не оставалось без серьезной объективной оценки, ни один факт литературного брака — без принципиального реагирования. Молчание критики особенно нетерпимо, когда речь идет о произведениях, новаторских по теме или по форме, о произведениях, поднимающих актуальные проблемы наших дней. Так, роман Н. Цулейскири «Зеснахе» — первое крупное прозаическое произведение в грузинской литературе, посвященное строительству Ингурской ГЭС — к сожалению, до сих пор не явился предметом широкого обсуждения.

Писательский съезд всегда становится событием не только литературной, но и общественной жизни. Ведь роль литературы в современном мире поистине огромна, задачи, стоящие перед ней, — это прежде всего задачи общегосударственные, партийные. Эта мысль особенно отчетливо прозвучала в выступлении секретаря правления СП СССР **С. Сартакова**, приветствовавшего съезд от имени правления СП СССР и всех делегаций братских республик. О великих традициях грузинской литературы, которые достойно продолжаются и развиваются сегодня, о современности как главной теме произведений грузинских писателей говорил С. Сартаков. «Весна грузинской литературы, — сказал он, — подает надежды на большой урожай».

В заключение перед делегатами и гостями съезда с большой речью выступил первый секретарь ЦК Коммунистической партии Грузии **Э. А. Шеварднадзе.**

Впереди — Всесоюзный съезд писателей. Грузинские литераторы приходят к нему с осознанием четких перспектив в работе, с ясным ощущением горизонтов завтрашнего дня. И этому во многом способствовал большой творческий разговор, который состоялся 22 и 23 апреля в Тбилиси.

***

На пленуме правления СП Грузии председателем правления избран Г. Абашидзе, первым секретарем — Т. Буачидзе, секретарями — Н. Думбадзе, В. Жгенти и И. Нонешвили.

Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, С. СЕЛИВАНОВА

ТБИЛИСИ

В перерыве между заседаниями съезда писателей Молдавии (слева направо) — поэт Богдан Истру, Герой Социалистического Труда, бригадир СУ-8 треста «Промстрой» Г. А. Селецкий и поэт Андрей Лупан.

Фото И. ЗЕНИНА

ВЕРНОСТЬ ВЕЛИКОМУ ВРЕМЕНИ

ЧТОБЫ понять, каким уважением пользуются в Таджикистане писатели, надо видеть, как встречает их народ. Встречает не только хлебом-солью и цветами, но и танцами, музыкой, песней, счастливой улыбкой. Так было, когда сразу после своего съезда таджикские писатели вместе с гостями приехали в прославленный Нурек и на Регарский алюминиевый завод — стройки, к которым в республике приковано внимание всех — от школьника до министра. Какую же большую ответственность должен чувствовать художник перед народом, если к нему относятся с такой искренней любовью, оказывают такие почести, возлагают надежды...

Об этой ответственности художника перед временем и обществом хорошо сказал в своей речи на VII съезде писателей Таджикистана первый секретарь ЦК КП республики **Д. Р. Расулов.**

Значение вашего съезда, сказал он, мы видим в том, что обсуждение на нем важнейших творческих проблем в свете решений XXV съезда КПСС пронизывается глубоким чувством ответственности каждого художника перед обществом, помогает более четко определить пути дальнейшего развития нашей литературы и искусства.

Важные проблемы развития современной таджикской литературы затронул во вступительном слове на съезде председатель правления СП Таджикистана, Герой Социалистического Труда, поэт-академик **Мирзо Турсун-заде.** Нам следует судить о своем творчестве, сказал он, с позиций преемственности, верности гуманистической направленности советской литературы, с позиций ее общечеловеческого звучания. В то же время нам следует поразмыслить о том, чем же мы обогащаем зеркало времени и пространства, не замутняем ли его повторением пройденного, стремимся ли обогатить красками живой жизни нашу художественную палитру? Ведь сколько ни клянись в верности великим учителям, если ты не увидел примет завтрашнего дня в сегодняшнем, если ты пользуешься теми же изобразительными средствами, что и мастера старших поколений, не находя собственных, — значит, ты незадачливый ученик, эпигон.

Говоря о соотношении традиции и новаторства, оратор иллюстрирует свои положения примерами из творческой практики классиков советской таджикской литературы Айни и Лахути. Нам ни минуты не следует забывать, что таджикская советская литература — часть литературы всесоюзной и прогрессивной мировой, что мы пишем не только для наших земляков, но и для каждого читателя страны, говорит Мирзо Турсун-заде. В связи с этим он подверг критике попытки некоторых литературоведов придать характер исключительности классической таджикско-персидской поэзии. Мирзо Турсун-заде подчеркнул ее неразрывную связь с другими литературами. Подлинная литература, сказал он, невозможна без жадного интереса ко всему мировому литературному процессу. Национальная замкнутость ведет к замкнутости духовной. Оратор признал к тому, чтобы писательский съезд стал не только форумом подведения итогов, но и школой литературной учебы, школой раздумий о путях и судьбах литературы.

И НАДО сказать, призыв мастера был услышан таджикскими писателями. В докладах по жанрам, выступлениях многих делегатов присутствовала не только гордость за достигнутое, в них сквозила и озабоченность состоянием дел на отдельных участках литературного фронта. В обзоре таджикской прозы, сделанном **А. Сайфуллаевым**, отмечалось ее дальнейшее жанровое и стилистическое обогащение, укрепление связи с жизнью. Приобрели новые идейно-художественные качества роман, повесть, рассказ, очерк и публицистика. Одно из важных достижений таджикской прозы последнего периода — завершенная Дж. Икрами трилогия «Двенадцать ворот Бухары». Традиции изображения рабочего класса нашли развитие в романах, повестях, очерках Р. Джалила, Ф. Мухаммадиева, М. Холжаева, Дж. Олиназева, С. Карнеева, М. Мулдоджанова, Б. Тальвина, в повестях «Фея острова» А. Шукуни, «Последняя ночь» М. Бабаджана, «Молочный пафос социалистического строительства, сказал поэт, патетика всенародного подвига вдохновляют и нас, поэтов. О неисчерпаемом богатстве души говорят новые произведения Мирзо Турсун-заде — поэма «От Ганга до Кремля» и цикл стихов «Подарок». Эти произведения Мирзо Турсун-заде показывают нам новые яркие грани его самобытного таланта, говорят о непрестанном гражданском и творческом росте поэта. По ним мы изучаем не только биографию поэта, но и время. Духоподъемность, крепкая окрыленность роднят с поэзией Мирзо Турсун-заде стихи другого старейшего поэта Таджикистана — Мирсаида Миршакара. Щедро, с проникновенной и порою трогательной лирической интонацией, секрет обаяния которой — в народности, свежести чувств, ненаигранной гражданственности, пишет Бокн Рахим-заде. Мудростенная нежность наполняет стихи Аминджона Шукуни. В пору прекрасной творческой зрелости выступили еще совсем недавно холившие в «молодых» Лоик Шерали, Бозор Собир, Кутби Киром, Гулрухсор Сафиева. Представление о таджикской поэзии будет неполным, считает докладчик, если не назвать имен Мавджуды Хакимовой, Шохмуазффара Едгори, Салимшо Халимшо, Саидали Мамура, Гульназара Кельди, Озод Аминовой, Гульчехры Сулеймановой.

Докладчик проанализировал некоторые поэтические произведения, посвященные теме минувшей войны, сказал о утверждении человека в труде, отметив их недостаточную художественную выразительность. Многие стихи и поэмы о Нуреке и других стройках грешат информационностью, декларативностью, иллюстративностью.

Чтобы достойно воспеть величие перемен, свершаемых в республике, говорит М. Каноат, каждый из нас должен проникнуться гордостью от мысли, что народ наш нуждается в поэтах так же, как в рабочих и крестьянах, фермерах и инженерах. Когда поэт, мастер слова, садится за свой письменный стол, для него наступает момент не менее значительный, чем начало сева для крестьянина или открытие новой плотины для рабочего, хотя и нет с ним рядом ни колхозного бригадира, ни инженера. Рядом с ним — вся страна, ее прошлое, настоящее и ее будущее: коммунизм. И наша задача — показать эту красоту порыва в будущее, красоту трудового единения людей, их величавых лет и дум.

Характеризуя состояние дел в драматургическом «цехе», **М. Муллоджанов** говорил о богатстве жизненных ситуаций и конфликтов и о бедности их решения в пьесах авторов. Быстро меняющаяся жизнь меняет и саму природу конфликтов. Но это в жизни, а у драматургов мало что меняется с годами. Как и прежде, самая излюбленная коллизия — мелодраматическая; что-нибудь связанное с тайной рождения героя, усыновления, роковой разлукой. Мало на сцене современных героев времени НТР, характеров крупных, острых, полемических, воплощающих в себе лучшие черты людей эпохи развитого социализма. Драматурги все еще неуверенно чувствуют себя, когда принимаются к исследованию социальных, нравственных ситуаций современности. Таджикский театр, начинавшийся как театр открытых страстей, все еще не находит в современной драматургии материала, с которым он мог бы убедительно апеллировать к уму и сердцу сегодняшнего зрителя. Говоря о пьесах Г. Абдулло, Дж. Икрами, М. Миршакара, А. Атабаева, М. Бахти, С. Сафарова, А. Каххори, Ф. Ансори, А. Сидки, докладчик указал на «чересполосицу» удач и спадов в творчестве этих авторов. Хотелось бы видеть положение в области драматургии более стабильным, заключает докладчик. Мы хотим, чтобы у нас были драматурги, работающие во всех жанрах и тематически-стилевых направлениях.

Проблемам развития детской и юношеской литературы был посвящен доклад **А. Бахтори**, ответственно особую ответственность писателей, пишущих для нашей юной смены. О роли критики в литературном процессе, о необходимости повышения критериев оценки художественных произведений говорила **Х. Атаханова.** Несмотря на отдельные пробелы и просчеты, сказала она, критика сегодня идет в ногу с литературой и — более того — своим идейным оружием, теоретической методологией оказывает положительное воздействие на развитие литературного процесса.

С отчетом ревизионной комиссии съезду выступил **А. Каххори.** Другие ораторы, выступавшие в прениях, дали развернутую картину жанрового и тематического многообразия сегодняшней таджикской литературы. Старейшие писатели **Р. Джалил** и **Дж. Икрами** говорили о необходимости глубокого изучения художником жизненных проблем, тщательной работы над языком произведений. Прозаик **М. Ходжаев** критиковал авторов некоторых посвященных Курейской ГЭС очерков за поверхностность и легковесность знаний. К изображению жизненных, реальных конфликтов в драматургических произведениях призвали старейший драматург **Гани Абдулло** и министр культуры республики **М. Назаров.**

О содружестве науки и литературы в эпоху НТР говорил президент Академии наук Таджикской ССР **М. Асамов.** Проблемам критики посвятили свои выступления **М. Шукуров** и **Ю. Акобиров.** Планами развития книгоиздательского дела поделился председатель Госкомиздата республики **С. Пулатов.** Детской и юношеской литературе уделил главное внимание в своем выступлении народный поэт республики **М. Миршакар.** К повышению общественного, гражданственного звучания поэзии призвали своих коллег **Г. Сафиева, Б. Рахим-заде, Лоик Шерали.**

На съезде с большой речью выступил секретарь правления Союза писателей СССР **М. Луконин.** Мы с удовлетворением отмечаем новые взлеты и достижения таджикской литературы, сказал он.

Основную часть своего выступления М. Луконин посвятил вопросам развития советской многонациональной поэзии.

Съезд продемонстрировал единство и сплоченность писателей Таджикистана, их решимость отдать все свои силы делу служения народу, партии.

В заключение своей работы съезд принял резолюцию, в которой определены задачи развития таджикской литературы в свете решений XXV съезда КПСС.

***

На пленуме правления Союза писателей Таджикистана председателем правления избран Мирзо Турсун-заде, первым секретарем правления — М. Каноат, ответственным секретарем — Ф. Ниязи, секретарями — М. Мулоджанов и У. Раджаб.

М. МАСУД, П. УЛЬЯШОВ

ДУШАНБЕ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Т. К. ДЖУМАМУРАТОВУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по узбекской литературе поздравляют Тлеубергену Кулбаттуллаевичу Джумамуратову приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, видного каракалпакского писателя, народного поэта Каракалпакской АССР, народного поэта Узбекистана, с шестидесятилетием со дня рождения.

Один из старейших каракалпакских писателей, Вы сыграли заметную роль в становлении и развитии нашей каракалпакской советской литературы. Ваши поэтические сборники «Мои современники», «Звезда века», «Избранное» и роман в стихах «Иразанда Маллы», посвященный вековой дружбе русского и каракалпакского народов, завоевали любовь и признание читателей. С 1937 года, когда было опубликовано первое Ваше стихотворение на родном языке, у Вас вышедшие десятки поэтических сборников и поэтических книг. Многие Ваши произведения переведены на русский, узбекский и другие языки братских народов нашей страны. А сборник стихов «На волне» удостоен республиканской Государственной премии имени Бердаха.

Мы высоко ценим Ваш талант переводчика, пропагандиста лучших произведений отечественной литературы. Стихи Пушкина, Лермонтова, Омара Хайяма, Навои, Мусы Джалиля, многих современных советских поэтов стали известны каракалпакскому читателю в Ваших переводах.

Много сил и энергии отдаете Вы общественной работе.

Желаем Вам хорошего здоровья, счастья и новых творческих успехов».

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

МАГАЗИН «КНИЖНЫЙ МИР» МОСКНИГИ

высылает наложенным платежом альбомы по искусству

Богуславский Г. А. ПАМЯТНИКИ ПОВОЛЖЬЯ. Альбом. 400 фотографий. (Монументы памятников архитектуры: Рязани, Костромы, Ярославля и Саратова. (Серия «Память России.) «Советская Россия». 1972. Ц 9 р. 85 к.

ВЕНГЕРСКАЯ ЖИВОПИСЬ XX ВЕКА. Подарочный альбом. 48 цветных репродукций картин известных художников. Будапешт. «Корвина». 1971. Ц. 10 р. 50 к.

Лесков А. М. НОВЫЕ СОКРОВИЩА КУРГАНОВ УКРАИНЫ. Альбом. 42 цветных иллюстрации. Уникальные сокровищ материальной и духовной культуры далекого прошлого. (Украшения из золота, античные предметы быта и др.) «Аврора». 1972. Ц. 4 р. 18 к.

РИСУНКИ СТАРЫХ МАСТЕРОВ. ИТАЛИЯ XV—XVIII ВЕКОВ. 12 факсимильных репродукций в твердой папке. Гознак. 1975. Ц. 25 р. 50 к.

Заказы направляйте по адресу: 101861, ГСП, Москва, Центр, ул. Кирова, 6, магазин № 120 «Книжный мир», отдел «Книга — почтой».

«С ТЯЖКИМ СВИСТОМ НЕСЕТСЯ ЖЕЛЕЗО...»

Я ЧИТАТЕЛЬСКИЙ пристрастен к стихам друзей и товарищей своих, особенно сверстников, может быть, потому, что объединены мы навсегда общим для поколения опытом жизни, возмужания. И нелегкий, непростой путь Станислава Куняева к самому себе, явленный в книгах, мне далеко, далеко не безразличен. Это, конечно, не значит, что иные его стихи не рождают во мне чувства внутреннего несогласия.

Так и здесь: входя, как в не тобою обжитый, но все же знакомый дом, в новую книгу Станислава Куняева «В сентябре и в апреле...», ощущаешь дыхание сибирского простора, радость приобщения к миру юности, и чувство жизни, и необратимость ее, и счастье ощущать горечь этой необратимости, — всем этим силен Куняев, поэт, наделенный даром точного слова, беспощадной ясностью взгляда на мир и на себя в нем.

Но с первых же стихов новой книги невольно, но явственно послышался мне тревожный, неверный звук — неточная лирическая нота, как показалось мне, обозначившая нечто дисгармоничное, что раньше я в стихах Куняева встречал редко, как бы уходили; теперь же звук стал громче.

Вот стихотворение, которое послужило точкой отсчета моих претензий, следует привести его целиком:

От Великой ГЭС
до Усть-Илима
вечных сосен черная гряда,
красная строительная
глина,
светлая байкальская вода...
Я люблю тебя,
большое время,
но прошу —
прислушайся ко мне:
не убей последнего
тайменя,
пусть гуляет
в темной глубине.
Не губи последнего болота,
загнанного волка пощади,
чтобы на земле
осталось что-то,
от чего щемит
в моей груди.
Пусть она живет
счастливой болью
и, прочти свои заветы
в небесах,
всю земную волю и неволю
в должный час
благословит в слезах...
День и ночь грохочут
лесовозы.
День и ночь
в пустынный небосвод
сладкий дым ангарской
целлюлозы
величавым облаком плывет.

Прекрасное стихотворение? Да. Но... Кем оно написано, это стихотворение? Досужим туристом, каких немало развелось теперь вокруг сибирских строек? Или поэтом, который в юности был своей биографией лично причастен к переделке сибирской природы? И когда в следующем стихотворении, размышляя около бумагоделательной машины о военном, лишенном обычных тетрадей школьном детстве, Куняев говорит: «Кто знает стоимость утрат? Лишь совесть или мощный гений нейтрализуют этот смрад без очистных сооружений...» — мне, читателю, этого маловато. Ведь и Куняев, как и многие другие строители, создал эту дорогу, эту Братскую ГЭС, этот лесопромышленный комплекс, где вот теперь потоки бумажного блага неотделимы от того зла, которое увидено поэтом, как величавое облако, плывущее по небосводу. Неужели только и сказать по этому поводу можно, что сказано? А чувство вины, пусть невольной, овеянной воспоминаниями о добровольной работе в Сибири? Слова названы самим Куняевым: «совесть или мощный гений». Гения оставим как понятие условное. Но совестливости, как необходимого качества поэта, особенно в данных обстоятельствах, Куняеву не хватило.

Через несколько страниц — другое стихотворение, уже с другим зарядом отрицательных эмоций:

Птица взмыла, но
не удержалась —
видно, воздух исчез
под крылом,
и влепилась в стекло,
и осталось
лишь пятно на стекле
лобовом.
То, что — птица,
я понял не сразу,
на баранке замлела рука.
Я попал на хорошую
трассу —
можно выжать
сто сорока!
Что мне помнить
какую-то птаху,
если надо глядеть
до глядеть,
чтобы вдруг на обгоне
с размаху
в голубой березняк
не влететь.
Я — в машине,
а значит, не волен
изменить предначертанный
путь...
Как хотите, а я не виновен:
все равно бы не смог
отвернуть,
потому что вдоль
вешнего леса,
где ничто в этот миг
не мертво,
с тяжким свистом
несется железо,
попирая законы его.

Чем-то нарочитым веет от этого стихотворения. Что же получается — человек убил птицу. Невольно. Но от этого не менее жаль загубленную жизнь. Почему же поэту важнее оправдаться, чем задуматься: «Как хотите, а я не виновен: все равно бы не смог отвернуть? Да и что есть в этих стихах? Есть точка зрения человека, который максимально слился с машиной и как бы от имени машины говорит о своем праве давить живое — без человеческой обязанности задохнуться от неспособности («на баранке замлела рука»). Даже больше — в своей «правоте» поэт ищет как бы соучастия у общей механизации нашей жизни и находит его довольно просто: все равно ведь «вдоль вешнего леса... с тяжким свистом несется железо, попирая законы его».

Или небольшая поэма «Карабахская хроника». Сюжет ее прост: трое ловят рыбу. Форель. Горное озеро. Кавказский пейзаж. Азарт и риск промысла. Вроде бы и все. Но вот проясняется атмосфера ловли, и дело, оказывается, совсем не так просто, вернее, не совсем чисто. Не с профессиональной, конечно, точки зрения. С нравственной. Постепенно выясняется, что у озера есть сторож. И этот сторож ловит лирического героя с его уловом. Похоже, что на озере для того, строит свою философию добра и зла, причем аналогия его убедительна, так как выражена талантливо:

Мы часто жили напоказ,
и наше гибельное дело
нам не поможет
в трудный час,
когда отказывает тело.
Но дело сделано. Сполна
заплачено сердечной
смутой,
ума и совести залитой
за все туманные слова.
Мы их не орали напоказ:
движимые инстинктом
цели,
брели на ощупь, наугад,
как перестойные фонари...
И потому за все воздаст
нам в нежный час
земное лоно,
но наше дело выше нас
и в чем-то, значит,
выше закона.

Так, объединяя свободу жизни живой природы со свободой творчества, поэт как бы оставляет в стороне моральную сторону дела и, положившись единственно на свой «инстинкт цели», ведет читателя, на мой взгляд, к сомнительным выводам. Ведь свобода рыбы быть выловленной и свобода человека выловить ее, охраняемую, значит, почти реликтовую, — это совсем разные вещи. И если творчество — неизбежно мере нарушение старых канонов, освобождение от старых условностей, то зачем же ради этого уничтожать живое на земле? Уместно вспомнить стихотворение, с какого и начался этот разговор: «Я люблю тебя, большое время, не убей последнего тайменя...» и т. д. Противоречие авторских позиций отнюдь не диалектическое.

Мне кажется, что Станислав Куняев еще внутренне не определил для себя, где черта, отделяющая его, потребителя живой природы, от ее заступника. Может быть, убедительней было бы в тех же стихах и в тех же ситуациях резче и точнее обозначить свою вину перед живым. Провинить пусть запоздалое раскаяние, да и вообще как-то посовестливее, понеуверенее, обличительнее, что ли, по отношению к самому себе говорить о предмете. А живым как живой, а не деталь машины, бездуховного железа, так мощно и широко вторгшегося в нашу жизнь.

Олег Дмитриев в своем ответе мне вроде бы убедителен. Он даже иронизирует: помнит, ни меня те, кто уезжает охотиться за сотни километров от Москвы? Но ведь я пишу о поэте — о том, кого, по слову Пушкина, «требует» «к священной жертве Аполлон», кто обязан искать и находить в жизни духовные ценности, открывать их людям.

Может быть, я слишком пристрастен к беспощадному, суровому таланту Станислава Куняева? Может быть, подхожу к нему с устаревшими нравственными мерками классической русской литературы? А может быть, Станислав Куняев точным, умным сердцем аналитика разглядел вот именно это потребительское отношение к жизни и природе — и вот так, беспощадно к самому себе, говорит об этом, предупреждая об опасности, которая уже коснулась его самого?

Может быть... Но почему тогда надо писать о бездуховности с позиций бездуховности? Или, скажем мягче, самому опускаться до нее.

А. ПРЕЛОВСКИЙ

Так, оказывается, озеро заповедное. И что же, от голода ловят здесь рыбу три друга или для больших? Чем-то возвышенным, благородным хочется оправдать нарушение простого закона. Нет, опять не то, не это, а — «чтобы выложить на стол, чтоб гости охали и ели...». Значит, для того, чтобы гостей поразить, нужно жить чуть ли не поваты под открытым небом, вступать в сознательную сделку со сторожем, подменяя отвагу и риск хорошо браконьерскую полную разным шантаном, чтобы затем, мирно расплатя со сторожем бутылочку, распроститься.

Здесь, к сожалению, снова обозначено противоречие: событие поэт подает в несколько романтизированном духе, а цель деяния, увы, невысока.

Но, может быть, Станислав Куняев извлекает из этой не очень благовидной истории некий нравственный урок? Да! Даже более ясняется атмосфера ловли, и дело, оказывается, совсем не так просто, вернее, не совсем чисто. Не с профессиональной, конечно, точки зрения. С нравственной.

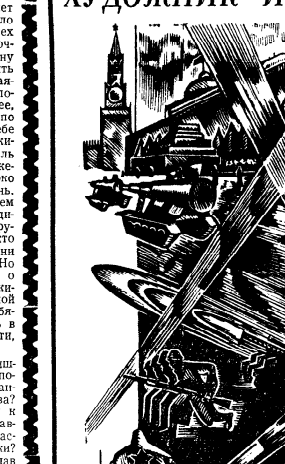


Иллюстрация художника В. Носкова к сборнику Константина Симонова «Поэмы». Издательство «Советская Россия». М. 1975.

ДВА МНЕНИЯ ОБ ОДНОЙ КНИГЕ

ПУБЛИКАЦИЯ ДВУХ МНЕНИЙ ПОЭТОВ АНАТОЛИЯ ПРЕЛОВСКОГО И ОЛЕГА ДМИТРИЕВА О КНИГЕ СТАНИСЛАВА КУНЯЕВА «В СЕНТЯБРЕ И В АПРЕЛЕ...» (ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». М. 1975) МЫ ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ, НАЧАТЫЙ В ПРОШЛОМ НОМЕРЕ «ЛГ» ПОЭТОМ ВАСИЛИЕМ ФЕДОРОВЫМ И КРИТИКОМ АЛЕКСАНДРОМ МИХАЙЛОВЫМ.

«...И ЖИЗНЬ, КАК ЕСТЬ, ПРЕДСТАЛА В ЗОРУ»

ПРОЧИТАВ статью А. Преловского, я почувствовал острое беспокойство, тревогу, смущение. Неужели я, давно и хорошо знакомый с творчеством Ст. Куняева, с его последней книгой, не обратил внимания на те «болевые» места, которые столь точно нащупал А. Преловский и вроде бы убедительно поставил свой диагноз? Тем более, что я сам постоянно думаю и пишу о взаимоотношениях человека с окружающей средой? Нет, здесь что-то не так...

Я перечитал с карандашом в руке куняевский сборник, отмечая только то, что касается поднятой А. Преловским тревоги. За пределами нашей дискуссии остаются раздумья автора об истории, о среднерусском провинциальном городе и о военном детстве, о судьбах людей, встреченных и потерянных на многочисленных жизненных перепутьях. Может быть, этот наш спор был бы уместен во второй тетради «Литгазеты», где столь же остро ставятся подобные проблемы. Но ведь даже взяв из книги Ст. Куняева одну тематическую линию, мы можем достаточно сказать о нем как о поэте, не так ли?

Мой оппонент определяет талант Ст. Куняева как «бескомпромиссный и суровый». Сам поэт восклицает: «Горжусь, что был рационален!» — в ответ на упреки в некоторой холодности, умозрительности. Он сам определил меру, по которой можно его судить, сказав о времени и о назначении поэзии:

И если мы не затвердим
его приметы
честным словом —
оно исчезнет, словно дым,
растает в космосе
суровом...

Отсюда, только отсюда «сладкий дым ангарской целлюлозы величавым облаком плывет» и «раскат паровозного эха оседает на березняке»! Тут нет любования, увиденного А. Преловским: скорее сожаление, но совсем иного плана, чем хочется ему. В стихах Ст. Куняева присутствует понимание «трагической необходимости исторического процесса» (так сказал однажды Ярослав Смелюков). Разве секрет для сибиряка А. Преловского, что любое строительство — трассы, комбината, города, плотины — исторически несет в себе ущерб живой и неспешной природе, кладет конец идиллической тишине, утверждает иную красоту — красоту бетона и металла? Как бы мы ни клялись в любви к природе и к «братьям нашим меньшим», в XX веке речь может идти только о том, как сделать этот ущерб по возможности малым, как сохранить в душах людей тягу ко всему живому, постепенно вытравляемую урбанизацией жизни. Хорошо об этом сказано в диалоге поэта Вас. Федорова и критика Ал. Михайлова, опубликованном в прошлом номере «Литгазеты»: «...не о конфликте между человеком и машинной цивилизацией должен думать поэт, а о тех духовных, нравственных качествах личности, которые формирует научно-техническая революция». А разве книга Ст. Куняева далека от этой цели?

«Вот что бывает с тобою осенью или весной, и умираешь с листвою, и воскресаешь с листвой»; «...с притоками тонкими вяз, не думая о нашей пользе... Они шумели и до нас, дай бог, чтобы шумели после нас»; «Прислушаюсь к птичьему гаму, поглажу ладонью ветлу...»: «Как мало надо нам — огонь, вода и хлеб, да воздуха глоток, да чтобы птицы пели...» — это все никак не чувство с бездуховностью, с потребительским отношением к природе! Именно в данном ряду заклинание, обращенное к эпохе: «Не убей последнего тайменя!» — обретает смысл с чем ему здесь вступать в противоречие?

Опять же стоит чуть-чуть изменить угол зрения (в книге книги), чтобы по-иному зазвучали стихи о погибшей пашне. Мы с А. Преловским согласны, что дай-то бог, чтобы шумели они и после нас! Но разве не в этом — признание в любви, доказанное делами. Всюду, где вспыхивали самые решающие схватки с врагом, Анатолий Ленский, сотрудник флотской газеты, был вместе с матросами. И лишний раз опровергая утверждение, что музы молчат, когда говорят пушки, слушал свое сердце и писал стихи — в огне с огнем. «Волна летит — прямая, злая, садимся в шлюпку без вопросов. Земля Большая посылает на землю Малую матросов». Да, это Малая земля под Новороссийском. Он был там и мог писать о себе, как об всех матросах: садимся в шлюпку... И даже в этом немногословном стихе, напряженном, как сама минута отправки в десант, вдруг такие ласковые слова об омытых водой тельняшках, которые вот-вот грозно возникнут у прибоя: «Все в этом дорогом уборе знакомо и — обыкновенно: полоски синие, как море, полоски белые, как пена...»

«...Море мое!» Это — признание в любви, доказанное делами. Всюду, где вспыхивали самые решающие схватки с врагом, Анатолий Ленский, сотрудник флотской газеты, был вместе с матросами. И лишний раз опровергая утверждение, что музы молчат, когда говорят пушки, слушал свое сердце и писал стихи — в огне с огнем. «Волна летит — прямая, злая, садимся в шлюпку без вопросов. Земля Большая посылает на землю Малую матросов». Да, это Малая земля под Новороссийском. Он был там и мог писать о себе, как об всех матросах: садимся в шлюпку... И даже в этом немногословном стихе, напряженном, как сама минута отправки в десант, вдруг такие ласковые слова об омытых водой тельняшках, которые вот-вот грозно возникнут у прибоя: «Все в этом дорогом уборе знакомо и — обыкновенно: полоски синие, как море, полоски белые, как пена...»

Дм. ХОЛЕНДРО

Достоевского. Давайте думать, но не на уровне «милой маленькой девочки, зарыдавшей от ненависти», из «северянинской поэзы. «Приметы времени» этого не позволяют!

Как нередко бывает в поэзии, А. Преловский, увлекшись ею, где-то отрывается от реальной жизни. Ну, а если бы лирический герой мчался за доктором, что — эта случайная (а вернее, предопределенная эпохой) гибель птицы вызвала бы у читателя другие эмоции? Автор в этом стихотворении снова мыслит куда глубже своего критика, потому что, как ни жаль это констатировать, контакты живых существ с железными созданиями человеческого разума — на земле, под водой, в воздухе — нередко завершаются трагически. Человек один на один с животным еще может избежать такого столкновения, он может даже, как это принято в одной из будденических, касаясь лишь этой стороны их многогранного таланта) были охотниками и рыболовами. А скорее всего, тут ничего странного и нет.

Для меня очевидно, что эта тема в лирике Ст. Куняева отнюдь не примитивно наступательна. Снова цитирую: «Ты охотник, и наверняка выстрел будет бесшумным и точным... Вот откуда такая тоска после этого в мире полночном!»; «Даже рябчик и тот, ошалев от простора, что ветер очистил, ослепленный, летит меж дерев и, конечно же, прямо на выстрел...»: «Я сел на камень с горечью во рту, почувствовал трясущиеся руки... Ты упустил такую красоту, какую не увидят наши внуки! ...Спасибо, жизнь, за этот царский **дар** (подчеркнуто мной. — **О. Д.**), за твой побег в сверкающие воды. Благодарю за пенящийся след твоей беглянки, дочери, форели, за то, что нам горьки плоды побед и незабвенны сладкие потери!»: «Но закон охоты устарел, и какая может быть охота, коль так просто провести отстрел мудрой волчьей стаи с вертолета!» В той же «Карабахской хронике» пойманная рыба названа «грустном красоты и боли». Нет, воспевая охоту, победу, удачу, не так жизнерадостно пост Ст. Куняев, как некоторые его коллеги по ружью и снастям. Рядом с упоением и страстью живут раздумье и печаль. Не этого ли требует от него А. Преловский? И здесь они, приметы времени...

Вот и все, что хотелось мне возразить А. Преловскому на его опасения за поэтическую судьбу товарища по перу. На мой взгляд, тревоги напрасны, но я благодарен своему оппоненту за беспокойство, которое он в меня вселил, за повторное обращение к новой книге интересно думающего над непростыми проблемами поэта, открывшее мне многое из упущенного в первом чтении.

В прекрасном и простом мире...» — крылатыми словами Андрея Платонова начинает Ст. Куняев одно свое стихотворение. А для того, чтобы подтвердить их, надо открыто глядеть в глаза происходящему вокруг, не отворачиваясь от жестоких сторон действительности. Надо «ведь сыпать, недоедать, позабывать себя, работать, платить пожизненную подать своей земле, поскольку — мать, и, только погружаясь в сон, вдруг услыхать, как свищет ветер, как гуси тянутся на север, как сосны шлют тебе поклон».

Вышесказанное о книге Ст. Куняева подтверждается и другими стихотворениями этого поэта, и другими его строками.

Олег ДМИТРИЕВ

ХУДОЖНИК И КНИГА

РЕВОЛЮЦИЕЙ ПРОБУЖДЕННЫЕ

РОМАН Хидыра Дерьева «Судьба», вышедший теперь в двух томах в издательстве «Художественная литература», рисует широкую картину борьбы туркменского народа за свободу и независимость. Две первые книги эпопеи показывают жизнь дореволюционного туркменского аула, третья охватывает годы революции и гражданской войны в Закаспии, четвертая повествует о периоде становления Советской власти, борьбе с басмачеством, первых мероприятиях Советов по земельно-водной реформе. Но это лишь хронологические рамки художественного отображения, в пределах которых автор реализует свой замысел.

Главные проблемы романа — народ и исторический процесс, революция и судьба простого человека, начинающего осознавать свое место в обществе, свою ответственность за судьбы Родины.

В центре внимания Х. Дерьева — жизнь туркменского села, но писатель не ставит целью хроникальное описание истории одного аула. Опираясь на жизненные факты, он стремится к художественному раскрытию наиболее значительных и сложных событий, повлиявших на судьбы всего туркменского народа.

Идея закономерности и неизбежности прихода туркменского народа к революции раскрыта в эпопее через многочисленные образы дайхан-бедняков. Берды, Дурды, Мелле, Аллак, Ата Ханджаев, Анигельды уста — каждый из этих героев по-своему проходит путь духовного прозрения. Раньше других на путь сознательной борьбы вступает Берды. Вначале это стихийный бунтарь. Но «университеты», пройденные в царской тюрьме, работа агитатором в родном ауле способствуют пробуждению в нем истинного классового самосознания. В годы гражданской войны это уже убежденный и испытанный боец партии, боевой командир Красной Армии.

Яркая, запоминающаяся фигура в романе — образ Клычли, представителя зарождающегося национального рабочего класса. Для своего времени Клычли — образованный человек. Он учился в медресе, но духовный сан не прельстил его. Став арбакешем, Клычли близко сходится с мастером Ярошенко. Дружба с русским рабочим-большевиком оказала решающее влияние на формирование его мировоззрения. Он становится активным членом большевистского подполья. Мы видим Клычли участвующим в рискованной операции освобождения подпольщика из-под стражи, восхищаемся его способностью располагать к себе людей, разъяснять сложные вопросы политики партии.

Но не все герои романа могут верно осмыслить происходящее. На примере судьбы Нурмамеда — дяди Берды писатель мастерски показывает, как патриархальный уклад жизни туркменского аула, старые обычаи и традиции мешают духовному возрождению людей. Торжество подлинной справедливости Нурмамед видит в точном исполнении и соблюдении правил и заповедей шариата и адата — сводов мусульманских законов и обычаев. Много воды утечет в Мургабе, прежде чем Нурмамед придет к убеждению, что истинные защитники правды и справедливости — большевики.

Правдиво рисует писатель и образы врагов революции. Эвиз-хан, Ораз Сердар, Бекмурад-бай, Бели-бай и другие хитры, опытны, коварны. Они не гнушаются никакими средствами для достижения корыстных целей. Но ни жестокость, ни изворотливость не могут уберечь их от полного краха. Само развитие событий ведет их к неминуемой гибели.

Роман создан талантливым художником слова, хотя и не лишен недостатков. Заметно увлечение автора описательностью, событийностью в ущерб художественному анализу. Воспроизведение важных политических событий в Туркестане в Закаспии (мятеж в Ашхабаде, события в Бухаре, Кизыл-Арвате) порой сводится к беглому пересказу. Некоторые образы — революционера Бориса Петровича, образованной, бунтующей Огульнязик — получились несколько статичными, эскизными.

В числе достоинств романа туркменская критика отметила его выразительный, сочный язык. По переводу об этом судить, конечно, трудно. Но все же, мне кажется, переводчик В. Курицкий сумел достаточно близко подойти к стилю оригинала, сохранив гибкость, красочность и меткость авторской речи.

Роман «Судьба», безусловно, значительное произведение туркменской советской литературы. Созданное на материале прошлого, оно всем своим содержанием устремлено в будущее.

Олег КУЗЬМИН

Хидыр Дерьев. «Судьба» Роман в двух томах. Авторизованный перевод с туркменского. Издательство «Художественная литература». М. 1975.

РЕЦЕНЗИИ

ПЕСНЬ ЧЕРНОМОРСКОЙ СЛАВЫ

«КОРАБЕЛЬНЫЕ СКЛЯНКИ» — третья книга Анатолия Ленского. Вторая выходила давно уже, в Воениздате, посмертно. А при жизни у него была издана единственная тонкая книжка стихов, но он не сетовал на судьбу. Только сейчас, с высоты нынешних лет, можно по настоящему оценить, как он был взыскателен и требователен к себе, складывая листы со стихами в стол, в папку, чтобы еще не раз вернуться к работе над строчками. Он любил эту работу, потому что любил все, о чем писал, — море, и моряков, и свой Севастополь, и скалистые берега вокруг, и свою родину, достойную самых чистых и звучных слов.

Анатолий Ленский прожил недолгую жизнь, можно сказать, полжизни. И нелегкую, нужно добавить тут же. Но он и не хотел другой. До последнего глотка воздуха это была жизнь воина.

Совсем юным он воевал с басмачеством в Средней Азии, отстаивал и горах Средней Азии, служил пограничником на панмирской заставе. Великую Отечественную войну провел на Черном море, где «синие воды, каменные берега», где бывалый матрос показывает молодому: «видишь какое суровое дело — волна Молода, а уже поседела...», где «шторм с моря белыми клыками в берега неукротимо бьют» и на послевоенных фарватерах долго еще стояли «в воде, покачиваясь, мины, уже позеленевшие от злости».

Анатолий Ленский. «Корабельные склянки». Издательство «Советский писатель», М. 1975.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Н. Н. ВИЛЬЯМУ-ВИЛЬМОНТУ — 75 лет

Исполнилось 75 лет Николаю Николаевичу Вильяму-Вильмонту. Секретариат правления Союза писателей СССР. Совет по художественному переводу направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, одного из ветеранов советской литературы, с большой юбилейной датой. Литературовед, критик, переводчик, Вы много сделали для ознакомления советского читателя с классической и современной немецкой литературой. Глубокое, всестороннее изучение жизни и творчества Гёте привело Вас к созданию фундаментальных трудов об этом замечательном классике. Мы высоко ценим Ваши работы, посвященные творчеству Шиллера, Лессинга, Томаса Манна, а также истории русского художественного перевода и сегодняшним проблемам его развития. Вы были научным редактором и составителем многих собраний сочинений зарубежных писателей на русском языке, активно выступали как организатор переводческого дела, редактировали журнал «Советская литература» на немецком языке.

Желаем Вам крепкого здоровья, долгих лет бодрости, новых творческих свершений.

Н. А. ТРИФОНОВУ — 70 лет

В связи с 70-летием со дня рождения Николая Алексеевича Трифонова Секретариат правления Союза писателей СССР. Совет по критике и литературоведению направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного критика и литературоведа, доктора филологических наук, с 70-летием со дня рождения.

На протяжении сорока с лишним лет Вами написано множество работ по актуальным вопросам теории и истории литературного процесса. Особое место среди них занимают исследования, посвященные изучению литературно-критического наследия А. В Луначарского. Итогом более чем двадцатилетнего труда явилась книга «А. В. Луначарский и советская литература», в которой обилие и новизна привлеченных материалов сочетаются с глубиной научного анализа.

Много сил и энергии Вы отдали педагогической и организаторской деятельности в высших учебных заведениях нашей страны, работе в «Литературном наследстве».

В день Вашего 70-летия желаем Вам доброго здоровья, творческой энергии, успехов в научно-литературоведческой деятельности».

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Среди книг

Фото А. ХРУПОВА и В. КУРЫШЕВА

В статье «Законы языка, тайны слова» («ЛГ», № 17, 1976) член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин, характеризуя процессы, происходящие в языке современного художественной литературы, напомнил об ответственности писателя за судьбы родного слова. Писатель В. Гусев в полемически заостренной форме выступает против лингвистического подхода к художественному произведению, против попыток судить о стиле писателя в отрыве от «художественного контекста», от законов, писателем «над собой признанных».

Разговор о языке художественной литературы будет продолжен в ближайших номерах «Литературной газеты».

Владимир ГУСЕВ

МУЗЫКА И ПОЭЗИЯ ПРОЗЫ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О СТИЛЕ ПИСАТЕЛЯ, СЛОВЕСНЫХ «ЛЯПАХ» И ГАРМОНИИ ЦЕЛОГО

ДОЛЖЕН ли русский язык нашей прозы быть точным, чистым и правильным? Разумеется. Но что есть чистота, правильность — вот вопрос.

Ф. П. Филин не без основания лишний раз напоминает нам, что диалектизмами, неологизмами, жаргонизмами, архаизмами и пр. не следует злоупотреблять, что у писателя должно быть чувство языка. Аминь веры. Это в принципе верно. Однако мера лингвистическая и поэтическая — взаимосвязанные, но разные вещи. Конечно, выведенные из контекста и собранные вместе диалектизмы В. Астафьева создают ощущение, что «сообразность и соразмерность» нарушены. Но у В. Астафьева-то они не лежат под стеклом в лексическом музее, а живут именно в контексте. Авторская речь В. Астафьева сочетает в себе манеру мышления самого писателя и как бы неверимого «местного простого человека»: в ней есть элементы «сказа», «несобственно-прямой речи», столь популярные в нашей литературе этого стиля. Ф. П. Филин пишет: «Контекст совершенно не раскрывает непонятных слов». Но он и не должен раскрывать или не всегда, не обязательного должен; для передачи определенной атмосферы, фактуры даже и нужен «момент» непонятности, «тайны жизни», неисчерпаемого раскрытия. И трудно каждый раз рационалистически мотивировать все подобное; отсюда обычное раздражение настоящего писателя от «правки по стилю». Неологизмы и отрывистый синтаксис А. Вознесенского с позиции «дисциплинированного» лингвистического анализа вообще беспомощны; но с позиции поэтического целого, поэтического порыва они иногда необходимы, что приходится признать и самому Ф. П. Филину. «Передержки» — другое дело...

Наиболее актуальными ныне мне кажутся проблемы, которые и бы назвал языковыми проблемами **художественного контекста**, а их-то Ф. П. Филин, мне кажется, опускает или трактует лишь **«скрыто лингвистически»**.

В СТИЛИСТИКЕ современной прозы есть несколько линий, которые тяготеют к двум полюсам. Одни я обозначил бы как полюс «стильности», другой — как полюс естественности. Сразу замечу, что классика наша, в высших ее образцах, имела в виду оба принципа и мучилась этим. Строгий лаконизм, динамизм «Пиковой дамы» Пушкина куда свободней в «Дубровском» и «Капитанской дочке».

Что касается дальнейшей большой прозы, то, при всей глубокой ее верности пушкинской традиции, внешняя ее стилистика, как известно, соотносится с пушкинской весьма неоднозначно. (Что и позволило М. Зощенко заявить, что русская проза после Пушкина пила неправильно, и написать «шестую повесть Белкина» для возрождения утерянной традиции.) Уже и Гоголь таков. Он может в пинадцати строках пять раз употребить такое семантически заметное и грузное слово, как «странный», — и ничего. Может «загромоздить» текст эмоциональными прилагательными, вообще сжимающими вопрос о внешнем лаконизме и имеющими в виду лишь точность внутренняя — точность выражения духовной стихии, порой прямо в ущерб точности эмпирической, очерковой, фактографической: «Вдруг вбежал человек чудного, страшного вида... Весь дрожал он, как осиновый лист; очи дико косились; страшный огонь пугливо сыпался из очей; дрожь находила на душу уродливое его лицо».

Музыкальный принцип у романтического Гоголя резко преобладает над описательным, информационным; принцип естественности выражен в стиле, а сам стиль — в естественности. Еще раньше не «лаконичен» и не «точен» Марлинский (кстати, оказавший несомненное влияние на формирование Гоголя), а о поздних нечего и говорить. Достоевский презирает всякий «стиль»: то есть он даже не презирает, он просто не помнит о таких вещах, естественностью поместится, если в ней нет тайной гармонии.

ДРУГИЕ предпочитают принцип «стильности», и это, как правило, писатели, которых поощряют критики, борющиеся за «чистоту» стиля и русского языка. Внешняя гармония, напевность которую у нас путают с лиризмом и музыкальностью, что совсем другое), отработанность, достаточная изобразительность, гладкость слова, фразы и всего «слога», спокойствие тона, фактологическая точность детали, подаваемая как точность самого искусства, и некоторые другие стилистические черты, которые можно то прибавлять, то убавлять в зависимости от «конкретной индивидуальности», — таков тут круг «языка».

Вот интересный «текущий» образец этого стиля: повесть поэта И. Шиллерского «Тень птицы».

«Стрижи ошиблись. Это были искусственные мушки из овечьей шерсти, с острыми крючками внутри. Мальчики, свесившись над пропастью, подергивали лески. Стрижи на лету хватали приманку... Вот мальчик подсек птицу, и она закричала. Маленькая крылатая боль...»

Среди этих писателей есть действительно талантливые и хорошие стилисты, однако же очевидной претензией к некоторым из них является излишняя темперамента, отсутствие того духовного напора, который только и дает почувствовать «тайну жизни», и соответственно манера письма не музыкальным, а информационным, описательным способом; эта проза обычно подается как наиболее профессиональная и надежная, но профессионализм здесь застегнут до верхней пуговицы, не дает свободы дыхания и ощущения неба, простора, стихии жизни.

Иные наши критики в последние годы весьма поощряют профессионализм такого рода. Они соединяют его опять-таки с борьбой за чистоту русского языка. Они противопоставляют его расхлябанности и неряшливости чрезмерно естественного стиля — иногда справедливо. И в этом направлении совместно с теми или иными редакционными отделами они успешно воспитывают многих читателей. Последние усердно ищут и в изобилии находят материалы для (в принципе весьма полезных) рубрик «Нарочно не придумаешь», «Замечки прохобора» и тому подобных, а рубрики их печатают. Вот одно из типичных писем: «Уважаемая редакция... Только что прочел новый роман... не могу не остановиться на некоторых досадных ошибках... 1) «...шоколадный аромат кофе»... И что-то не встречал кофе с запахом шоколада, 2) «...дробь синкопов...» и «гром синкопов...». Слово «синкопа» женского рода и род. пад. мн. числа будет «синкоп», а не «синкопов» и т. д.

Прав ли читатель в каждом частном примере? Прав или около этого. Но характерно само направление мысли, чтения. Метод «критики по стилю» у нас стал вполне однозначным: дается набор выведенных из контекста слов, фраз, взятых как «ляпы» или, наоборот, как «удачи»; тогда как «ляпы» могут в контексте, в атмосфере текста стоять вполне органично, а «удачи» быть единственными удачами на весь текст и даже вовсе не свидетельствовать о таланте. Частности, взятые сами по себе, — это лишь голые кости, от некогда живого явления; естественно, что они выглядят не так, как живое. Кость может быть гладка или неприглядна, но все равно она голая кость, и не более.

Другой читатель поступает таким образом: он не пишет писем в редакцию; но у него четкое распределение чтения. К текущей литературе он обращается за фантазиями, информацией и современными «проблемами», а за поэзией, артистизмом, за проблемами на художественном уровне он обращается к той же классике — дальней или ближней. Это интересно характеризует читателя, но несколько обидно для текущей-то литературы. И различные «языковые вопросы», в отношение к ним критики — не последний момент в этом.

ТАК ЧТО я хочу сказать? Уж не борюсь ли я вообще против «чистоты русского языка»?

Нет. Я хочу напомнить только те банальные вещи, что искусство, в том числе искусство слова, является выражением личности, индивидуальности, непосредственного человеческого сознания, а не средних, норм среднего мышления, что личность человеческая богата, и это и есть та главная «языковая проблема», которой занимается искусство слова: что нивелировка, усредненность и гладкость, как, впрочем, и «естественная» и невежественная неряшливость, тайная немузыкальность «стиля», ложно претендующего на музыку и стихию, противоречат самой сути искусства слова и искусства вообще; что общие разговоры тех или иных литераторов о «духовности», оторванные от вопросов художественности и нравственно-социального поведения, не снимают проблемы живой жизни, подлинности, гармонии творчества, не снимают проблемы «языка» — первоэлемента искусства, зеркала его души, иначе и никакой «духовности» нет, что нравственный элемент искусства неразрывен с моментом самого художества, «качества», полноты живой жизни, иначе некоторые наши критики так и будут ругать хороших писателей и попустительствовать плохим, при этом не давая ничего позитивного; что в истинном произведении творчества нет текста, а есть контекст; что «язык как средство общения» и язык художественный есть вещи несходные, хотя и немалые родные друг без друга. Первому учат в школах и вузах, и учить должны хорошо и правильно; второй есть фактор матери, мира словесного искусства, и тут все сложнее, а мы порой упрощаем.

Смею уверить, что проблема прямого стилевого «ляпа» и проблема неграмотной графомании не есть главные языковые проблемы нашей современной прозы.

Нам сейчас больше всего угрожает грамотный графоман разных уровней, а талант всегда «неграмотен». Он грамотен в высшем смысле (но до высшего смысла, бывает, никому нет дела), но он неправильнее, индивидуален — иначе, собственно, нет самого таланта. Известны многие примеры «ляпов» у Лермонтова, известны языковые неправильности Гернена. «Бедность» Достоевского и Толстого вошла в пословицу.

Для освежения памяти только немногие традиционные примеры из последнего: «что что-то не то, что что-то», «вызывающее ужаса, выражающегося на вашем лице», «муж уж жалок». У меня был случай, когда один из читавших, не заметив открывшихся кавычек, выправил цитату из Толстого, прием классику досталось куда крепче, чем моему собственному бедному тексту. Причем в этой же цитате корректоры, которых мы воспитали соответственным образом, несколько раз исправили выражение «изобавиться его» (конечно, неграмотное с точки зрения правил для шестого класса) на «избавиться от него», и, хотя я каждый раз «исправлял назад», цитата так и вышла в печать с искажением толстовского текста.

«Точно они не виделись года два, поцелуй их был долгий, длительный». Так пишет «лаконичный» стилист Чехов. И действительно, если вдуматься, долгий и длительный в этой ситуации не одно и то же, но подан, доказывай это, если оба слова будут подчеркнуты рецензионным, редакторским или корректорским карандашом. Знал ли Андрей Платонов русский язык? Сейчас такой вопрос вроде бы смешон. Но один старый газетный редактор показался мне, что он вот без всякой правки печатал таких-то, таких-то писателей (ныне, конечно, забытых). А вот Платонова «приходилось поправлять, языка не знал». Да и можно ли, правда, считать грамотным человека, который пишет: «Тогда Пухов закурил — для ликвидации жажды. Не успел он докурить, а уж к нему кто-то грозно поступал беспрекословной рукой»?

В. Шукшин может семь раз на странице употребить заметное «неживое» слово «свояк». Он этого не видит, что он! Но бестолковое слово нам бы пустяков под ногами и подчеркивает бестолковость самой ситуации («Свояк Сергей Сергеич»). Кроме того, в нем есть оттенок «сказа», «несобственно-прямой речи». Шукшин говорит от себя и не от себя: «Свояк Сергей Сергеич опять засмеялся. И пошел к столу. Он снова нашелся на тот тон, с каким приехал вчера. Странный он все-таки человек... Можно сказать, необычный».

Формально писатель здесь опять беззащитен: в авторской речи, не опосредованной никакими кавычками, он ставит рядом две последние фразы, «бессмысленно» дублирующие друг друга. На самом деле смысл есть, но не «прямой», а внутренний, поэтический, целостный. В авторскую речь ведет легкий привкус манеры мысли и речи персонажа; мы вдруг косвенно чувствуем состояние героя, разумы, минутный душевный тупик; это ставит повествовательную точку в повествовании. Ни критический пуризм, ни лингвистическое чувство меры, о котором размышляет Ф. П. Филин, здесь не помогут при анализе.

Всем этим я не борюсь за неграмотность, а хочу сказать лишь одно: судя о стиле писателя, надо исходить из того художественного целого, которое являет собой этот стиль; признав писателя писателем, надо возложить на него самого ответственность за его стиль, иначе не следовало и признавать; надо ценить писателя, идя от его индивидуальности, неповторимости, от стилевых законов, «им самим над собою признанных», от того, что он считает сутью своей манеры. А не от средних норм аккуратности и вялой добропорядочности. Конечно, это не касается прямых «ляпов», просмотров, которые надо устранять, но я думаю, все меня понимают. Речь сейчас идет не о плохих, а о хороших писателях. Добропорядочность — хорошая вещь при воспитании. Но чтобы воспитать ребенка, его надо родить. Создание же произведения — это рождение.

У нас в последнее время стало немало «языковых» и иных святых, которые забыли, что от Иисуса Христа до Фомы Опискина один шаг и что методом поучений на тот предмет, что дистиллированная вода полезней той, родниковой, с соринками, от которой ломит зубы и о которой говорил Толстой, и методом выведения из контекста слов и фраз, недостаточно правильных с точки зрения школьного пуританства, литература не делается. Должна быть живая жизнь, артистизм, поэзия, музыка прозы.

Литература наша, русский язык по своим потенциям, что и доказала классика, богаче и шире, чем это иногда кажется на первый взгляд, за этим стоят богатство, свобода и широта духа народа, который умеет впитывать все живое и полезное и при этом оставаться самим собой.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

П. А. КУУСБЕРГУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по эстонской литературе и Комиссия по военно-художественной литературе направили Паулю Аугустовичу Куусбергу приветствие:

«Мы, Ваши друзья и соратники по литературному труду, сердечно поздравляем Вас, видного эстонского писателя, с днем шестидесятилетия.

В литературу Вы пришли с большим жизненным опытом: работая строителем-каменщиком, участвовали в профсоюзном движении в буржуазной Эстонии, принимали активное участие в восстановлении Советской власти в 1940 году, политработником и военным журналистом прошли по дорогам Отечественной войны, в мирные годы редактировали эстонские газеты и журналы. Ваши критические статьи и рецензии имеют немалое значение в становлении и формировании эстонской советской критики, в утверждении метода социалистического реализма в эстонской литературе.

Романы «Второе «я» Энна Кальмаш», «Происшествие с Андресом Лапетеусом», «В разгаре лета», «Одна ночь», «Капли дождя», Ваши повести и рассказы — ценный и весомый вклад в сокровищницу многонациональной советской литературы. Всесторонне, с мужественной позицией, партийной страстностью раскрывается Вы революционные сдвиги в сознании эстонского народа, показываете героическое участие Ваших соотечественников в Великой Отечественной войне, в построении социалистического общества в наши дни. Ваши любимые герои — коммунисты, люди высоконравственные, с прекрасными порывами служению высоким идеалам.

Мы знаем Вас как человека общественного темперамента, завидной творческой энергии, доброжелательного и принципиального. Многое сделали Вы для воспитания и консолидации молодой писательской смены, будучи главным редактором журнала «Looming», критерием, ныне председателем правления Союза писателей Эстонии. Ваши публицистические выступления всегда остры и актуальны, они несут весомое партийное слово, отличаются конструктивным подходом к разрешению насущных проблем.

Партия и правительство по достоинству оценили Ваши заслуги в области развития советской литературы. Вы — народный писатель Эстонии, член ЦК компартии Эстонии, награждены орденами Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями.

Желаем Вам дальнейших успехов в общественной деятельности и новых творческих свершений».

Пауль Аугустович Куусберг — удивительно обаятельный, сиромный и одновременно твердый, предельно ясный в своих убеждениях, в своем гуманизме и антипатиях человек. С ним хорошо думнуть. У него много друзьев, в первую очередь — чистота души и работоспособности, тонкость наблюдений и прямота суждений и, конечно, завидному умению сочетать общественное с личным, разумеется под этим личным писательский труд.

Нелегкая, но прекрасная писательская судьба — вся в книгах Пауля Куусберга.

Глубокий романист и тонкий новеллист, он создал целую эпопею судеб своего народа на самых сложных поворотах истории, нарисовав запоминающуюся галерею простых людей — рыбаков, крестьян, интеллигентов, настоящих, несгибаемых коммунистов, показал, как закалились взгляды и убеждения людей в огне острых событий классовой борьбы в Великой Отечественной войне.

Лучшие его книги — естественно и прямо вписались в многонациональную советскую литературу. И не только романы, а и прекрасные новеллы!

Пауля Аугустовича Куусберга исполнилось шестьдесят. Для человека возраст, что и говорить, солидный. Для писателя — зрелый. Новых творческих взлетов Вам, Пауль Аугустович! Счастья и добра Вашему славному дому!

Сергей БАРУЗДИН

Е. П. БРАНДИСУ — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Евгения Павловича Брандиса секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по приключенческой и научно-фантастической литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас со славным юбилеем. В эти дни Вам исполнилось 60 лет, возраст достаточно солидный, чтобы оглянуться назад, оценить сделанное Вами за три десятилетия, а сделано немало: множество книг, статей, рецензий и обзоров принадлежат Вашему перу.

Широко известна среди читателей Ваша исследовательская книга «От Этэпа до Дианы Родарэ», работы о Жюле Верне высоко ценят не только у нас, но и на родине великого писателя, а книга о Марко Вовчок возродила интерес к талантливой писательнице, дала новую жизнь ее произведениям.

История советской фантастики неразрывно связана с вашим именем, а написанная совместно с В. Дмитревским монография о творчестве И. Ефремова «Через горы времени» стала необходимой каждому исследователю этого жанра.

Поздравляя Вас с юбилеем, мы горячо желаем Вам долгих лет жизни, крепкого здоровья и неустанной творческой деятельности.

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

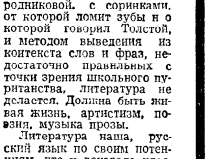
* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым пожеланиям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Прошу передать мою благодарность доброжелательности всем литературным организациям и читателям, поздравившим меня с 65-летием.

Рюрик ИВНЕВ



БУКЕТ ИЗ ОПЕЧАТОК

Предлагаю совершить путешествие по страницам «Истории русской литературы XIX века» (вторая половина) под редакцией проф. С. М. Петрова, учебник для студентов педагогических институтов (издательство «Просвещение». Москва. 1974).

Глава вторая. Н. Г. Чернышевский. На странице 64-й читаем: «Летом 1859 года Чернышевский заязывает отношения с редакцией журнала «Отечественные записки», а потом «Современника» и начинает свою литературную деятельность».

Далее (стр. 64-я, 65-я): «Решительным моментом в жизни Чернышевского оказалось его сближение с Н. А. Некрасовым, с которым он познакомился еще с 1854 году. Теперь молодой публицист становится постоянным сотрудником журнала «Современник» и, быстро заняв в нем руководящее положение, превращает его в трибуну идей революционной демократии. До 1853 года Чернышевский вел в «Современнике» отделы критики и библиографии. С приходом в журнал Н. А. Добролюбова Чернышевский передает своему соратнику критический отдел и библиографию, чтобы целиком отдаться публицистике».

Постараемся разобраться: если Чернышевский заязывает отношения с «Современником» и начинает свою литературную деятельность в 1859 году, то как он мог вести в «Современнике» отделы критики и библиографии до 1853 года, затем передать их Добролюбову, а познакомиться с Некрасовым «еще в 1854 году»? Как видим, даты ведут себя с курьезной разнузностью.

А теперь кое-какие «мелочи».

Стр. 261, П. Лавров (1823—1904). П. Лавров умер в 1900 году.

Стр. 261, М. Бакунин (1814—1878). М. Бакунин умер в 1876 году.

Стр. 273, Н. А. Морозов (1852—1946). Н. А. Морозов родился в 1854 году.

Перечисленные ошибки, опечатки, неточности огорчительны, тем более в учебнике.

Л. ЛИХОДЕЙ,
учитель русского языка и литературы Киевской вечерней средней школы № 4

КТО ТАКОЙ ВИТРУВИЙ?

Над вопросом, кто такой Витрувий, я серьезно задумался после того, как прочел о нем в «Кратком словаре по эстетике» (М. 1963). Из словаря я узнал, что Витрувий был древнеримским архитектором и что я должен примириться с тем, что Витрувий из римлянина превратился в грека, но неожиданно выяснилось, что знаменитый архитектор жил в эпоху Возрождения и стремился воплотить в своих творениях важнейшие пропорции человеческого тела» (стр. 285). Это обстоятельство встревожило меня и заинтриговало как человеку удалось прожить примерно полторы тысячи лет, да еще, будучи зодчим, «воплощать... важнейшие пропорции человеческого тела»?

Взволновали меня и другие несколько странных известия, поступившие из разных источников. Так, если верить Н. Главсону и А. Грусу, Эмиль Верхарн сменил бельгийское гражданство и стал поэтом голландским («Животных культурных ландшафтов», М., 1975, стр. 3).

Не повезло в комментариях к стихотворению Саши Черного «Отъезд петербуржца Лукурга. К словам поэта «думские Лукурги» дано пояснение, что Лукург — это «государственный деятель и законодатель древнего Афинского государства» (Саша Черный. «Стихотворения», М.-Л. 1962, стр. 520). Между тем нарицательным стало имя другого Лукурга — законодателя древней Спарты.

Более удачно сложились дела известного деятеля Великой французской буржуазной революции графа Мираба Оноре Габриеля Рикети, которому издатели знали рассказов Г. К. Честертона (М. 1975) великодушно подарили еще сто лет жизни (стр. 220).

Таковы некоторые из литературно-исторических ляпсусов, избежать которых вполне можно было при более тщательной подготовке книг к печати.

А. ВИНОКУР,
старший преподаватель Хабаровского государственного института культуры

Анатолий Иванов закончил вторую книгу романа «Вечный зов». Передаем отрывок из этого романа нашему корреспонденту, писатель сказал:

— Вторая книга «Вечного зова» рассказывает о жизни страны в конце войны и в послевоенный период. Она охватывает время с 1943 по 1962 год. В романе читатель встретится с героями, которые ему уже знакомы по первой книге: Иваном Субботиным, Яковом Алейниковым, братьями Савельевыми, Панкратом Назаровым и многими другими. Прослеживаются их дальнейшие судьбы, кровно связанные с жизнью нашего народа, нашей Родины. Не их пути — а значит, и в романе — возникают новые герои, новые обстоятельства. Место действия в основном, как и прежде, Сибирь.

Могу еще добавить, что по первой книге романа киностудией «Мосфильм» по заказу Центрального телевидения снят двенадцатисерийный фильм. Кинокартину создавала та же съемочная группа, которая работала над телефильмом «Тени исчезают в полдень». Думаю работать над телеэкранизацией и второй части «Вечного зова».

Полностью вторая книга романа выйдет в журнале «Москва».

Анатолий ИВАНОВ

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЕЗДКА СУББОТИНА

СОЛНЦЕ било в широкие и высокие окна приемной первого секретаря обкома партии, пронизывало даже легкие матерчатые занавески, которыми до половины были задернуты окна, яркими желтыми полосами растекалось по паркетному полу от стены до стены. Иван Михайлович Субботин, войдя в приемную, невольно прижмурился.

— Сколько у вас тут сегодня света, — весело сказал он секретарше, немолодой, опрятной женщине, сидящей за столом, уставленным телефонами.

У стола секретарши сидела еще одна женщина, врач областной поликлиники, которую Иван Михайлович хорошо знал, у ног ее стоял медицинский баульчик. Проходя к двери кабинета, Субботин поздоровался с ней, спросил:

— Заболел кто у нас?

— Нет, Я... привязки пришла делать.

— От вас не отвертишься, — улыбнулся Субботин и в тем открыл тяжелую дубовую дверь.

Первый секретарь, дымя папиросой, расхаживал по кабинету вдоль длинного стола для заседаний и, когда вошел Субботин, находился к нему спиной. Он обернулся живо, как-то торопливо раздавил папиросу в пепельнице и произнес:

— Добрый день, Иван Михайлович. Садись, — указал он на крайний стул у этого длинного стола.

Что-то в его поведении Субботина насторожило, но хорошего настроения не испортило. Он, ответив на приветствие, сел и, не привычный первым задавать вопросы начальству, стал ждать. А тот, усевшись напротив, смотрел куда-то в сторону, нахмурив брови. Тут уж Субботин обеспокоился, подумав, что первый собирается на какое-то упущение выговаривать ему.

— В Шантару когда едешь? — спросил первый.

— Сегодня, во второй половине дня. Как договорились с тобой вчера... Пленум райкома у них через три дня, но я хочу по полям посидеть, еще раз все посмотреть.

— Да, да... Значит, рожь у Назарова там выдержала засуху?

Обо всем этом, в том числе и о «ржи Назарова» они долго говорили вчера вечером, Субботину было теперь странно, что первый, никогда не имевший привычки возвращаться к тому, что раз уже было обговорено и решено, снова заводит об этом речь, и какое-то тревожное предчувствие кольнуло ему в сердце.

— Более или менее выдержала.

— По всему видать, Шантарский район по хлебу будет снова первым.

— Кажется, так... Я полагаю, надо бы нам в конце концов представить к правительственным наградам группу работников района. Ты смотри, сколько они там строительного леса заготовили. Кружилин докладывал — до последнего бревна все сплавили по реке. сейчас пилят на доски, строят полным ходом жилье для рабочих завода. В общем, успешно они решают эту проблему, самую для них трудную.

— Да, попытаемся давай, — сказал первый секретарь. — И обязательно — Назарова. И погляди, того там еще из его колхоза. Пусть райком кандидатуры представит.

— Неурожай все же. Как... чем мотивировать? — помолчав, спросил Субботин.

— Мотивировать .. Слово-то какое! А так и обозначим в представлении — за получение высоких урожаев ржи в условиях засухи... А там, в Москве, пусть поправляют, как хотят.

— Хорошо. Вот за это... за это народ нам спасибо скажет.

— Нам, — поморщился первый секретарь. — Мы должны нашему народу спасибо говорить.

Он поднялся, отошел к окну. Отодвинув в сторону занавеску, стал молча смотреть на улицу. Субботин остался сидеть. Его давно беспокоила неотвязная мысль — первый секретарь говорит одно, а думает, кажется, все время сегодня о чем-то другом. О чем же? Что это все значит?

— Не знаем мы... Я, по крайней мере, не знал еще... как за эти два трудных и страшных военных года узнал наш народ, — проговорил он. — Ему не только спасибо — в ножки надо кланяться. Низко-низко... И поклонимся публично, перед всем миром, Иван Михайлович, придет час. Я это знаю...

Субботин спросил:

— Что там, в наркомате думают? Утвердят Хохлова? Ты хотел поговорить с наркомом.

— Я говорил, Иван Михайлович. Миронов какой-то вроде будет назначен. Из наркомата. Сам почему-то попросился на этот завод, как объяснил нарком. Почему сам? Ты не знаешь?

— Не имею понятия.

— Да, да... Ну, ладно, Иван Михайлович... — говоря это, первый секретарь обкома медленно отвернулся от окна, так же медленно двинулся к своему рабочему столу. Но, подойдя к нему, не сел, а лишь взял со стола какое-то письмо с приколотым к нему конвертом, с трудом поднял тяжелую голову: — Иван Михайлович, я должен... обязан, к сожалению, сообщить это тебе. Ты мужественный человек... Твой сын, Павел...

Первый секретарь обкома это говорил, а все вещи, находящиеся в кабинете, — мебель, портреты на стене, занавески на окнах и сами окна — потускнели вдруг, качнулись и поплыли, поплыли... И сам первый секретарь обкома как-то странно наклонился и, не падая окончательно, метнулся к нему. В уши ударило еще раз, глухо и больно:

— Иван Михайлович! Иван...

..Он очнулся на диване. Рядом на стуле, взятом от стола для заседаний, сидела та самая женщина-врач, которую Иван Михайлович видел в приемной, теперь она была в белом халате. Первый секретарь обкома стоял возле нее.

Очнулся Иван Михайлович от того, что услышал запах какого-то лекарства. В голове больно стучало. И в груди, там, где сердце, стояла тупая, тяжкая боль. Он приподнялся, спустил ноги на пол.

— Пашка, средний сын... Последний, — мучительно проглотив тяжелую, с острыми краями пробку, торчавшую в горле, проговорил он. — Сперва крайних выбило, теперь в середку... Теперь я совсем один.

— Терпем сыновей, Иван. Терпем дочерей... — проговорил первый секретарь обкома, присаживаясь рядом на диван — Не один ты терпишь. Всем тяжко ..

— Да, это так, — Субботин, судорожно вздохнув, поглядел мутными глазами на врача, на первого секретаря.

— Спасибо вам.

— Поезжай домой, Иван Михайлович. Отдохни, успокойся, если можешь... Вот Винанда Даниловна побудет с тобой.

— Нет... Я пойду к себе в кабинет. Что же... надо работать. Надо работать.

— В Шантару ехать я тебе запрещаю. На пленум кого-нибудь другого пошлем.

— Нет, я сам поеду, — упрямо мотнул он белой головой.

...Когда Иван Михайлович Субботин снова шел через приемную, солнечные полосы, бившие из окон и растекавшиеся по паркетному полу, были черными, и он споткнался об них.

БЫЛО 2 августа 1943 года, день стоял безветренный, теплый, небо чистое и высокое.

На берегу протоки оживленно, как на воскресном базаре. Галдели и кричали люди, на разные голоса звенели и хрипели пилы, скрипела прибрежная галька, по которой на лошадях таскали из воды мокрые, тяжелые бревна. Их распиливали тут же, вручную, на доски, на брусья, сооружив для этого высокие козлы, складывали в штабеля, а оттуда грузили на автомашины и подводы, увозили.

На нерасчаленных еще плотах купались ребятишки, с хохотом и визгом прыгали в воду, подымая тучи брызг. Старухи и женщины подбирали древесную кору и щепки, всякие обрубки и опилки, связывали в вязанки или нагружали ими ручные тележки и увозили к себе домой — на топливо.

Над рекой по всему берегу стоял густой и холодный запах коры и сосновых опилок.

— Хорошо, а? — воскликнул Субботин, оглядывая всю эту трудовую суматоху. — Весело!

— Оно весело, пока с тучки не навесило, — сказал Филат Филатыч. Он стоял рядом, простоволосый, прижимая к груди замызганный старинный картуз.

Секретарь райкома партии Кружилин только что познакомил Субботина с ним, сказав:

— Вот он, Филат Филатыч, и приплавил нам лес с верховьев Громотухи.

— Так ты не забудешь — в наградам.

— Разве такое забывают?

— А после пленума, Поликарп, мы с тобой кое-куда сходим. К этой самой Акулине Тарасовне, бывшей жене Филат Филатыча. Передавал ты ей от меня поклон?

— А как же. Разыскал я ее...

— В девятьсот пятом я совершил побег из Александровского централа. А она сбежала с каторги, кажется, годом раньше. В тайге мы и встретились зимой, два беглеца... Давно было, а будто вчера. Ясно все перед глазами стоит... Сегодня еще раз хочу зайти к ней попрощаться... — И, видя, что Кружилин что-то хочет сказать, торопливо добавил: — Ну, ладно, ладно, иди по своим делам, а я к себе. Не провожай дальше! Через час-полтора я приду в райком.

Повернул в переулок и пошел. Кружилин, заподозрив неладное, шел за ним в отдалении. Но секретарь обкома шагал твердо, ноги ставил крепко, худая спина его покачивалась в такт шагам. Не обернувшись ни разу, он скрылся за дверью крохотной, в четыре комнатушки, шантарской гостиницы, которая именовалась истарт: «Заезжий дом колхозника».

НЕ ПРИШЛОСЬ больше Ивану Михайловичу Субботину поездить по полям, сходить к Акулине Тарасовне Козодоевой, напрасно ждали его на заводе. Последний раз подышал он в этот день чистым речным воздухом, напоенным запахом солнца и свежей сосны, последний раз глядел на сверкающую воду, на купающихся ребятишек, на чистое голубое небо.

Он еще нашел в себе силы так же твердо пройти по узкому коридорчику заезжего дома. Но, зайдя в свою комнатку, где всегда останавливался при наездах в Шантару, обессиленно прислонился к стене. Постояв, он кое-как доплелся до тумбочки, налил в стакан воды, накапал туда валерьянки. Выпив это, упал на кровать и стал жадно заглатывать воздух. Пот со лба и щек скатывался крупными горошинами. В груди была сплошная боль, которая застилала сознание.

Через некоторое время его чуть отпустило. Он, видя, как шатаются, колеблются стены, поднялся, шагнул к двери, толкнул ее и, держась за косяк, чтобы не вывалиться в коридорчик, позвал:

— Маруся, милая...

Маруся — тощая, угрюмая женщина в мужском пиджаке, которая была директором, сторожем и уборщицей этой гостиницы, тотчас выглянула из своей каморки, где у нее хранились веники, ведра, тряпки для мытья полов и где она жила сама.

— Будь доброй, Маруся... Тут у вас живет такая старушка, Козодоева... Ты, может, знаешь?

— Ну? Это бабушка Акулина, что ли?

— Она мне очень нужна, очень... Позови ее, пожалуйста, если не трудно. Сходи, Маруся...

Женщина немного удивилась такой просьбе секретаря обкома, но, не страдая любопытством, лишь сказала:

— Счас.

— А после, как позовешь ее, в райком зайди. Кружилину скажи, чтоб пришел.

— Ладно.

Никто не знал, что Иван Михайлович, бывая в Шантаре, выбирал иногда вечерок и захаживал к одинокой старухе, она тогда ставила самовар, они сидели, пили чай, вспоминали далекое прошлое и рассказывали друг другу о своей жизни. Иван Михайлович предложил ей однажды какую-то помощь, но та наотрез отказалась: «Еще чего! Не позорь меня, ради бога. Избушку у меня есть, с огородишка то да се на базар таскаю... Да много ли мне теперь надо? Не-ет, Ванюшка... А так — заходи по-стариковски, это мне в радость...» А теперь вот дойти до нее не мог, позвал к себе.

Он ждал ее, лежа на спине, глядя в потолок, ощущая, как при каждом ударе сердца в нем что-то больно обрывается, какая-то ниточка. И когда она вошла — легкая, сухенькая, он повернул к ней голову, улыбнулся:

— Здравствуй... здравствуй. Вот... позвал тебя попрощаться.

— Господь с тобой! Захворал, что ли?

— Да нет, умираю просто.

— Будет молоть-то! — проговорила старуха, присаживаясь на стул, но поняв, что он сказал это не шутки ради, тут же поднялась тревожно: — Фершала надо ж! Ты чего?!

— Не надо... Сядь-ка, — попросил он тихонько. — Все, никакой врач, никто уже не поможет. Отогнал, отмахался я на земле родимой... С тобой вот напоследок хочу побыть. Все.

И старая Акулина Тарасовна, глядя на его иссохшее, еще живое, но уже обостриившееся лицо, с которого отхлынула уже кровь, поняла, что это действительно все, что не надо бежать ни за какой помощью, не надо суетиться. В прежние времена в такие минуты звали священника, теперь попов нет, да он и безбожник, он позвал ее, потому что легче, видно, ему умирать при ней.

— Ванюшка! — выдохнула только она шепотом и, невесомая, опустилась на стул возле кровати, беззвучно заплакала.

— Это ты зря. Зачем? Теперь — плачь не плачь...

В комнатушке некоторое время постояла тишина, нарушаемая лишь негромким и частым дыханием Субботина.

Потом дыхание его успокоилось, он повернул голову и стал глядеть, не мигая, на Акулину Тарасовну. На бескровном лице его проступило что-то живое, в глазах засветилась теплота. Она в синей широкой юбке и нестрельной ситцевой кофточке сидела перед ним, сложив на коленях маленькие сухие руки. Он дотронулся до них потной ладонью, погладил.

— Что ты? — чуть смутилась она.

— А ты знаешь, я эти руки твои помню. Как ты прикасалась ими, когда перевязывала меня... там, в тайге. Сколько времени-то прошло с тех пор!

— Сколько? Четыре десятка годков уж.

— Четыре .. Не наткнись ты на меня там — не прожил бы я их. Спасла ты меня.

— Я ли тебя, ты ли меня...— сказала старая женщина.— Тебя медведь изодрал, и меня лихоманка била. Да от голода свет уж мерк в глазах.

— Да, я помню того медведя... Шатун был, не принес, если можешь... Вот Винанда Даниловна побудет с тобой.

— Нет... Я пойду к себе в кабинет. Что же... надо работать. Надо работать.

— В Шантару ехать я тебе запрещаю. На пленум кого-нибудь другого пошлем.

— Нет, я сам поеду, — упрямо мотнул он белой головой.

...Когда Иван Михайлович Субботин снова шел через приемную, солнечные полосы, бившие из окон и растекавшиеся по паркетному полу, были черными, и он споткнался об них.

БЫЛО 2 августа 1943 года, день стоял безветренный, теплый, небо чистое и высокое.

На берегу протоки оживленно, как на воскресном базаре. Галдели и кричали люди, на разные голоса звенели и хрипели пилы, скрипела прибрежная галька, по которой на лошадях таскали из воды мокрые, тяжелые бревна. Их распиливали тут же, вручную, на доски, на брусья, сооружив для этого высокие козлы, складывали в штабеля, а оттуда грузили на автомашины и подводы, увозили.

На нерасчаленных еще плотах купались ребятишки, с хохотом и визгом прыгали в воду, подымая тучи брызг. Старухи и женщины подбирали древесную кору и щепки, всякие обрубки и опилки, связывали в вязанки или нагружали ими ручные тележки и увозили к себе домой — на топливо.

Над рекой по всему берегу стоял густой и холодный запах коры и сосновых опилок.

— Хорошо, а? — воскликнул Субботин, оглядывая всю эту трудовую суматоху. — Весело!

— Оно весело, пока с тучки не навесило, — сказал Филат Филатыч. Он стоял рядом, простоволосый, прижимая к груди замызганный старинный картуз.

Секретарь райкома партии Кружилин только что познакомил Субботина с ним, сказав:

— Вот он, Филат Филатыч, и приплавил нам лес с верховьев Громотухи.

— Спасибо, Филат Филатыч, — повернулся к нему Субботин, с любопытством оглядел. — Я знаю, что ты великого умельца в деле.

— Откуда ж, барин? — сорвав свой головной убор, спросил, посверкивая узкими глазками, неугомонный старик.

— Это какой же я тебе барин?! — изумился секретарь обкома.

— А кто ж ты таков? Из самого Миколаевска, слыхал. Глядишь вон как строго. Ух! Откудова я тебе, грешный, известен-то!

— И что грешен ты — знаю! Жену ты сильно обижал. Так?

— Ну... было, — растерялся старик. — Потому и ушла она от меня. Да ты кто ж таков?

— Барин я, ты же определил... Жена у тебя славная была. А ты — дурак-лесовичок.

С этими словами Субботин отвернулся и, наморщившись, сунул ладонь под полувоенный френч, стал растирать защемившее опять сердце. А старик так и остался стоять, прижав к груди свой картуз.

Пощипав, сердце отпустило, Иван Михайлович снова улыбнулся и произнес это «весело!», на которое откликнулся Филат Филатыч, все еще с удивлением оглядывая Субботина.

— Откуда ж сегодня дождю быть? — спросил Филата Филатыча Кружилин. — На небе ни тучки.

— А будет. Седни Ильин день. А на Илью до обеда — лето, говорится, а после обеда — осень.

— Да вон же жарынь стоит.

— А погодим, — усмехнулся опять старик. — Не дождим, так гром поспучит, это уж обязательно. Илья сатане места не да-ист!

— Ну, ну, интересно, — повернулся к старику Субботин. — Почему ж не даст?

— Осерчал.

— За что же?

— Так дело как у них было? — старик наконец картуз свой бросил на голову, полез за кисетом. — Сатане шубу надо было сильно к снеху сшить. Холода, значит, должно скоро подступить, а он без шубы еще. Сел он под сосну с утра, принялся за дело, да не поспел к вечеру. А ночью, известно, темно. Ну, в тую ночь Илья-то и гремел, оповещал, что лето кончается. Как молния блеснет — сатана и продернет иголку с ниткой в шубу. А там опять темно, ждать опять надо, ни иголки, ни шва не видать. Ну, ленивый терпел-терпел, да заворал: «Что ж ты, Илюха, не часто светишь, обессилел, что ли, козел облезлый?» Илья-то на это и осерчал, как пустит в черта громовую стрелу! Да он, черт, — на то и черт, — увернулся. Сосну расщепило, а черт убег со своей шубой. Ну, с тех пор и гонается Илья за ним, не дает нигде присесть. Где сатана лишь притулился, а тот стрелу туда пущает...

— Интересная сказка, — проговорил Субботин. — Я даже такое где-то и слышал...

— Вам все сказочки, эх! — обиделся старик. — Я лесовик, умом не велик, да знаю — испокон веков зажин рожи у нас тут на Семенов день делали. Это по-нынешнему 3 августа, завтрева. А вы только, слыхал, послезавтрева этот... как наше собрание там называется? Послезавтрева собираетесь речи говорить — эх, мол, нам хлеб молотить. А что речи? Надо жатву начинать. А то нынче...

— А мы, Филат Филатыч, уже целую неделю рожь убираем, — сказал Кружилин.

— Н-но? — похлопал глазами старик.

— А что нам этого Семенова дня ждать? Как созрела, так и начали.

— А это правильно, чего ждать? — тут же согласился старик. И не стал вернул свое: — По-нонешнему урожаю, конечно. А так — на Семенов день надо, как люди всегда делали.

Шагая от реки, Субботин опять морщился, держал руку на сердце. Кружилин давно заметил это, спросил:

— Иван Михайлович, тебе... нехорошо?

— Нет, нет. Сейчас вот перекушу чего — и по полям поедем. К Назарову в колхоз напоследок хочу заглянуть. Кстати, первый секретарь обкома сказал, чтоб его и других, кого считаешь нужным, к наградам представить.

Субботин говорил, тяжко дыша, на лбу его проступили капли пота.

— Пойдем ко мне пообедаем.

— Перед отъездом еще на завод заглянем... А занятный этот Филат Филатыч. Лишь, как он — «барин»! Ты давно его знаешь?

— С гражданской. Даже еще раньше.

Рисунок А. ПУШКАРНОГО

— Так ты не забудешь — в наградам.

— Разве такое забывают?

— А после пленума, Поликарп, мы с тобой кое-куда сходим. К этой самой Акулине Тарасовне, бывшей жене Филат Филатыча. Передавал ты ей от меня поклон?

— А как же. Разыскал я ее...

— В девятьсот пятом я совершил побег из Александровского централа. А она сбежала с каторги, кажется, годом раньше. В тайге мы и встретились зимой, два беглеца... Давно было, а будто вчера. Ясно все перед глазами стоит... Сегодня еще раз хочу зайти к ней попрощаться... — И, видя, что Кружилин что-то хочет сказать, торопливо добавил: — Ну, ладно, ладно, иди по своим делам, а я к себе. Не провожай дальше! Через час-полтора я приду в райком.

Повернул в переулок и пошел. Кружилин, заподозрив неладное, шел за ним в отдалении. Но секретарь обкома шагал твердо, ноги ставил крепко, худая спина его покачивалась в такт шагам. Не обернувшись ни разу, он скрылся за дверью крохотной, в четыре комнатушки, шантарской гостиницы, которая именовалась истарт: «Заезжий дом колхозника».

НЕ ПРИШЛОСЬ больше Ивану Михайловичу Субботину поездить по полям, сходить к Акулине Тарасовне Козодоевой, напрасно ждали его на заводе. Последний раз подышал он в этот день чистым речным воздухом, напоенным запахом солнца и свежей сосны, последний раз глядел на сверкающую воду, на купающихся ребятишек, на чистое голубое небо.

Он еще нашел в себе силы так же твердо пройти по узкому коридорчику заезжего дома. Но, зайдя в свою комнатку, где всегда останавливался при наездах в Шантару, обессиленно прислонился к стене. Постояв, он кое-как доплелся до тумбочки, налил в стакан воды, накапал туда валерьянки. Выпив это, упал на кровать и стал жадно заглатывать воздух. Пот со лба и щек скатывался крупными горошинами. В груди была сплошная боль, которая застилала сознание.

Через некоторое время его чуть отпустило. Он, видя, как шатаются, колеблются стены, поднялся, шагнул к двери, толкнул ее и, держась за косяк, чтобы не вывалиться в коридорчик, позвал:

— Маруся, милая...

Маруся — тощая, угрюмая женщина в мужском пиджаке, которая была директором, сторожем и уборщицей этой гостиницы, тотчас выглянула из своей каморки, где у нее хранились веники, ведра, тряпки для мытья полов и где она жила сама.

— Будь доброй, Маруся... Тут у вас живет такая старушка, Козодоева... Ты, может, знаешь?

— Ну? Это бабушка Акулина, что ли?

— Она мне очень нужна, очень... Позови ее, пожалуйста, если не трудно. Сходи, Маруся...

Женщина немного удивилась такой просьбе секретаря обкома, но, не страдая любопытством, лишь сказала:

— Счас.

— А после, как позовешь ее, в райком зайди. Кружилину скажи, чтоб пришел.

— Ладно.

Никто не знал, что Иван Михайлович, бывая в Шантаре, выбирал иногда вечерок и захаживал к одинокой старухе, она тогда ставила самовар, они сидели, пили чай, вспоминали далекое прошлое и рассказывали друг другу о своей жизни. Иван Михайлович предложил ей однажды какую-то помощь, но та наотрез отказалась: «Еще чего! Не позорь меня, ради бога. Избушка у меня есть, с огородишка то да се на базар таскаю... Да много ли мне теперь надо? Не-ет, Ванюшка... А так — заходи по-стариковски, это мне в радость...» А теперь вот дойти до нее не мог, позвал к себе.

Он ждал ее, лежа на спине, глядя в потолок, ощущая, как при каждом ударе сердца в нем что-то больно обрывается, какая-то ниточка. И когда она вошла — легкая, сухенькая, он повернул к ней голову, улыбнулся:

— Здравствуй... здравствуй. Вот... позвал тебя попрощаться.

— Господь с тобой! Захворал, что ли?

— Да нет, умираю просто.

— Будет молоть-то! — проговорила старуха, присаживаясь на стул, но поняв, что он сказал это не шутки ради, тут же поднялась тревожно: — Фершала надо ж! Ты чего?!

— Не надо... Сядь-ка, — попросил он тихонько. — Все, никакой врач, никто уже не поможет. Отогнал, отмахался я на земле родимой... С тобой вот напоследок хочу побыть. Все.

И старая Акулина Тарасовна, глядя на его иссохшее, еще живое, но уже обостриившееся лицо, с которого отхлынула уже кровь, поняла, что это действительно все, что не надо бежать ни за какой помощью, не надо суетиться. В прежние времена в такие минуты звали священника, теперь попов нет, да он и безбожник, он позвал ее, потому что легче, видно, ему умирать при ней.

— Ванюшка! — выдохнула только она шепотом и, невесомая, опустилась на стул возле кровати, беззвучно заплакала.

— Это ты зря. Зачем? Теперь — плачь не плачь...

В комнатушке некоторое время постояла тишина, нарушаемая лишь негромким и частым дыханием Субботина.

Потом дыхание его успокоилось, он повернул голову и стал глядеть, не мигая, на Акулину Тарасовну. На бескровном лице его проступило что-то живое, в глазах засветилась теплота. Она в синей широкой юбке и нестрельной ситцевой кофточке сидела перед ним, сложив на коленях маленькие сухие руки. Он дотронулся до них потной ладонью, погладил.

— Что ты? — чуть смутилась она.

— А ты знаешь, я эти руки твои помню. Как ты прикасалась ими, когда перевязывала меня... там, в тайге. Сколько времени-то прошло с тех пор!

— Сколько? Четыре десятка годков уж.

— Четыре .. Не наткнись ты на меня там — не прожил бы я их. Спасла ты меня.

— Я ли тебя, ты ли меня...— сказала старая женщина.— Тебя медведь изодрал, и меня лихоманка била. Да от голода свет уж мерк в глазах.

— Да, я помню того медведя... Шатун был, не принес, если можешь... Вот Винанда Даниловна побудет с тобой.

— Нет... Я пойду к себе в кабинет. Что же... надо работать. Надо работать.

— В Шантару ехать я тебе запрещаю. На пленум кого-нибудь другого пошлем.

— Нет, я сам поеду, — упрямо мотнул он белой головой.

...Когда Иван Михайлович Субботин снова шел через приемную, солнечные полосы, бившие из окон и растекавшиеся по паркетному полу, были черными, и он споткнался об них.

БЫЛО 2 августа 1943 года, день стоял безветренный, теплый, небо чистое и высокое.

На берегу протоки оживленно, как на воскресном базаре. Галдели и кричали люди, на разные голоса звенели и хрипели пилы, скрипела прибрежная галька, по которой на лошадях таскали из воды мокрые, тяжелые бревна. Их распиливали тут же, вручную, на доски, на брусья, сооружив для этого высокие козлы, складывали в штабеля, а оттуда грузили на автомашины и подводы, увозили.

На нерасчаленных еще плотах купались ребятишки, с хохотом и визгом прыгали в воду, подымая тучи брызг. Старухи и женщины подбирали древесную кору и щепки, всякие обрубки и опилки, связывали в вязанки или нагружали ими ручные тележки и увозили к себе домой — на топливо.

Над рекой по всему берегу стоял густой и холодный запах коры и сосновых опилок.

— Хорошо, а? — воскликнул Субботин, оглядывая всю эту трудовую суматоху. — Весело!

— Оно весело, пока с тучки не навесило, — сказал Филат Филатыч. Он стоял рядом, простоволосый, прижимая к груди замызганный старинный картуз.

Секретарь райкома партии Кружилин только что познакомил Субботина с ним, сказав:

— Вот он, Филат Филатыч, и приплавил нам лес с верховьев Громотухи.

— Спасибо, Филат Филатыч, — повернулся к нему Субботин, с любопытством оглядел. — Я знаю, что ты великого умельца в деле.

— Откуда ж, барин? — сорвав свой головной убор, спросил, посверкивая узкими глазками, неугомонный старик.

— Это какой же я тебе барин?! — изумился секретарь обкома.

— А кто ж ты таков? Из самого Миколаевска, слыхал. Глядишь вон как строго. Ух! Откудова я тебе, грешный, известен-то!

— И что грешен ты — знаю! Жену ты сильно обижал. Так?

— Ну... было, — растерялся старик. — Потому и ушла она от меня. Да ты кто ж таков?

— Барин я, ты же определил... Жена у тебя славная была. А ты — дурак-лесовичок.

С этими словами Субботин отвернулся и, наморщившись, сунул ладонь под полувоенный френч, стал растирать защемившее опять сердце. А старик так и остался стоять, прижав к груди свой картуз.

Пощипав, сердце отпустило, Иван Михайлович снова улыбнулся и произнес это «весело!», на которое откликнулся Филат Филатыч, все еще с удивлением оглядывая Субботина.

— Откуда ж сегодня дождю быть? — спросил Филата Филатыча Кружилин. — На небе ни тучки.

— А будет. Седни Ильин день. А на Илью до обеда — лето, говорится, а после обеда — осень.

— Да вон же жарынь стоит.

— А погодим, — усмехнулся опять старик. — Не дождим, так гром поспучит, это уж обязательно. Илья сатане места не да-ист!

— Ну, ну, интересно, — повернулся к старику Субботин. — Почему ж не даст?

— Осерчал.

— За что же?

— Так дело как у них было? — старик наконец картуз свой бросил на голову, полез за кисетом. — Сатане шубу надо было сильно к снеху сшить. Холода, значит, должно скоро подступить, а он без шубы еще. Сел он под сосну с утра, принялся за дело, да не поспел к вечеру. А ночью, известно, темно. Ну, в тую ночь Илья-то и гремел, оповещал, что лето кончается. Как молния блеснет — сатана и продернет иголку с ниткой в шубу. А там опять темно, ждать опять надо, ни иголки, ни шва не видать. Ну, ленивый терпел-терпел, да заворал: «Что ж ты, Илюха, не часто светишь, обессилел, что ли, козел облезлый?» Илья-то на это и осерчал, как пустит в черта громовую стрелу! Да он, черт, — на то и черт, — увернулся. Сосну расщепило, а черт убег со своей шубой. Ну, с тех пор и гонается Илья за ним, не дает нигде присесть. Где сатана лишь притулился, а тот стрелу туда пущает...

— Интересная сказка, — проговорил Субботин. — Я даже такое где-то и слышал...

— Вам все сказочки, эх! — обиделся старик. — Я лесовик, умом не велик, да знаю — испокон веков зажин рожи у нас тут на Семенов день делали. Это по-нынешнему 3 августа, завтрева. А вы только, слыхал, послезавтрева этот... как наше собрание там называется? Послезавтрева собираетесь речи говорить — эх, мол, нам хлеб молотить. А что речи? Надо жатву начинать. А то нынче...

— А мы, Филат Филатыч, уже целую неделю рожь убираем, — сказал Кружилин.

— Н-но? — похлопал глазами старик.

— А что нам этого Семенова дня ждать? Как созрела, так и начали.

— А это правильно, чего ждать? — тут же согласился старик. И не стал вернул свое: — По-нонешнему урожаю, конечно. А так — на Семенов день надо, как люди всегда делали.

Шагая от реки, Субботин опять морщился, держал руку на сердце. Кружилин давно заметил это, спросил:

— Иван Михайлович, тебе... нехорошо?

— Нет, нет. Сейчас вот перекушу чего — и по полям поедем. К Назарову в колхоз напоследок хочу заглянуть. Кстати, первый секретарь обкома сказал, чтоб его и других, кого считаешь нужным, к наградам представить.

Субботин говорил, тяжко дыша, на лбу его проступили капли пота.

— Пойдем ко мне пообедаем.

— Перед отъездом еще на завод заглянем... А занятный этот Филат Филатыч. Лишь, как он — «барин»! Ты давно его знаешь?

— С гражданской. Даже еще раньше.

— Так ты не забудешь — в наградам.

— Разве такое забывают?

— А после пленума, Поликарп, мы с тобой кое-куда сходим. К этой самой Акулине Тарасовне, бывшей жене Филат Филатыча. Передавал ты ей от меня поклон?

— А как же. Разыскал я ее...

— В девятьсот пятом я совершил побег из Александровского централа. А она сбежала с каторги, кажется, годом раньше. В тайге мы и встретились зимой, два беглеца... Давно было, а будто вчера. Ясно все перед глазами стоит... Сегодня еще раз хочу зайти к ней попрощаться... — И, видя, что Кружилин что-то хочет сказать, торопливо добавил: — Ну, ладно, ладно, иди по своим делам, а я к себе. Не провожай дальше! Через час-полтора я приду в райком.

Повернул в переулок и пошел. Кружилин, заподозрив неладное, шел за ним в отдалении. Но секретарь обкома шагал твердо, ноги ставил крепко, худая спина его покачивалась в такт шагам. Не обернувшись ни разу, он скрылся за дверью крохотной, в четыре комнатушки, шантарской гостиницы, которая именовалась истарт: «Заезжий дом колхозника».

НЕ ПРИШЛОСЬ больше Ивану Михайловичу Субботину поездить по полям, сходить к Акулине Тарасовне Козодоевой, напрасно ждали его на заводе. Последний раз подышал он в этот день чистым речным воздухом, напоенным запахом солнца и свежей сосны, последний раз глядел на сверкающую воду, на купающихся ребятишек, на чистое голубое небо.

Он еще нашел в себе силы так же твердо пройти по узкому коридорчику заезжего дома. Но, зайдя в свою комнатку, где всегда останавливался при наездах в Шантару, обессиленно прислонился к стене. Постояв, он кое-как доплелся до тумбочки, налил в стакан воды, накапал туда валерьянки. Выпив это, упал на кровать и стал жадно заглатывать воздух. Пот со лба и щек скатывался крупными горошинами. В груди была сплошная боль, которая застилала сознание.

Через некоторое время его чуть отпустило. Он, видя, как шатаются, колеблются стены, поднялся, шагнул к двери, толкнул ее и, держась за косяк, чтобы не вывалиться в коридорчик, позвал:

— Маруся, милая...

Маруся — тощая, угрюмая женщина в мужском пиджаке, которая была директором, сторожем и уборщицей этой гостиницы, тотчас выглянула из своей каморки, где у нее хранились веники, ведра, тряпки для мытья полов и где она жила сама.

— Будь доброй, Маруся... Тут у вас живет такая старушка, Козодоева... Ты, может, знаешь?

— Ну? Это бабушка Акулина, что ли?

— Она мне очень нужна, очень... Позови ее, пожалуйста, если не трудно. Сходи, Маруся...

Женщина немного удивилась такой просьбе секретаря обкома, но, не страдая любопытством, лишь сказала:

— Счас.

— А после, как позовешь ее, в райком зайди. Кружилину скажи, чтоб пришел.

— Ладно.

Никто не знал, что Иван Михайлович, бывая в Шантаре, выбирал иногда вечерок и захаживал к одинокой старухе, она тогда ставила самовар, они сидели, пили чай, вспоминали далекое прошлое и рассказывали друг другу о своей жизни. Иван Михайлович предложил ей однажды какую-то помощь, но та наотрез отказалась: «Еще чего! Не позорь меня, ради бога. Избушка у меня есть, с огородишка то да се на базар таскаю... Да много ли мне теперь надо? Не-ет, Ванюшка... А так — заходи по-стариковски, это мне в радость...» А теперь вот дойти до нее не мог, позвал к себе.

Он ждал ее, лежа на спине, глядя в потолок, ощущая, как при каждом ударе сердца в нем что-то больно обрывается, какая-то ниточка. И когда она вошла — легкая, сухенькая, он повернул к ней голову, улыбнулся:

— Здравствуй... здравствуй. Вот... позвал тебя попрощаться.

— Господь с тобой! Захворал, что ли?

— Да нет, умираю просто.

— Будет молоть-то! — проговорила старуха, присаживаясь на стул, но поняв, что он сказал это не шутки ради, тут же поднялась тревожно: — Фершала надо ж! Ты чего?!

— Не надо... Сядь-ка, — попросил он тихонько. — Все, никакой врач, никто уже не поможет. Отогнал, отмахался я на земле родимой... С тобой вот напоследок хочу побыть. Все.

И старая Акулина Тарасовна, глядя на его иссохшее, еще живое, но уже обостриившееся лицо, с которого отхлынула уже кровь, поняла, что это действительно все, что не надо бежать ни за какой помощью, не надо суетиться. В прежние времена в такие минуты звали священника, теперь попов нет, да он и безбожник, он позвал ее, потому что легче, видно, ему умирать при ней.

— Ванюшка! — выдохнула только она шепотом и, невесомая, опустилась на стул возле кровати, беззвучно заплакала.

— Это ты зря. Зачем? Теперь — плачь не плачь...

В комнатушке некоторое время постояла тишина, нарушаемая лишь негромким и частым дыханием Субботина.

Потом дыхание его успокоилось, он повернул голову и стал глядеть, не мигая, на Акулину Тарасовну. На бескровном лице его проступило что-то живое, в глазах засветилась теплота. Она в синей широкой юбке и нестрельной ситцевой кофточке сидела перед ним, сложив на коленях маленькие сухие руки. Он дотронулся до них потной ладонью, погладил.

— Что ты? — чуть смутилась она.

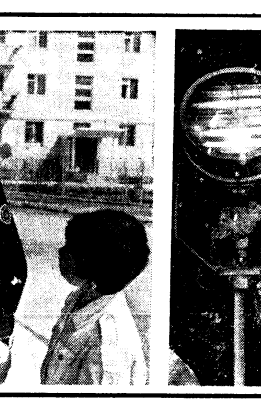
— А ты знаешь, я эти руки твои помню. Как ты прикасалась ими, когда перевязывала меня... там, в тайге. Сколько времени-то прошло с тех пор!

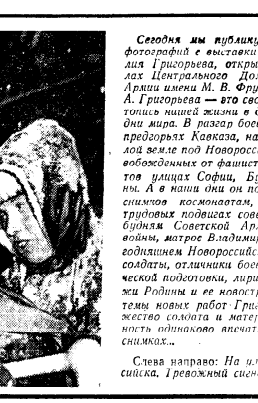
— Сколько? Четыре десятка годков уж.

— Четыре .. Не наткнись ты на меня там — не прожил бы я их. Спасла ты меня.

— Я ли тебя, ты ли меня...— сказала старая женщина.— Тебя медведь изодрал, и меня лихоманка била. Да от голода свет уж мерк в глазах.

— Да, я помню того медведя... Шатун был, не принес,





Сегодня мы публикуем несколько фотографий с выставки работ Анатолия Григорьева, открывшейся в залах Центрального Дома Советской Армии имени М. В. Фрунзе. Выставка А. Григорьева — это своеобразная летопись нашей жизни в дни войны и в дни мира. В разгар боев он снимал в предгорьях Кавказа, на славной Малой земле под Новороссийском, на освобожденных от фашистских оккупантов улицах Софии, Будапешта, Вены. А в наши дни он появился серию снимков космонавтов, рассказал о трудовых подвигах советских людей, буднях Советской Армии. Ветеран войны, матрос Владимир Кайда в сегодняшнем Новороссийске и молодые солдаты, отличники боевой и политической подготовки, лирические пейзажи Родины и ее новостройки — вот темы новых работ Григорьева. Мужество солдата и материнская нежность одинаково впечатляют на его снимках...

Слева направо: *На улице Новороссийска. Тревожный сигнал. Нежность*

НАЕДИНЕ С ГЕРОЕМ

Н. МАЩЕНКО

НАЧАЛЕ было слово... Диктор, появившийся на экране, сказал нам: «Добрый вечер! Сегодня в нашей программе...» Телевидение в первую очередь — контакт, двусторонняя связь, поддерживать которую успешно можно лишь в том случае, когда собеседники интересны друг другу.

Телевидение приходит к нам в гости вместе со своими героями, с проблемами, которые есть и наши проблемы — самые серьезные, самые насущные. Но мы хорошо знаем, что «гость» останется в доме, если будет интересен хозяевам.

С каждым годом все ответственнее и сложнее снимать телефильмы. Да, именно сложнее, несмотря на то, что одно за другим исчезают табу, наложенные некогда на выразительные средства, якобы телевидению неподходящие. Сегодняшняя техника позволяет использовать самые сложные приемы.

Человек, оставаясь перед телеэкраном один на один с героем, не только познает мир — через герой, как через особый светофильтр, но познает и себя в этом мире. Думает о себе, о своем несовершенстве, о своем пути...

Каждому поколению нужен свой герой, который сконцентрировал бы в себе интенсивность мироощущения, присущую молодости, страстный порыв к действию, искреннюю жажду идеала. Часто думал о Павле Корчагине, мы представляем его первым зрелым мужчиной он был, собственно, уже во время болезни. А в годы, когда он вступил в борьбу, ему было шестнадцать лет. Снимал телефильм «Как закалялась сталь», мы ориентировались на то, что наш герой — совсем молодой человек. Многое зависело от выбора актера на главную роль. Можно сказать, что Владимир Конкин определил генеральную линию образа, концепцию всей экранизации. Он играл именно юного Корчагина — истового, преданного идее. Но поколения, наверное, не смогли бы узнать друг друга, понять свое нравственное сродство, если бы Корчагин был поднят на котурны, вознесен на вершину, до которой невозможно добраться.

И в других фильмах о войне — гражданской или Великой Отечественной — мы не просто показываем идеал, эталон героического. Мы говорим молодым: «Учитесь у них. Идите за ними».

Создавая героический образ, прежде всего надо думать о том, как отзовется он в сердцах зрителей, чему научит. Хотелось бы, чтобы он пробуждал чувства возвышенные и чистые. А это достижимо лишь в том случае, если герой не существует сам по себе, в замкнутом пространстве, если он не идеальная модель, а живое, борющееся и страдающее существо — плоть от плоти самой жизни. В чем мы хотим узнавать сложность человеческих судеб, и чем необычнее эта судьба, тем больший интерес мы проявляем к ней. Не обязательно все ее перипетии должны уместиться в рамки телеповествования — даже если это многосерийное телекино. Здесь и оно бессильно. Судьба эта может лежать за пределами сюжета, но так или иначе она должна угадываться, прочитываться, как была она ясна нам в классических образах советского кинематографа.

Нас учат судьбы героев. Нас учит их слово. И не многословие телефильмов порой их беда, а невыразительное слово, которое слишком быстро уходит из памяти, примитивное и «советавшее, как платье». Герой телеэкрана должен возвращать слову первоначальный смысл: самому слову и той идее, которую оно обозначает.

ЧТОБЫ добиться этого, телевидение должно экспериментировать, искать свои формы, развивать собственную, телевизионную драматургию. Наверное, лет сто назад или чуть более подошлось слово «фотогенность», затем появилось понятие «киногенность», и речь шла уже чаще всего не о том, смотрится или нет изображение на пленке как таковое, а о том, насколько возможно перенесение в кино литературного произведения или театральной пьесы. И вот настало время, когда мы всерьез можем говорить о «телегеничности». И что же? Снова, как в кино, вопрос сводится к тому, что доступно новому искусству, а что ему противопоказано.

И, казалось бы, все должно повториться — те же романы и пьесы, которые «сопротивлялись» кинематографу, должны быть чужды и телевидению, ведь средства одни и те же: пленка, кинокамера, режиссер, актеры... Но результат очень часто разный.

Мы уже убедились в том, что на телевидении безболезненно можно использовать и общие планы, и цвет, и необычные ракурсы. Научили нас этому, как ни, странно, кинофильмы. Поль Элюар писал в одном из своих стихотворений о человеке, который каждый день сгорал, чтоб жить потом в других... Наверное, эта строка точно отображает смысл жизни, обретенный героями этих телефильмов.

Трудно сказать: то ли телевидение осознало свою документальную природу в то время, когда в кинематографе усилилась тяга к документальности, то ли, наоборот, кино пошло по стопам телевидения. Кому принадлежит приоритет — не столь важно. Главное здесь в другом. В звукозрительных искусствах — и на телевидении особенно — нанесен на документальность, хроникальный кадр или сиюминутность происходящего события стали совершенно необходимым элементом в создании художественной документальности — это мера узнанной себя в таком выжившем человеке, который зовется героем произведения. Она сокращает дистанцию между человеком, сидящим перед телевизором, и тем, кто по ту сторону экрана. Именно такая дистанция между зрителем и героем — вот, пожалуй, одно из ценных завоеваний художественного телевидения.

Чтобы сохранить и поддерживать эту дистанцию, одинаково интересными должны быть и героическая драма, и комедия, и детектив, и та программа, которую вы сегодня выбрали, стала бы для вас единственной — той, которой можно посвятить все внимание.

И не надо опасаться «конкуренции» программ. От этой конкуренции никто не пострадает — все выиграют. В первую очередь — зритель.

Плохой кинофильм за год не наберет и миллиона зрителей. Даже кинопрокат не в силах сделать его привлекательным. Общественное мнение — самый суровый критик. А телефильм минута в минуту «тиражируется» во многих миллионах экземпляров. Эта всеобщая аудитория, живущая в одном ритме, — огромное достояние телевидения, его оружие в формировании идеологии и эстетического вкуса.

В программе одного дня мы можем увидеть не один — несколько фильмов, массу передач о науке, технике, о политике. В центре их — современный человек. Телевидение, транслируя спектакли и концерты, приобщает к искусству миллионы, несет функцию просветительную. И от того, на каком уровне профессионализма будет преподносить телевидение свои уроки, зависит культура его огромной, массовой аудитории.

Уже сейчас телефильм становится часто событием недели или месяца, по своей популярности равняясь книге или кинофильму. Прошлой осенью мы говорили об «Ольге Сергеевне» и «Страницах журнала Печорина», чуть раньше — о «Юркиных рассветах» и «Трудных этапах». Сегодня радуемся успеху «Иронии судьбы...», спорим о «Фантазии». Экранизациях Джека Лондона... Несомненно, эти работы стали «звездами» программы, о них говорят и спорят... А завтра нам хочется увидеть телеспектакль, которая стала бы не только событием недели, а фактом культуры и осталась в ней как художественное выражение своего времени.

Я думаю, что телефильмы в пути. Что их, как говорится, обретает идущий, и все наши надежды оправдает новый жанр — в самом недалеком будущем.

ТВ + ТВ

Заметки критика о программах местных телестудий. Местная программа должна быть столь же интересна и насыщенна, как передачи ЦТ.

Герой телевизионного фильма: каким мы хотим его видеть? Об этом — статья режиссера Н. Мащенко, постановщика телефильма «Как закалялась сталь».

КЛУБ ЗРИТЕЛЕЙ

В «Литературной газете» (№ 14, 1976) было опубликовано письмо И. Бондарева из Волгограда «1:0 в пользу спорта!». Мы пригласили читателей принять участие в обсуждении проблем спортивных передач на телевидении. В ответ редакция получила большое количество писем из разных городов и сел страны. В них — как и следовало ожидать — высказываются разнообразные точки зрения. Во многих содержатся ценные предложения — как улучшить качество спортивных передач. Сегодня, продолжая разговор о спорте на ТВ, мы предлагаем два письма из почты «ЛГ».

10:0 В ПОЛЬЗУ ХОРОШИХ ПЕРЕДАЧ

С целым рядом положений письма И. Бондарева можно согласиться полностью, иные кажется, что основная идея его выражается так: пусть будет разумное количество хороших спортивных передач.

В то же время я очень боюсь, как бы это письмо не было понято иначе: «Долой спортивные передачи». Конечно, мы с удовольствием послушаем музыку, посмотрим литературную передачу, встретимся с любимыми артистами и режиссерами. Если автор предлагает показывать хорошую литературную передачу вместо плохого спортивного репортажа, то я тоже думаю, что большинство телезрителей тоже! — полностью за! Если же предлагается смотреть плохую музыкальную, научно-познавательную передачу вместо хорошей спортивной, то тут я категорически против! И еще — положа руку на сердце: я всегда предпочту заурядный спортивный репортаж заурядной литературной (музыкальной и т. д.) передаче.

Где же выход? Мне кажется, планировать спортивные передачи надо так, чтобы тематика их не совпадала! Ведь нет, когда по всем программам идет одно и то же. Так, много раз у нас в Ленинграде бывало: показывают хоккей из Москвы и из ленинградского Дворца спорта или футбол из Киева и со стадиона имени Кирова. Известно, что в календарный день чемпионата страны бывает несколько матчей, но отдел спорта ЦТ должен авторитетно выбрать один и действительно самый интересный.

До тех пор пока И. Бондарев будет говорить, что спортивных передач слишком много, а Б. Гонтарев будет утверждать, что спортивных передач слишком мало, истину установить будет трудно. Я считаю, что нужны серьезные социологические исследования, это позволит сделать правильные выводы. Например, в каждой телепрограмме печатать отрезной талон-анкету с просьбой сообщить, в прямеру, лучшую и худшую спортивные телепередачи за предыдущую неделю. Средствами современной техники обрабатывать такие анкеты не составило бы труда.

А пока что я лично за «10:0 в пользу хороших передач по телевидению», и пусть победит сильнейшая!

Б. ГОНТАРЕВ,
кандидат химических наук

НЕ ГОЛОМ ЕДИНЫМ...

Соглашаясь во многом с И. Бондаревым, автором письма «1:0 в пользу спорта!», я бы выдвинул на острие дискуссии следующие три вопроса:

1. Отбор спортивных передач.

2. Подготовленность телепередачи, его режиссура...

3. Выбор и подготовка комментатора.

Нельзя не согласиться с И. Бондаревым, когда он говорит, что отбор спортивных передач происходит без учета интересов зрителей и потому не всегда отвечает нашим настроениям и желаниям.

Однако какими критериями в этом отборе нужно руководствоваться? Какому виду спорта отдать предпочтение? Автор письма вряд ли смог бы ответить на эти вопросы. Уж больно разнопла трибуна телеболельщиков. У каждого свои вкусы. У каждого свои любимцы и свои «идолы». Можно попробовать определить число поклонников по всем видам спорта с помощью статистики. Но письмо тов. Бондарева слышны жалобы: «...Стоит ли, например, показывать чуть ли не все матчи чемпионата страны по футболу или хоккею?..» Действительно, стоит ли? Но ведь футбол и хоккей как раз доминируют в статистических подсчетах. Так же, впрочем, как и фигурное катание, гимнастика, бокс...

И сказать, что нужно, а что не нужно показывать, весьма мудрено... Наверное, все нужно. Однако необходимо иметь в виду качественную сторону передачи. Нужна острота борьбы, ее драматизм. Хотите или не хотите, а надо предугадывать эмоциональность предстоящего сражения и только тогда выходить в эфир.

Под режиссурой спортивного репортажа я имею в виду не игру комментатора «с листа», не эксперимент, случайно попавший в поле зрения телекамеры в зале или на стадионе. Было показать не только в спортивных передачах интересные состязания, но и подготовку к старту — это даст зрителю дополнительную информацию, надо уметь показать обстановку соревнований. Всмотрите, как интересны были кадры со сломанным креплением у лыжника Савельева в Инсбке. Или кадры соревнований по фигурному катанию: крупный план после исполнения программы — тут и радость, и слезы, капризы и волнения...

И, наконец, последнее. Для спортивной передачи нужен отличный дирижер-комментатор. В прошлом у микрофона были В. Синявский и В. Набутов, а теперь «лидируют» наши прославленные мастера репортажа А. Озеров и К. Махарадзе. Но некоторым комментаторам, безусловно, хорошим специалистам, мне бы хотелось пожелать больше увлеченности и артистизма.

А без этого любые самые острые, самые интересные состязания будут скучны.

Г. ИВАНОВ,
архитектор

ДЛЯ ЧЕГО ИЗОБРЕТЕН ПЕРЕКЛЮЧАТЕЛЬ?

А. ЗОРКИЙ

В РАЗНЫХ городах, имеющих свою собственную телепрограмму, случалось мне не раз слышать скептические отзывы о местном голубом экране: «Нечего смотреть. Так... сухомятка. Глянешь иной раз старый фильм, рубашки отгладишь, отсмотришь свои «мультики», прослушаешь информацию... И все».

Проглядываю программы местного ТВ нескольких городов. Вот они: выстроились «по часам», рубрики на рубрикой. Но слишком однообразно, суховато все для вечернего домашнего зрелища.

Вспомним о том, что местные студии выходят в эфир, как правило, в вечерние часы. Вполне в то же время Центральное телевидение сгущает, концентрирует свою зрелищную энергию: идут самые массовые, актуальные, самые увлекательные передачи... И перестраивать поворотом ручки телевизора зритель решает дилемму, непрочь «вырубая» местный экран.

Как же обрести здесь необходимую гармонию? Каким должен быть местный экран?

Целую неделю (по вечерам) присматривался я к телевизору, включал 10-й канал, по которому вместе с передачами из Москвы (вторая программа столицы) шла горьковская программа. Хотелось почувствовать ее своеобразие. Но, наверное, мне не везло. Горьковские передачи просто терялись в московском эфире (а ведь на другом канале в те же часы работала и первая программа ЦТ). Горький отрабатывал в этот большой телевизионный вечер областными новостями, детскими передачами, короткими телеконцертами и примерно таким репертуаром: «Новое оборудование для производства мебели». «Снижение материалоемкости при производстве силикатного пустотелого кирпича»... Но ведь наступил уже вечер, люди отдыхали, и право же, хотелось обращаться в сторонку «силикатный пустотелый кирпич»...

И вдруг (это случилось в пятницу) местный телеэкран точно подменили! После **новостей** прошла **короткая производственная передача** «Творческая среда — образцовое обслуживание» — живая, насыщенная интересной информацией. Потом Горьковский тюзом был сыран веселый, динамичный **спектакль**. Потом к экрану пригласили малышей и показали им свою, местную передачу «Спокойной ночи, малыши!» с оригинальными персонажами, оформлением, ведущими. Затем начался музыкальный вечер, в нем тоже была своя изюминка: с телезрителями впервые встречался новый солист Горьковского театра оперы и балета Владимир Стеванов. Потом прошли объявления, реклама.

Я взглянул на часы. 3,5 часа проработала в эфире горьковская телестудия, показав разнообразную, увлекательную, именно местную программу. Потом я увидел еще один интересный телевизионный вечер, построенный по иному, **тематическому** принципу. Исполнилось 50 лет горьковскому радио, одному из старейших в стране, о котором еще В. И. Ленин писал нижегородцам: «Газета без бумаги и «без расстояний», которую Вы создаете, будет великим делом». И в юбилейный вечер местное телевидение рассказало об истории горьковского радио.

Два интересных вечера. Два разных принципа самой композиции телепрограммы. Какой же из них представляется более универсальным?

Да, сравнивать было бы каждый телевизионный вечер строить как своеобразную тематическую программу, в которой разные рубрики и передачи как бы фокусируются в один луч. Но тогда (прежде всего на самих телестудиях) возникнет множество опасений. А где же иные актуальные рубрики... Ведь эфирного времени всего 3—4 часа!

И тогда возникает другая крайность — попытка копировать программу ночи, ее рубрики, ритмы, насыщенность, многогранность. Попытка «объять необъятное» рождает неоправданную «многоцветность» передач, пестрость всей телепрограммы и вместе с тем унылую повторимость рубрик. Мелькают передачи. Обо всем понемногу, 15—20 минут. А ведь это неинтересно! Короткая передача — это своеобразный «анграшт», «закуска» телепрограммы, а не само ее «действие». Телезритель любит вглядеться, вжиться в передачу. Ему неуютно перескакивать с рубрики на рубрику. И возникает парадокс. При внешне разнообразном, динамичности телевизионные вечера, как семечки в подсолнухе, становятся похожими друг на друга.

Как же найти здесь **золотую середину?**

В некоторых областных студиях решают на это давно уже дан. Только ответ, на наш взгляд, неудовлетворительный. Здесь немногочисленные местные передачи носят откровенно информационный характер. Основное же время местного эфира отдано показу кинофильмов. Щедрость при этом необыкновенная! Иной раз за один вечер вам показывают две кинокартины, да еще программу мультфильмов. Только смотри! Кинорепертуар абсолютно случаен и пестр. Фильмы, не имевшие зрительского успеха, идут первым номером на голубом экране... Что ж, телезрители их смотрят: все интересное, чем вечерние совершенно пустынного кинотеатра. Но, право же, становится обидным, что целый телевизионный канал, обращенный к миллионам зрителей, сужается до кинопрокатного общества захолустного кинотеатра.

Может быть, местному телевидению вообще не под силу создавать свои собственные, большие, заметные телепередачи? Нет, это не так, разумеется! Беда в другом: к таким передачам много незаметно и неуклонно утягивается вкус. Растроченное телевизионное время размеривается по медочам, все предопределено и заранее расписано по многочисленным рубрикам. Не взято в расчет разве что одно (самая малость): будет ли интересным, зрелищным телевизионный вечер?

В областной город приехал на гастроли очень известный артист. Я пришел на его концерте и пожалел, что на прошло сюда в этот вечер телевидение. Проглядел в городские афиши за несколько месяцев — прошли интересные гастроли, спектакли столичного театра, концерты известных мастеров... И все это оказалось вне поля зрения местного телевидения!

Почему? Быть может, существовала «опасность конкуренции» телеэкрана и зрительного зала? Нет-нет. Да конкуренции было куда как далеко!.. Многие интересные гастроли проходят отлично не в переполненных залах. А как всем бы помочь такому явлению! Пригласив, скажем, народного артиста в студию. Рассказав о его творчестве. Побывав на его концерте... Став постоянным пропагандистом искусства.

Я видел, как увлеченно занимаются этим работники телестудии в Орджоникидзе. Это не только концерты, спектакли, но и беседы об эстетике и природе искусства, его понимании. Серьезный, увлекательный разговор. И, знаете, такие передачи вовсе не опустошают зрительные залы города. Происходит другое: программы самого ТВ становятся содержательнее, интереснее, зрелищнее.

Речь идет не об одной лишь сфере искусства, а об активном творческом вторжении местного ТВ в жизнь своего города, области, республики. В том же Орджоникидзе раз в месяц регулярно выходит телеэкран «Дружба». Документальные сюжеты освещены в нем особенным смыслом: это переклички братских народов Северного Кавказа. И интернациональную передачу смотрят в Осетии и Дагестане, в Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии.

В том же Орджоникидзе регулярно выходит в эфир публицистический журнал «Телеобъектив — объективнее». Факты бесхозяйственности, расточительства, неполадки в работе транспорта, борьба за чистоту города — вот темы этого сатирического тележурнала. И по его выступлениям принимаются решения, устраняющие недостатки.

Все это и есть те каждодневные рубрики местных телепередач, с которых мы начинали разговор. Передачи публицистические. Передачи, вторгающиеся в сферу производства, экономики, культуры, всей многоплановой жизни города и области. Только актуальность в их органически сочетается с телевизионной зрелищностью, увлекательностью.

Но ведь бывает нередко так, что все своеобразие голубого экрана сводится лишь к эмблеме и позывным областного телецентра да знакомым лицам дикторов, по которым, собственно, и узнаешь, что это местная программа. Жизнь города? Яркие, приметные события? Увидите ли вы все это по телевидению? Нет. Лишь кое-что проскользнет в сводке новостей. Но не станет **зрелищным центром телепрограммы.**

...В спорах о направлении местного телевидения всегда присутствует беспокойная мысль о параллельном существовании ЦТ и о магическом переключателе телевизионных каналов. Не забывать бы о другом! Многопрограммность для того и существует, чтобы предоставлять зрителям больший выбор и больший объем образной экранной информации. Не забывать бы и о том, что телезритель **всегда будет делить** свое время между разными программами и что очень многое из того, что кажется «обязательным», «необходимым» в местной программе, **уже сказано** (более широко, обстоятельно, убедительно) по ЦТ.

Между ЦТ и местным экраном не может существовать дух конкуренции. Это, кстати, и бесперспективно! ЦТ вбирает в один направленный луч многоплановую, многогранную информацию, поступающую со всего мира. Его зрелищная насыщенность во много раз интенсивнее...

Но даже солнечный спектр слагают основные и дополнительные цвета. Очевидно, нечто подобное должно рождаться и в нашем многопрограммном телевидении. Местный экран — это «дополнительный цвет». А вот каким он должен быть, чтобы, не нарушая спектра, оказаться зрелищным, ярким, необходимым?..

...Я и не обозначил адрес этого «письма на местную телестудию», потому что рассчитываю, что ответы будут разными, дополняющими друг друга.

ГОРЬКИЙ — ЧЕЛЯБИНСК — ОРДЖОНИКИДЗЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА

МИРНОЕ НЕБО — ЛЮДЯМ ЗЕМЛИ

Видные общественные деятели зарубежных стран широко комментируют речь, с которой Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев выступил на встрече с рабочими автозавода ЗИЛ.

Коммунистическая партия Советского Союза стремится углубить процесс разрядки международной напряженности, пишет чехословацкая газета «Руде право». КПСС вновь демонстрирует свою готовность способствовать торжеству принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем, проявляет действенную солидарность с борьбой народов за свободу и социальный прогресс.

Речь Л. И. Брежнева на встрече с рабочими автозавода ЗИЛ вновь ярко продемонстрировала миролюбивый характер советской внешней политики, заявил известный общественный деятель ФРГ, член директората Немецкого союза мира Й. Вебер. Основные принципы внешней политики СССР — мирное сосуществование и сотрудничество между народами — отвечают интересам не только советского народа, но и народов других стран, в том числе ФРГ. Миролюбивые силы Западной Германии поднимут и поддерживают советскую Программу мира и считают, что западные державы, в том числе ФРГ, должны внести конструктивный вклад в укрепление международного мира и безопасности.

Благодаря своей последовательности и ясности советская политика мира, основанная на ленинских принципах мирного сосуществования, получает поистине всемирное признание, сказал президент Института исследования проблем мира Венского университета, профессор Р. Вайнер. Эта политика стала важным фактором стабильности в международной жизни.

Деятельность КПСС направлена на претворение в жизнь идей мирного сосуществования и обеспечение лучшего будущего для всех людей, подчеркнул председатель Национального совета Общества англо-советской дружбы Л. Брэдшоу. Осуществление принятой XXV съездом КПСС программы дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов поможет претворить в жизнь устремления всех, кто борется за социальный прогресс.

Внешняя политика СССР базируется на таких важных принципах, как мирное сосуществование государств с различными социальными системами и твердая поддержка народов, борющихся за независимость, экономическое освобождение и прогресс, заявил генеральный секретарь Национального совета мира и солидарности Ирака А. Шерифф. Эта политика принесла свои позитивные результаты. Начался и продолжает набирать темпы процесс разрядки международной напряженности. Новые достижения Советского Союза и его Коммунистической партии окажут значительное влияние на упрочение социалистического содружества, развитие мирового освободительного движения, укрепление сил мира и прогресса, продвижение вперед разрядки напряженности и углубление социально-экономических преобразований во всем мире.

(ТАСС)

КАЛЕНДАРЬ «ЛГ»

СТОЛЕТИЕ ГЕРОИЧЕСКОГО АПРЕЛЯ

Почти пятьсот лет болгарский народ находился под игом османских поработителей. Однако эта половина тысячелетия была отмечена не только страданиями, но и борьбой болгар, и верой их в будущее, ибо они знали, что далеко на севере есть великий и сильный народ, их брат по крови и духу.

Вечерами у гаснущих очагов рассказывались былины о русском брате. Из века в век утверждалась в душе болгарина светлая надежда, что придет тот день, когда русские богатыри принесут ему свободу.

И вот наступил незабываемый, героический апрель 1876 года, когда выплеснулась вулканической лавой кипящая народная энергия, когда юность болгарской нации бросила клич к борьбе за свободу и независимость.

Этих отважных юношей называют у нас «апостолами Возрождения». У них не было ни денег и настоящего оружия, у них не было известности и образования, но их порыв поднял на восстание молодых и старых, мужчин и женщин, крестьян и ремесленников, учителей и священников, бедняков и даже имущих. Было ли то опьянением свободой, как назвал позже Апрельское восстание великий болгарский поэт Иван Вазов? Так или иначе, но позунг восставших был столь ясен и неотразим, что перед ним рушились все сомнения и колебания, весь страх и эгоизм.

Нищий и бесправный, но гордый народ наш, украсив свои самодельные пушки и кремневые ружья венками из цветов, вышел на тяжкий бой с османским игом.

Недостаточно подготовленное восстание было подавлено со зверской жестокостью. Об этом узнал весь мир. Самые светлые умы России протестовали против насилия над маленьким братским народом и призывали оказать помощь болгарским братьям.

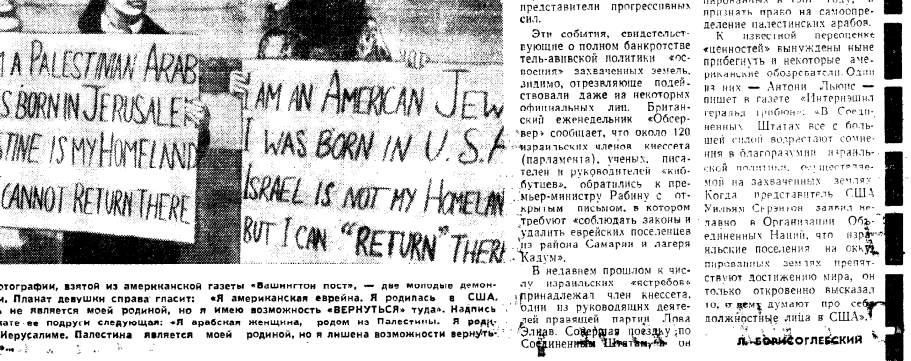
И помощь эта пришла. Ее символом стали незабываемая Шипка и другие битвы русских и болгарских войск против янычар-поработителей, ее итогом — национальное освобождение нашего народа от пятивекового ига.

Мы, граждане сегодняшней, социалистической Болгарии, видим неразрывную связь между освободительной миссией русских войск сто лет назад и победным сентябрем 1944 года, когда воины Советской Армии помогли нашей родине обрести подлинную свободу, встать на путь строительства новой, счастливой жизни.

Рангел ИГНАТОВ,
болгарский писатель
СОФИЯ

САМИ О СЕБЕ

«ВРЕМЯ НЕ НА НАШЕЙ СТОРОНЕ»,— ГОВОРЯТ В ИЗРАИЛЕ



На фотографии, взятой из американской газеты «Вашингтон пост», — две молодые демонстрантки. Планат девушки справа гласит: «Я американская еврейка. Я родилась в США. Израиль не является моей родиной, но я имею возможность «ВЕРНУТЬСЯ» туда». Надпись на плакате ее подруги следующая: «Я арабская женщина, я родилась в Иерусалиме. Палестина является моей родиной, но я лишена возможности вернуться туда».

Третий месяц продолжается, все вырастая, волнение на оккупированных Израилем арабских землях. Как отмечается в Заявлении Советского правительства, «на этих территориях проводится политика расовой дискриминации и угнетения арабского населения... Тех, кто противится жестокой оккупационной политике, подвергают арестам, высылкам и другим репрессиям».

Однако, несмотря на свирепые расправы, усиливается сопротивление оккупантам на западном берегу Иордана. Именно здесь они потерпели недавно сокрушительное поражение на муниципальных выборах — в голосовании приняло участие 72,3 процента избирателей (прежде арабы бойкотировали эти выборы) и почти всюду места в городских советах получили представители прогрессивных сил.

Эти события, свидетельствующие о полном банкротстве тель-авивской политики «расселения» захваченных земель, видимо, отрезвляюще подействовали даже на некоторых официальных лиц. Британский еженедельник «Обсервер» сообщает, что около 120 израильских членов кнессета (парламента), ученых, писателей и руководителей «кибуцев», обратились к премьер-министру Рабину с открытым письмом, в котором требуют «соблюдать законы и удалить еврейских поселенцев из района Самарии и лагеря Кадум».

В недавнем прошлом к числу израильских «ястребов» принадлежал член кнессета, один из руководящих деятелей правящей партии Лова Эллав. Совершая поездку по Соединенным Штатам, он выражал теперь свое недовольство антиконституционной политикой Тель-Авива. «Время не на нашей стороне. — утверждает он, —потому, что страна не может дольше выдерживать тяжелый груз военных приготовлений, а главное — потому, что Израиль все больше и больше оказывается изолированным. Вот те реальности, с которыми мы сталкиваемся сегодня лицом к лицу».

Л. Эллав считает, что его правительство должно отказаться от территорий, оккупированных в 1967 году, и признать право на самоопределение палестинских арабов.

К известной переоценке «ценностей» вынуждены ныне прибегнуть и некоторые американские обозреватели. Так, из них — Антони Льюис — пишет в газете «Интернешнл геральд трибюн»: «В Соединенных Штатах все с большей силой возрастают сомнения в благоразумии израильской политики, осуществляемой на захваченных землях». Когда представитель США Уильям Сервизон заявил недавно в Организации Объединенных Наций, что израильские поселения на оккупированных землях препятствуют достижению мира, он только откровенно высказал то, о чем думают про себя ведущие лица в США».

Л. БОЖИКОГЛЕВСКИЙ

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Алваро КУНЬЯЛ: МЫ ЗА ЕДИНСТВО ЛЕВЫХ СИЛ

Несмотря на то, что час был ранний, в ЦК Компартии Португалии уже работали. Впрочем, быть может, точнее сказать — «еще работали».

Ночью товарищи в «Аванте» сделали мне бесценный подарок: подшивку номеров газеты со времени подполья и альбом рисунков А. Куньяла — достать этот альбом в магазинах португальской столицы невозможно. Это и понятно — имя художника, его талант, его судьба сделали этот альбом библиографической редкостью.

И вот сейчас, встретившись в ЦК с товарищем Куньялом, я еще раз подивился его разносторонней деятельности. Бистательный писатель, художник, литературный критик, журналист, он чуть снисходительно рассмеялся, когда я начал восторженно говорить о его живописи, искренне восхищаясь с своеобразием стиля и мощью образов. Главная тема живописи Куньяла — человек и надежда: человек и отчаяние; человек и братство; человек и борьба.

— Это отдых, — Куньял передает мне свои картины, подписанные им. — Я сделал сотни таких рисунков в тюрьме. Днем я мало бы работать, да света не было: мой одиночка с «вентилятором» на окошке. Ночью фашисты включали яркую лампу над койкой — вот тогда-то я и отдыхал: рисовал то, чем жил и о чем мечтал. Живопись была моим отдыхом в тюрьме, — повторяет Куньял.

— Сейчас, — продолжает он, — не время для отдыха, не время для живописи. Положение сложное. Это понимают и серьезно, ответственно думающие политики, это понимает и Движение вооруженных сил, которое так много сделало для освобождения страны от фашизма. Это движение было надежным гарантом прошедших демократических выборов. Сейчас в стране появилась арифметическая возможность для создания реального левого большинства. Мы делаем все необходимое, чтобы это арифметическое большинство стало большинством политическим. Мы — за блок коммунистов и социалистов. Руководители социалистической партии, вероятно, не могут не считаться с мнением многих рядовых членов своей партии, особенно в рабочих районах страны, которые отвергают возможность любого блока с правыми. Игнорировать мнение трудящихся — членов социалистической партии было бы недальновидным со стороны ее руководителей. Мы готовы к диалогу с социалистами. Мы не сектанты, мы не замкнутая организация, мы открыты для масс, мы готовы к любым дискуссиям. Мы отдаем себе отчет, что опыт прошедших выборов доказал: максимальных успехов левые силы добились там, где был очевиден эффект социальных перемен — не слова, а дела, не посулы, а реальные блага. Но это, как говорится, разумная на будущее, а не славословие по поводу сделанного.

Любой политический анализ Куньяла — предмет для серьезного изучения всеми политическими деятелями Португалии. Еще в 1940 году совсем молодым человеком в своей работе «Предупреждение» Куньял писал: «Единство движения не есть одинаковость всех его составных элементов. Люди, которые решаются выступать вместе, в одном бою, совершенно не обязательно должны слиться в единый конгломерат».

Это сказано не вчера и не сегодня. Но это было сказано на многие годы вперед.

...Сейчас, когда приближается дорогой всем нам праздник Победы, я показал товарищу Куньялу подшивку газету «Аванте», выпущенную в 1945 году, в момент кровопролитных боев Сопротивления против гитлеровцев. Куньял долго и внимательно рассматривает этот номер, тоненькие листочки бумаги, маленький формат — перечитывает «ленинский» «Прочти и передай товарищам».

— Да, это были трудные годы, — вспоминает А. Куньял,—но в 1943-м мы провели в Лиссабоне крупные забастовки. Это был вклад трудящихся Португалии в борьбу против коричневой тирании. Я горд — тем, что работал тогда вместе с секретарем региональной организации Компартии Лиссабона Альфредо Денишем. Он был душой нашей борьбы, истинным руководителем бастующих. Его убили фашисты. Убили, когда он выходил из квартиры, где была наша явка.

— После этой забастовки Компартия Португалии, — продолжает Куньял, — стала крупной национальной партией. В условиях глубочайшего подполья мы провели съезд. Мы решили на съезде инициативу создания «Национального движения антифашистского единства». Членами движения стали и люди, далекие от коммунизма: будущие кандидаты в президенты Нортен Матош, Руиш Гомеш: патриотически настроенные адмиралы, генералы, видные деятели науки и искусства. Мы жили нашими национальными интересами, мы жили интересами португальского народа, задавленного фашизмом. Но было бы неблагоразумно, если бы кто-нибудь стал забывать, как много помогали нашей борьбе советские люди, сражавшиеся против гитлеризма. Все годы войны, с первого дня до последнего, мы посвящали четвертую страницу нашей «Аванте» событиям на советско-германском фронте. И в горькие дни 41-го, и в грозном 42-м мы печатали эту страницу под одним и тем же лозунгом: «СССР победит». В бараках и домах рабочих были спрятаны карты Советского Союза, и каждый день тайно рабочие переставляли флажки по линии фронта: это было горьким испытанием в 1941-м; это было счастьем в 1945 году.

Товарищ Куньял снова возвращается к положению Португалии сегодня.

— Посмотрите, кстати, — советует он, — последний нелегальный номер «Аванте». Он вышел в апреле 1974 года. В передовой, на первой странице, было написано: «Оппозиция колониальной войне и режиму Салазара проникла не только во все слои общества, но и в армию. Ныне правительство уже не может рассчитывать на вооруженные силы. Во всех трех видах вооруженных сил, среди кадровых офицеров и призывников — брожение, солдаты дезертируют».

— В какой другой стране, — замечает Куньял, — было 100 тысяч дезертиров, не желавших воевать в колониях?! Через несколько дней после выхода последнего нелегального номера «Аванте» Движение вооруженных сил сбросило фашизм.

Да, анализ А. Куньяла, ЦК ПКП научен, точен, дальновиден. Именно поэтому я хочу привести последний, майский, рисующий обстановку в Португалии: если коммунисты и социалисты сформируют общий левый блок, они получат в Ассамблее республики 146 голосов из 263. Это будет надежной гарантией против реакции, это будет путь в демократию.

Юлиан СЕМЕНОВ,
спец. корр. «Литературной газеты»
ЛИССАБОН. (По телефону)

СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ

КОРОТКО ОБО ВСЕМ

За последнее время радиостанция «Немецкая волна» стала проявлять повышенный интерес к публикациям «Литературной газеты». Поскольку, согласно заверениям западногерманской прессы, одной из основных задач «Немецкой волны» является «сообщение затрещин достойной критики ФРГ», а удостоившиеся ее внимания материалы «ЛГ» именно ту же цель и преследуют, подобное начинание следовало бы только приветствовать. Если бы не упорное стремление редакторов радиостанции искажать существенную сторону фактов и дезинформировать слушателей.

О чем конкретно идет речь? В передаче от 27 апреля «Немецкая волна» категорически отвергнула обвинения «ЛГ» о причинах увольнения кёльнского журналиста П. Клейнерта (см. «ЛГ», № № 13 и 14). Напомним вкратце обстоятельства дела.

Сотрудник газеты «Кельнер штадт-анцайгер» (в дальнейшем будем обозначать ее для краткости «КША») Петер Клейнерт написал сценарии телевизионного фильма, в котором подвергался критике ряд вопросов западногерманской прессы. В качестве одного из примеров журналист назвал газету, в которой работал и которая длительное время занималась преступлениями, творившимися на заводе «Динамит Нобель АГ» в Троисдорфе, вблизи Кёльна. (В результате нарушения техники безопасности здесь отравилось полихлорвинилом и заболело 120 рабочих, а трое умерло.) Через несколько дней после дебюта фильма Клейнерт был уволен из редакции издателем Невеном Дюмоном.

«Немецкая волна», в основном со слов представителей издательства, изложила совершенно иную версию. Знакомившись с ней, мы позвонили в Кёльн и попросили Петера Клейнерта высказаться по этому поводу. Вот как выглядят утверждения радиостанции («НВ»), прокомментированные П. Клейнертом. (П. К.)

«НВ». В своем фильме Клейнерт обвинил «Кельнер штадт-анцайгер», а заодно и своих коллег, в утаивании важной информации. А ведь именно «КША» была первой западногерманской газетой, сообщившей о заболеваниях на заводе.

П. К. Это неправда. Вся западногерманская печать, которой хорошо было известно об этом скандальном деле, больше года хранила полное молчание. Первое сообщение опубликовал 10 декабря 1973 года журнал «Шпигель», а 14 декабря, по-видимому, не считая больше возможным отмалчиваться, выступила и «КША», кстати, ссылаясь при этом на статью в «Шпигеле».

«НВ». Клейнерт был недостаточно информирован. Вместо того чтобы досконально исследовать факты, он положил в основу фильма лишь сведения, полученные от коммунистической ячейки предприятия. В своем фильме он не дал слова ни пострадавшим, ни представителям завода. Не появились на экране также и коллеги Клейнерта по редакции, непосредственно занимавшиеся этим случаем.

П. К. Все это, мягко говоря, не соответствует истине. В ходе работы над фильмом мы использовали не только материалы, опубликованные в заводской газете ячейки ГКП, но и беседовали с рабочими, свидетельства которых приводятся в авторском комментарии к фильму. Эти беседы, проходившие в кабинете врача, записаны на пленку, но не могли быть включены в фильм за недостатком места. Ведь он направлен против порядков, царящих в западногерманской прессе, а не на заводе «Динамит Нобель». От имени пострадавших на экране выступает их лечащий врач Шметкамп, а не сказать, идет ли правления организации ХДС в Троисдорфе. По тем же причинам мы не дали слова и представителям предприятия. Что касается моих коллег, то они из страха потерять работу скорее всего не решились бы сказать правду. Однако в фильме выступает журналистка Урсула Юнк, которая ведала в нашей газете информацией по Зигбургскому району (куда входит Троисдорф), но в момент создания фильма уже ушла из редакции. Она полностью подтвердила выдвинутые мной обвинения и сообщила, что, по распоряжению руководства редакции, информация об отравлениях на заводе квалифицировалась как «строго секретная».

«НВ». Своим поступком Клейнерт безосновательно осорвал своих коллег и нарушил закон коллегиальности по отношению ко всей редакции газеты, что явилось одной из причин его увольнения.

П. К. Ни в одном из интервью или комментариев к фильму я не назвал ни одного из своих коллег, так как мои обвинения направлены не против них, а против издателя газеты.

«НВ». Через несколько дней после демонстрации фильма редакционный совет «КША» отнесся к рассматриваемому делу. После тщательного анализа ситуации, состоявшегося на редакторском совете, установил, что не имели места ни утаивание, ни манипулирование полученными данными.

П. К. Редакционный совет, в который входят руководящие редакторы, поддерживающие издателя газеты, вызвал сотрудников зигбургской редакции, и те на базе полученных ими сведений, которые не нашли повода для протеста против увольнения Клейнерта.

П. К. Производственный совет, так же как и редакционный совет, не счел нужным выслушать свидетелей с моей стороны. Его предвзятое ко мне отношение я объясняю тем, что в состав его входят несколько членов моей профсоюзной организации, где я слыву «левым», а у меня с ними не раз возникали разногласия по политическим вопросам. Кстати сказать, позиция производственного совета подвергалась резкой критике со стороны как отдельных членов профсоюза, так и целых коллективов. По этому поводу поступило уже немало писем и резолюций протеста, принятых на профсоюзных собраниях предприятий. Кельнская организация профсоюза работников полиграфической и бумажной промышленности, так же как и профсоюзная организация земли Северный Рейн-Вестфалия, полностью меня поддерживает и будет защищать мои интересы на суде.

«НВ». Представитель печатника завода «Динамит Нобель АГ» заявил, что предположение врачей кёльнской клиники о связи заболевания с производством полихлорвинила окончательно не доказано. Тем не менее выпуск полихлорвинила был прекращен. По сведениям представителей завода, использование полихлорвинила не представляет никакой опасности для человека.

П. К. Это абсолютно голословное утверждение. Вредность полихлорвинила для здоровья была неопровержимо установлена еще в декабре 1972 года на съезде специалистов по производственной медицине в Дортмунде. И совсем недавно вновь подтверждена на съезде врачей в Бонне. Производство полихлорвинила на заводе «Динамит Нобель» продолжается. Его намечено прекратить лишь в течение этого года.

«НВ». Представитель редакции «КША» квалифицировал как «чистую ложь» утверждение Клейнерта о заинтересованности газеты в заводе как рекламодателе: «Доля «Динамит Нобель АГ» в общих прибылях, получаемых нами от рекламных объявлений, настолько минимальна, что равна нулю».

П. К. Быть может, это и так. Однако представитель газеты едва ли возьмется утверждать, что столь же ничтожна и общая прибыль от рекламы и доля крупнейшего западногерманского концерна Флика. А ведь именно в состав этого концерна входит фирма «Динамит Нобель», о чем, по понятным причинам, предпочитают умалчивать как сам «представитель», так и Немецкая волна».

«Все утверждения радиостанции лживы от начала до конца, — заявил в заключение Петер Клейнерт. — Меня возмущает то обстоятельство, что они выслушали доводы уволившего меня издателя и главного редактора газеты, но не сочли нужным поговорить со мной. В этом я вижу очередное свидетельство тех самых манипуляций, практикуемых западногерманскими средствами массовой информации, против которых выступал я фильмом».

РАДИОСТАНЦИЯ «ЛГ»

ПЕТЕР КЛЕЙНЕРТ И «НЕМЕЦКАЯ ВОЛНА»

ПРИМЕЧАНИЕ «ЛГ». Не можем не выразить «Немецкой волне» своей признательности за предоставленную возможность лишний раз убедиться в том, что собой представляет на деле «достоверная» и «объективная» информация, сообщаемая радиостанцией.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ШТРИХ

«ПОМПЕРИПОССА В МОНИСМАНИИ»

Астрид Линдгрен, прославленная шведская писательница, чья повесть «Пеппи Длинныйчулок» и другие книги — любимое чтение детей всего мира, написала сатирический рассказ «Помперипосса в Монисмании». Герой рассказа, которому «доброе правительство» обещало взимать налоги в размере не выше чем 60 процентов заработка, получив извещение, что должен заплатить больше, чем заработал за год. Сатирический сюжет навеян самой жизнью: английская газета «Гардиан» пишет, что налоги в Швеции страшно высоки — для рядовых людей состоят от 50 процентов их доходов. Самой Линдгрен сообщили, что в нынешнем году ей придется заплатить налог, который составит 102 процента литературных гонораров писательницы.

Рассказ Астрид Линдгрен, опубликованный в стокгольмской «Экспрессен», вызвал оживленный отклик общественности и послужил поводом для обсуждения вопроса о налогах в риксдаге. Писательница утверждает, что основные тяготы налогообложения несут не те, что наживает миллионные прибыли, не те, кто зарабатывает бешеные деньги на таком грязном деле, как «порно-бизнес», а рядовые шведы. «Может быть, у богачей есть свой ангел-хранитель?» — спрашивает она.

Недавно два полицейских в штатском явились в стокгольмский Королевский драматический театр, где известный режиссер Ингмар Бергман репетировал пьесу, и под конвоем увели его на допрос в полицию. Режиссеру предъявили обвинение в том, что он будто бы утаил часть своих доходов и заплатил налог не со всей суммы.

Допрос в полиции продолжался три часа, после чего Бергман, доведя до сведения, что «Экспрессе» выяснилось, что обвинение, предъявленное ему, необоснованно.

А. БЕЛЬСКАЯ

P. S. По последним сведениям, Ингмар Бергман решил покинуть родину в знак протеста против действий налогового управления, закрыть в Швеции свою кинокомпанию и съемочный городок на острове Форё.

СООБЩАЕМ ПОДРОБНОСТИ

РАСПРАВА НА ТРАФАЛЬГАРСКОЙ ПЛОЩАДИ

Бронзовые львы на Трафальгарской площади величественны и невозмутимы. Положение обязывает: ведь постанового царя зверей не одно столетие грозно рассматривают.

Но ныне от многого приходится отвыкать. На днях, в пылу расправы, лев-исполина, олицетворяющего мощь Британии, пришлось камень... Не весьма увесистый. «Поглади же наконец! на то, что делается», — сказал, видимо, кто-то юноша, бросивший булыжник.

Возмущение юношей легко понять. Вместе с сотнями других жителей Лондона он пришел на Трафальгарскую площадь, чтобы выразить протест против митинга расистов, который должен был там состояться. А встретились свыше 800 (!) полицейских. Встретили дубинками. Несколько человек получили увечья, около тридцати были арестованы.

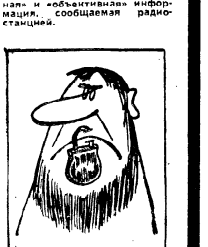
Когда расправа закончилась и площадь была очищена, на Трафальгаре появился одинокий трубач. Впервые шествовал духовой оркестр. Ведущие отдавали бодрые звуки, бравые — голоса выкрикивали: «Англия только для англичан», «Запретить вызывающие цветных!», «Избавимся от евреев». Под охраной дюжих бобби участники процессии провели митинг.

Манифестация именовалась «маршем за спасение Британии». Спасение от кого? Даже простой перечень организаторов сборища дает ясный ответ на этот вопрос: группа по борьбе с иммиграцией в Англию цветных, антисемитское движение, профашистские партии...

В тот же день по улицам Брэдфорда, города в центральной части страны, маршировали дюжие молодчики. Это были чернорубашечники из «национального фронта», ультраправые, фашистской группировки. Они несли расистские, антисемитские лозунги. Газеты писали, что такого крупного сборища неофашистов Брэдфорд еще не знал.

Тревожное совпадение! И в то же время — весьма показательное. В Англии усиливается пропаганда шовинистической идеологии. Полиция же предпочитает обрушивать дубинки на левых демонстрантов. Это, разумеется, не может не способствует борьбе с расизмом. Существенность страны требует, чтобы власти решительно пресекли деятельность шовинистов. Но бронзовые львы на Трафальгарской площади продолжают сохранять невозмутимое спокойствие...

Михаил ОЗЕРОВ



Вот как проиллюстрировала «дело Клейнерта» западногерманская газета «Ди тат».

ЧИТАТЕЛЬ РАССКАЗЫВАЕТ О ТОВАРИЩЕ

Вероятно, читатель помнит очерк А. Черешнева «В тайге и дома», напечатанный в «ЛГ», № 25, 1975 г., — он вызвал многочисленные отклики. Но еще и прежде этой публикации, отсчеки не читательские письма, связанные с моим очерком «В тайге», в рассказал о некоторых обстоятельствах жизни Александра Черешнева, его детства, о его рабочих профессиях, о труде на шахте и строительстве Нурекской ГЭС.

Сегодня «ЛГ» печатает новую работу своего постоянного читателя-корреспондента — очерк о товарище.

А. Черешнев пишет упорно и много, а печатает скупо. Печатает то, что представляется ему общественно важным, необходимым. Литературному труду отдает не дни, а ночи, часы, отнятые у сна и отдыха. Все главное время забрано работой, домом, в котором почти все, от подпола до кровли, построено собственными руками, воспитанием двух сыновей-школьников. За плечами Черешнева Нурек, Усть-Илим. А сегодня он — на одном из «дочерних» предприятий Саяно-Шушенской ГЭС, в леспромхозе, в поселке Сизая — работает диспетчером большого автохозяйства.

Мне дорого это соединение: индивидуальной судьбы А. Черешнева — она ведь повторима у каждого человека — и типических черт современника, в котором так сильно творческое начало.

А. БОРЩАГОВСКИЙ

Александр ЧЕРЕШНЕВ

ОЧЕРК

ПРОСТО ЗАВГАР...

ПЕТРОВИЧ приладил поудобнее чемодан и украдкой посмотрел на жену. Она сидела, хмуро и безучастно глядя перед собой. «С таким настроением начинать дело, — подумал он, — толку не жди». Однако и сам тут же притих.

Двадцать с лишним лет прожил он в этом поселке, строил не только его дома, гараж, но и весь уклад жизни. На скольких свадьбах гулял, скольких новорожденных напутствовал — не сосчитать... И все бросать? Лет-то уже не двадцать пять, пятый десяток идет к концу...

Пришел, получив доверенность, Вася с бензовоза:

— Ну что, Петрович, поехали?

...Перевалили через речку, и Петрович ясно, словно вчера было, вспомнил, как приехали они, первостроители леспромхоза, а вот тут, на мысу между бурливой речушкой и Енисеем, дремала горстка деревенских изб. А теперь длину поселковых улиц не уложить, пожалуй, и в десяток километров...

— Вася, а ведь я с тобой последний раз еду.

Василий растянул губы в веселой усмешке:

— Иль помирать собрался?

— Нет, Васятка, ухожу из леспромхоза.

— Смеешься, Петрович!

— Серьезно говорю.

Василий долго сопел за баранкой. Потом повернулся к супругам:

— Значит, тоже за легкой жизнью и длинным рублем?

Петрович не рассердился: молод и зелен был парень в сравнении с тем, кого осуждал.

— Эх ты... Вася!.. Не за легкой жизнью, а от слишком тяжелой. Ты вот гонишь машину, давишь на всю железку, чтоб пораньше поспеть на нефтебазу, не стоять в очереди, быстренько залиться — и назад. Часа в три уж и машину поставишь, домой дойдешь... А я! Сломалась рессора — «Петрович, дай!» Карбюратор забарахлил — «Петрович, дай!» Крутись, Петрович, доставай, «организовывай». А зарплата у Петровича в два раза меньше, чем у Василия. Так как же? Или штаны для моих парней стоят вдвое меньше, чем колготки для твоих мальцов?

— Да я что, я — ничего, — смущенно пробормотал Василий.

— «Я ничего», — передразнил Петрович, досадуя и на себя тоже: разве тут только о рубле?

КАЖДОЕ утро, едва входил в ворота гаража, обступали люди. Шофер протягивает шестерню со сломанным зубом. Дефицитную. Такую, каких нет не только на складе леспромхоза, но и в ближних автохозяйствах. А женщина с усталым лицом терпеливо ждет, пока отхлынут люди:

— Петрович, помоги. Сын запил без просыпа. Поговори, он тебя уважает, может, бросит.

И снова:

— Петрович, в бане насос сломался...

А старушечий голос в трубке:

— Петрович, я из больницы. Коровенка у меня дома третий день стоит без корма, жалко скотинку до слез! Послал бы тракториста и кого-нибудь с ним, пусть привезут с покоса хоть один стожок, а я, как выпишусь, все оплачу и квитанцию принесу. Будь добр, Петрович!

Будь добр... Это легко, если видишь не просьбу, а человека. Старуха, согнутая возрастом и болезнями, истерзанная душевной болью, страшна так, что иные бросились сторонятся. А она отдает последние силы трем малышам — детям непутевой дочки, и нет для них человека добрее и лучше. Для них и корову держит. Разве ж не разобьешься в лепешку, чтобы сегодня же сгонять трактор за сеном? А шофер со сломанной шестерней в черной от масел руке? Сказать ему: «Жди, когда привезут!» А у него семья, дети. Сын учится в техникуме, дочь выходит замуж. Ему лес надо возить, деньги зарабатывать, чтобы и сыну послать, и дочери свадьбу справить.

Идут с готовой заботой и тревог. Сделают сочувствием их, заразят своей болью, но не всегда догадаются, а то и просто забудут поделиться радостью. Не сумевшь помочь, хоть и старался,— могут и обругать, сорвать душу, оскорбить. Случалось и таков с Петровичем. Давал даже слово себе: «Не встревать в чужие дела». И... встревал.

За эту обязательность избрали его секретарем партбюро леспромхоза. Люди пошли уже «на законном основании». Служба государственная и выборная сомкнулись.

К примеру, как встречать Новый год? Как секретарь, он заботился, чтобы концерт подготовили содержательный, чтобы доклад об итогах и задачах получился интересным, чтоб не забыли отметить ни одного из тех, кто жил и работал по совести. А как заведующий гаражом, посылал машину и людей в тайгу за елками, чтобы хватило всем и чтобы елки были отличные. Отправлял автозлектрика в клуб развешивать и подключать электрогирлянды, автослесарей — туда же: мало ли дел!

Он нес ответственность за ремонт пекарни и бани, за работу котельной и обучение кочегаров, за организацию свадеб и похорон, за доставку дров и вывозку картофеля с огородов. И еще было — врачевание душевных болей.

Он совсем отбился от дома, жена в одиночку тянула все хозяйство. Сыновей видел только спящими, мир их интересов ускользал от него. Так длилось несколько лет, пока он не взмолился:

— Товарищи, освободите от секретарства! Дожился: старшего сына понесло на кривую дорожку, лечит, груб, хулиганит. Стыдно. Сердце болит, а времени нет детьми заняться. Я ведь еще и завгар, а что это за работа в наших условиях — знаете все.

Нехотя, но освободили. От должности освободили, от себя, треклятого, — нет. Как и прежде, едва входил в гараж — окружали люди, несли свои нужды, заботы, печали. Иные несли записки от директора с просьбой или распоряжением сделать коляску, отремонтировать тестомешалку, написать позуги, нарубить и отправить в комбинат машину, рододендрона розового — кустарника, который, будучи срублен ранней весной, еще голым, и поставлен в воду, пышно распускается чудесными ярко-розовыми цветами...

И ВСЕГДА был гараж, был план по вывозке леса. Была дорога — вседшаний кряст шоферов и Петровича. Она уводила от поселка в горы. Вдоль таежной речки, перекидываясь по узким мостам с берега на берег, взбиралась к подножию горного перевала и до этого места была похожа на обычное шоссе. А дальше...

Дальше по крутому склону хребта, по каменным глыбам и ямам петляло нечто, вытряхивающее душу из человека, заставляющее стонать и надрываться машину. Каждый день уходили на перевал самосвалы, засыпали самые злые ухабы. Временами, когда долго стояла сухая погода, дорога выравнивалась. А потом весенние ручьи или летние дождевые потоки смывали насыпанное, уносили в лога, и опять обнажались острые ребра горы. В межсезонье и в теплые зимние дни поле тихих снегопадов дорога покрывается голым льдом. На подъемах и спусках перевала не может устоять на ногах человек, обутый в валенки. Но лес надо везти. И машины с длинными — в 20—25 метров — возами идут...

Петрович каждое утро, выходя из дома, прежде всего смотрел на небо: какая погода? В благодатную для всех, кроме лесорубов и шоферов, погоду, когда полоскал теплый летний проливень или густо валил снег, он слушал дорогу и ночью, сквозь сон. И если долго не было гула машин, просыпался: что случилось?

Не он один слушал ночь. Утром в гараж звонил директор:

— Что-то тихо было нынче. Что там стряслось?

— У триста восьмого сломался угловой кардан. Шел с лесом. Загородил дорогу. Образовалась пробка. Простояли пять часов, пока пригнали трактор.

— Час от часу не легче! Давай, навертывай, добавляй машин.

— Добавить нечего, в гараже лишь те, что стали «глухо». Для триста восьмого отправил кардан. Последний. Не дай бог, начнут сыпаться угловые у всех подряд — это бывает, как эпидемия какая нападает, — сгорим без дыма!

— Н-да-а, «эпидемия»... Я тебе вот что скажу: пусть эпидемия, пусть камни с неба — чтоб суточный график был! Машины! Выталкивай в линию машины!

И одно остается Петровичу: обзванивать все автохозяйства в радиусе доброй сотни километров:

— Борис, выручай!.. Михаил, спасай!..

Но вот беда: нигде, кроме леспромхозов, нет автомобилей марки «МАЗ-509». Попробуй достать передний или промежуточный кардан, корпус или шестерни раздаточной коробки! Нет их на «МАЗах» других моделей. Задний кардан хоть и есть, но длина не та. Вертись, Петрович! Отрезай и привариваяй! Лепи и добивайся прочной сварки, хотя и нет у тебя в гараже электродов нужного качества.

Будь добр?.. Будь двужилен!

На улице давно уже сумерки, добрые люди отдыхают, а он все еще рыскт по гаражу, припадая на больные ноги, простуженные в молодости на лесосплаве.

И все-таки хоть и с трудом, иногда на пределе, а план они выполняли! Лишь в особо трудные месяцы, когда жестокая «эпидемия» совпадала с выдающейся по размерам и продолжительности непогодой, да к этому прибавлялось крайнее неудобство погрузочных площадок, которые лепились на покатых террасах горных ручьев и речек, случались срывы с вывозкой леса. Директор в эти дни висел над душой:

— Петрович, давай машины.

Оставалось одно: идти в бокс к шоферам, которые заканчивали ремонт. Напяливать на лицо бодренькую улыбку:

— Ну, как тут у вас, орелики-соколики?

Трое чумазых соколиков — экипаж лесовоза — целят нерешительно:

— Да вот...

— Чья очередь?

— Ну — моя, — нехотя молвит один. — Утром поеду.

— Митя, батенька ты мой, не утром — сейчас!

— Имей совесть, Петрович! Мы сегодня свое отработали. Сам же видишь, сколько сделали. Как залезли в семь утра под машину, так и не вылезали.

— Митя, дорогой! Ты же — старый кадр! Ну правильно ты говоришь, все правильно, а как-нибудь, Митя?

— Как-нибудь... — ворчит митя, трогая замасленной рукой седую щетину на щеках. — Побриться не дадите...

..Не успевает стихнуть шум «вытолкнутой» Митиной машины — телефон:

— Ну, выгнал что-нибудь?

— В линию вышла одна машина. Стали еще две.

— Та-ак... Ты думаешь, это пройдет тебе даром?..

Вот тебе и награда, Петрович! За все сразу.

ОН ЕХАЛ не «на авось». Сестра-горожанка давно уже настойчиво убеждала оставить леспромхоз. Он ехал теперь к ней и знал, что есть договоренность о работе для него.

Его привели в гараж ствционарной геологоразведочной экспедиции. Он ходил по мастерским, жадно и восхищенно смотрел на мощный электрический молот, на токарные, фрезерные и строгальные станки, на шлифовальный, на котором как раз — словно дразнили — шлифовали коленчатый вал «МАЗа». В складе не мог оторвать взгляда от стеллажей с запасными частями и инструментом.

— Де-а, работать можно!

— Хоть завтра выходите механиком по ремонту. Пока. Дальше будет ендно.

Сразу давали квартиру — трехкомнатную, с газом, горячей и холодной водой, с центральным отоплением. Когда назвали сумму зарплаты, он едва поверил: почти вдвое больше его леспромхозовской! И это — механику? Над которым не виснет план по вывозке леса?

Затем повели в ремонтные боксы, и те совсем доконали его: чистые, теплые, светлые, вмещают половину наличного парка машин. Он шел из бокса в бокс уже по-хозяйски, примеряясь. Единственное, что смущало: ни одной знакомой души. И вдруг в одном из боксов услышал:

— Евгений Петрович!! Здравствуйте!

К нему, улыбаясь и вытирая тряпкой руки, шел незнакомый человек.

— Не узнаете?

— Погодите-погодите... А-а! Прошлой зимой были у нас, хотели поступить шофером лесовоза? Так?

— Так! Спасибо вам — не поступил!

Петрович вспомнил, как пришел к нему этот человек, внушительный, полный достоинства, добротно и со вкусом одетый, окинул зорким взглядом сумрачный кабинет — пропахший соляром и бензином, с полуосями и шестернями в углах, со старой крышкой от горловины бензобака на обшарпанном письменном столе (вместо пепельницы) — и спросил:

— Вам шоферы нужны?

— Во! — рубанул себя Петрович ладонью по горлу. — Какой класс?

— Первый...

— Где работал?

— Последние десять лет в Братске.

— Гм-гм...

— Вот документы. Все в порядке.

— Не надо, не доставай. Верю, что в порядке. Только вот что, батенька ты мой... Посижу-ка я тебя на лесовоз пассажиром. Прочатиться по нашей дороженке, посмотришь, какова она, потолкуешь по-свойски с шофером. Съездишь, а уж потом, если захочешь, напишешь заявление.

...И вот он, «съездивший», улыбается Петровичу в городе:

— А вы как здесь?

— Да вот, батенька ты мой, хожу, приглядываюсь... Механиком сюда предлагают.

— Значит, тоже решили уйти из той конторы? И правильно сделали. Там только тем работать, кого больше никуда не берут.

— Ну-у, это уж совсем не в ту степь! — обиделся Петрович. — Каждый, конечно, имеет право выбирать себе место по душе, но зачем же людей-то хаять? Шофера-то помнишь, с которым ездил в тайгу? По-моему, Гаврил Бордин был. Или Николай Спирин? Да все равно! Что тот, что другой — оба шоферы первоклассные. И не только по удостоверению. Удостоверение — это еще не все, иной и с удостоверением, а по нашим дорогам — кишка тонка! Наши на любой дороге, в любых условиях смогут работать, а вот из этого гаража взять — у половины на нашу дорогу духа не хватит. И примут наших шоферов в любом месте за милую душу!

— Так что же вы-то от таких героев бежите?

— Я! Я двадцать лет там проработал, про меня никто не посмеет сказать, что кишка тонка! И... еще неизвестно, бегу ли я!

Последние слова вырвались неожиданно для него самого.

ВЕСЬ остаток этого дня он был молчалив и невесел. Чтобы избежать расспросов сестры, так желавшей перемен в его жизни, долго бродил по городу. А вечером в ответ на сестринское: «Ну как?» — сказал:

— Все здесь хорошо. Завидно. И все — чужое. Смотрел и думал: нам бы этот гараж, в леспромхоз! А самому идти сюда — не могу. Понимаю, что сплошная выгода, а не могу. Такое чувство...

Вся его жизнь в леспромхозе, все двадцать лет предстали перед ним совсем в ином свете, чем видел их в последние дни, чем думал о них в кабине бензовоза, когда ехал сюда, обиженный и усталый. Тяготы, дрязги, недоразумения — все, что еще утром казалось непереносимо тяжким, оскорбительным, вдруг предстало не самым существенным, не самым главным в содержании его жизни. А если не принимать эти обиды слишком близко к сердцу? Относиться к дрязгам свысока? Директор шумит, ярится в трудные дни — пусть себе. На уважении людей к Петровичу директорские грозы не сказываются. Да и то: разве директору он служит? Не слишком ли много будет чести? И не слишком ли жирно — уступить другим свое участие в переменах к лучшему?

— ...Да, — сказал Петрович жене, — видно, поздно нам переживать жизнь!.. Зарплата? С октября и у нас увеличат. Может, и поменьше, чем здесь, да всех денег все равно не захватишь. Удобства? Это еще подумать надо, где удобней.

— Здесь вода хорошая воняет, а у нас колонка во дворе — вода чистая — не напьешься. Речка рядом: полощись, сколько хочешь, — живо подхватила жена.

ВСЕ ТАК ЖЕ рыскал он по гаражу, и вслед за ним порхал вопрос: «Петровича не видел?» Как и раньше, по нескольку раз в день неважен в гараж директор, требовал «выгнать» в линию еще лесовозов, иногда шумел. Но Петрович после всего пережитого и передуманного относился к этим грозам много спокойнее.

Осенью тоже же года профсоюзная конференция избрала его председателем рабочего комитета.

— Братцы! Я же и так — вот, по горло! — взывал он.

— А тебе не все равно? Председатель ты — не председатель, все равно к тебе со всеми болячками. Будь уж лучше «облеченным полномочиями».

— Э-э, не скажите! То хоть в пристяжке, а то — в коренники. Разница. И вообще бы кого-нибудь, кто поменьше нагружен.

— А зачем грузить на того, кто не везет? Нет уж, Петрович, будь добр...

Через год его избрали на новый срок.

В канун Дня печати Центральный Комитет нашей партии принял постановление «О дальнейшем совершенствовании работы с письмами трудящихся в свете решений XXV съезда КПСС». Постановление указывает на важное общественно-политическое значение писем трудящихся «как одной из форм связи партии с массами, отражающих «огромный энтузиазм миллионов трудящихся, биение пульса великой, могущественной державы, строящей коммунизм» [Л. И. Брежнев]».

Большая роль в работе с письмами принадлежит печати. «Редакциям центральных и местных газет и журналов, телевидения и радиовещания, — говорится в постановлении, — регулярно публиковать письма трудящихся, сообщения о принятых по ним мерах, активнее использовать результаты анализа редакционной почты в целях подготовки и обнародования материалов на злободневные темы, шире освещать вопросы организации работы с письмами и устными заявлениями граждан, предавать гласности факты бюрократизма и волокиты в разрешении справедливых жалоб трудящихся».

Сегодня, в День печати, мы отводим страницы 10—13 теме «Читатель и газета».

Время от времени в редакционной почте встречаются письма, авторы которых интересуются результатами тех или иных критических выступлений газеты. Редакция «ЛГ» систематически печатает официальные сообщения о мерах, принятых в ответ на ее публикации. Сегодня мы помещаем краткий сводный обзор действенности наших выступлений за последнее время.

СТАТЬЯ НАПЕЧАТАНА — ЧТО СДЕЛАНО?

«В ОТЧЕТНЫЙ период,— сказал на XXV съезде партии Леонид Ильич Брежнев, — большое место в деятельности Центрального Комитета заняли вопросы повышения идейного уровня, координации и оперативности работы **средств массовой информации и пропаганды.** В результате еще более возросло их воздействие на развитие экономики, науки и культуры, на всю общественную жизнь».

О воздействии печати на общественную жизнь говорят, в частности, официальные ответы, получаемые редакциями от партийных, советских, хозяйственных и других организаций. В них сообщается о тех или иных мерах, принимаемых после выступлений прессы, и прежде всего, конечно, после критических выступлений. Умение прислушиваться к критике, делать из нее правильные выводы — признак идейной и нравственной зрелости руководителя, неотъемлемая черта ленинского стиля работы.

138 ответов на опубликованные и 2568 — на неопубликованные, направленные для принятия мер материалы получила только за минувший год «Литературная газета». Соответственно 47 и 1046 ответов получено редакцией за четыре месяца нынешнего года.

О действенности печатного слова («Газета выступила — что сделано?») в известной мере рассчитает краткий обзор ответов на выступления «ЛГ» в последнее время.

***

Выступление писателя А. Злобина «Сколько весит тонна?..» (№ 15, 1975), продолжающее цикл «Современные сказки», было посвящено порочному планированию продукции по весу, когда в погоне за тоннажем предприятия увеличивают материалоемкость изделий, расточительно расходуют металл.

«ЛГ» получила ответ из Министерства тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения СССР. Минтяжмаш предложил отказаться от показателя веса и планировать продукцию в натуральных единицах — штуках, комплектах и в их стоимостной цене — рублях. В Совете Министров СССР проведено совещание, на котором были одобрены предложения и разработки Минтяжмаша. Сейчас идет практическая подготовка к планированию и учету продукции этой отрасли не по весу, а в штуках. На новую систему министерство, как нам сообщили, перейдет в 1977 году.

***

«Куда девать избыток?» (№ 26, 1975) — эта статья нашего собственного корреспондента Г. Маларчука рассказывала о недостатках в работе пищевой и перерабатывающей промышленности. Урожай, собранный на полях Молдавии, реализовался не полностью: фрукты и овощи портились и погибали. Заместитель председателя Госплана СССР товарищ Н. Мартоворцев в письме в «Литературную газету» сообщил, что Госплан совместно с Минпищепромом СССР и Госпланом Молдавской ССР рассмотрели вопросы, поставленные в статье. Для того чтобы вовремя и качественно перерабатывать овощи и фрукты, выращиваемые в республике, в 1976—1980 годах предусматривается усилить производственные мощности перерабатывающих предприятий, в основном за счет расширения и технического перевооружения действующих заводов. Кроме того, намечены мероприятия, которые обеспечат значительный рост поставок свежих овощей и плодов в промышленные центры страны. Недавно мы получили дополнительные сведения из Госплана СССР: в нынешней пятилетке в предприятия «Мелдплодоовощпрома» предполагается вложить на 21 миллион рублей больше, чем в прошлой.

***

«Кубатурные» деревья» — так называлась статья (№ 21, 1975), в которой наш читатель — оператор полуавтоматической линии разделки хлыстов К. Лаврентьев рассказал о фактах нерационального использования лесосырьевых ресурсов Карелии. Бюро Мурманского райкома партии обсудило статью, признало ее объективной и актуальной. На бюро были приглашены директор Суккозерского леспромхоза, секретарь парткома и руководители других предприятий района. Им было указано на необходимость строго выполнять решение о комплексном использовании древесины. Бюро райкома партии постановило войти с предложением в производственное объединение «Карелеспром» и КарНИИЛП — на примере опытно-показательного леспромхоза дать предприятиям научно обоснованные предложения по заготовке, погрузке, транспортировке и переработке лесосечных отходов. Как недавно нам сообщили из Мурманского райкома партии, КарНИИЛП такие предложения уже разработал.

***

Статья Р. Бахтамова «Процесс о браке, или удивительная и поучительная история овальной кастрюли» (№ 32, 1975) исследовала причины низкого качества изделий легкой промышленности и другой продукции, критиковала ряд предприятий, в частности мебельные фабрики Курганской области.

Заместитель министра легкой промышленности СССР П. Максимов в ответе редакции сообщил: министерство считает целесообразным определять величину фондов экономического стимулирования предприятий и производственных объединений в зависимости от удельного веса выпуска готовой продукции с государственным Знаком качества. Госплан СССР рассмотрел эти предложения. Минлегпром вместе с другими заинтересованными министерствами и ведомствами под руководством Госстандарта СССР разработал также программу комплексной стандартизации производства всех изделий легкой промышленности. В апреле на совместном заседании коллегий Министерства СССР и Госстандарта СССР эта программа была утверждена. Статья Р. Бахтамова обсуждалась на совете директоров предприятий Курганской области, и были намечены меры по дальнейшему улучшению качества выпускаемой мебели. А прокурор области сообщил, что за нарушение законов на Курганской и Курганмышской мебельных фабриках шесть человек привлечены к дисциплинарной, а десять — к материальной ответственности.

***

На состоявшемся в начале 1976 года съезде Компартии Туркменистана первый секретарь ЦК тов. М. Г. Гапуров в отчетном докладе отметил большое значение выступления в «ЛГ» народной писательницы республики Тоушан Эсенова о борьбе с пьянством и другими пережитками прошлого («Ненавистный калым» и «Всем миром»). Статья «Ненавистный калым» обсуждалась на заседании бюро ЦК КП Туркменистана с участием секретарей обкомов партии, руководителей педагогических учреждений, творческих союзов, органов печати, телевидения, радио. Было принято специальное постановление бюро ЦК КПТ; повсеместно были проведены сельские сходы, собрания, направленные на борьбу с пережитками прошлого.

***

Статья Е. Богата «Письмо министру» (№ 14, 1975) была посвящена факту расправы за критику в средней школе № 1 города Сарапула Удмуртской АССР. За обращение к министру просвещения республики с письмом, в котором рассказывалось о недостатках учебно-воспитательной работы в школе № 1, преподаватель В. Захаров был уволен, а вокруг учительницы В. Русиновой, которая на педсовете выступила в его поддержку, была создана нетерпимая обстановка. Министр просвещения Удмуртской АССР А. Тубылов сообщил редакции, что факты зажима критики в сарапульской школе № 1 подтвердились и виновные наказаны. Иначе отреагировал на статью коллегия школы, приславшей обширное «опровержение». В нем вновь порочились учителя, посмевшие вынести «сор из избы». Газета выступила вторично, со статьей «Опровержение и наказание» (№ 30, 1975). После этой публикации в республике были приняты серьезные меры по оздоровлению обстановки как в сарапульской школе, так и в ряде других. Статьи «Письмо министру» и «Опровержение и наказание» обсуждались на бюро обкома и Сарапульского горкома КПСС, Президиуме Совета Министров и коллегии Министерства просвещения Удмуртской АССР, на собраниях актива учителей республики и города Сарапула. Все виновные в зажиме критики были строго наказаны. Директор школы № 1 от работы освобожден. Доброе имя В. Захарова и В. Русиновой защищено, и они работают в нормальной обстановке.

***

В очерке Б. Плеханова «Центральный нападающий» (№ 52, 1974) рассказывалось о том, как футбольные меценаты города Алма-Аты пытались увести от ответственности игрока команды «Кайрат» Атантаева, повинного в совершении тяжкого преступления. В связи с выступлением «Литературной газеты» первый заместитель Генерального прокурора СССР П. Маляров опротестовал приговор, считая необходимым проведение дополнительного расследования для привлечения к ответственности всех участников хулиганской драки. Протест был удовлетворен. При повторном рассмотрении дела Атантаев осужден. Приказом председателя Комитета по физкультуре и спорту Казахской ССР А. Акпаева наложены строгие взыскания на покровителей хулигана. Был

ЧИТАТЕЛЬ И ГАЗЕТА

Фото А. ХРУПОВА

также получен ответ из Алма-Атинского обкома партии: наказаны в партийном и административном порядке работники милиции, прокуратуры и суда, которые не сумели противостоять протекционизму и нарушили закон.

***

В январе 1975 года была опубликована статья А. Рубинова «Валюта на складе» — о неудовлетворительном использовании импортного торгового и бытового оборудования. Редакция получила официальный ответ заместителя министра торговли СССР В. Бычкова и ряда ведомств бытового обслуживания. Была создана специальная комиссия, виновные наказаны, установка оборудования взята под особый контроль.

***

Большой резонанс вызвала статья В. Травинского «Пожар» (№ 6, 1975). Публицистка полностью поддержали первый заместитель министра внутренних дел СССР В. Пантутин, секретарь ВЦСПС И. Владыченко, заместитель председателя Госстроя СССР Н. Качалов, председатель Госгортехнадзора Л. Мельников, заместитель председателя Госкомитета Совета Министров СССР по науке и технике С. Тихомиров. В итоге намечен целый комплекс мер по укреплению пожарной охраны в стране.

***

Отделу социально-бытовых проблем «ЛГ» удалось в ряде городов «пустить» ночные автобусы. Поначалу эту идею, высказанную читателями на голосе «Если бы директором был я...», начисто отвергли руководители транспортных служб, в частности заместитель министра автомобильного транспорта РСФСР. Газета возвращалась к вопросу трижды. И, наконец, получила сообщение: министр автомобильного транспорта РСФСР Е. Трубицын пересмотрел позицию своего заместителя. Министерство дало указание транспортным управлениям совместно с местными Советами изучить потребность населения городов в ночном движении автобусов и там, где это требуется, пустить их. Вскоре первые ночные автобусы пошли по улицам Владивостока.

Иначе отнеслись к предложению на Украине: там его поддержали сразу же, и вскоре ночной автобус появился в десятках городов республики.

***

В 1974—1975 годах на страницах «ЛГ» была проведена дискуссия, начало которой положила статья Г. Силиной «Англия? Франсе? Дойч?». По итогам дискуссии принят ряд мер по усовершенствованию обучения иностранному языку, в частности по линии Министерства высшего и среднего специального образования СССР. Заинтересованность общественности в этом вопросе нашла отражение в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», где была подчеркнута, в частности, необходимость активнее внедрять технические средства и новые методы обучения при изучении иностранных языков.

***

Редакция «ЛГ» получает официальные ответы не только на свои критические выступления. Организации и ведомства нередко сообщают о конкретных мерах по распространению положительного опыта, о котором рассказала газета. Вот один из примеров.

11 июня минувшего года была опубликована подборка материалов под заголовком «Кодекс петровцев» — о большой работе, проведенной администрацией и партийной организацией на металлургическом заводе имени Петровского (Днепропетровск) по созданию наиболее благоприятного нравственно - психологического климата в коллективе. Белорусские газеты «Советская Белоруссия», «Звязда», «Сельская газета» со ссылкой на «ЛГ» опубликовали подробные сообщения о «Своде социальных норм коллектива завода». На некоторых предприятиях республики этот «Свод» уже принят. Письма на завод и в редакцию приходят по сей день. Около 120 городов Советского Союза, указывая на публикацию в «ЛГ», просят петровцев поделиться опытом.

***

Конечно, не по всем критическим, постановочным выступлениям газеты принимаются незамедлительные эффективные меры. В одних случаях это объясняется медлительностью тех, кто должен реагировать, а то и нежеланием прислушиваться к критическим выступлениям печати. С этим газета ведет решительную борьбу — нередко на своих же страницах. Но характер, быстрота резонанса порой зависят и от природы самих публикуемых материалов. Бывает, что проблема сложна, требует длительного изучения, разработки специальных, конструктивных мер. Есть и так называемые «вечные темы», относящиеся к сложным сферам духовной жизни людей. Главный эффект обсуждений, дискуссий такого рода — утверждение передовых — с точки зрения интересов общества — взглядов на ту или иную проблему. Но уж там, где общественное мнение сложилось и выявилось, где требуется именно решение,—там газета стремится быть настойчивой, непримиримой в борьбе за действенность своих выступлений.

***

Об одной нерешенной проблеме, к которой проявили активный интерес читатели, рассказывается сегодня на 12-й странице в рубрике «Так почему же растет «дефицит»?».

ЧИТАТЕЛЬ СТАВИТ ПРОБЛЕМУ

И ПО СОВЕСТИ, И ПО ЗАКОНУ

УЧИТЕЛЬНИЦА О. В. КУТЕПОВА: «СОЛДАТСКИЕ ВДОВЫ... ИХ ДЕЛА ВОШЛИ В ИСТОРИЮ КОЛХОЗОВ»

КАЖДЫЙ раз, когда читаю письмо, присланное в газету, мне хочется посмотреть на человека, который его написал, узнать, что двигало его помыслами, и вообще какой он, таинственный незнакомец. Уже много лет езжу в поисках этих людей, вхожу в незнакомые дома и говорю:

— Здравствуйте, я из редакции. Мы получили ваше письмо.

Встречают по-разному. Смущаются. Воспринимают как должное. Негодуют. В зависимости от того, кто и зачем написал. И возникает взаимное доверие, или, наоборот, сразу же пробегает холодок, или рождается откровенная антипатия.

На этот раз все было просто, без особых неожиданностей. Вначале, приехав в Орел, я разыскала на одной из окраин улицу Антонова. На ней живет женщина, но не та, что написала в редакцию, а та, о которой написали. Так что мое появление — как снег на голову. Ни мать — Мария Федоровна Тихонова, ни дочь ее Тамара, сборщица часового завода, в редакцию не обращались.

— Господи! — всплеснула руками старая женщина. — Кто же это вспомнил-то обо мне?

Села на диван и — прослезилась.

— Учительница Кутепова о вас помнит.

— Ольга Васильевна? Да ведь мы с ней уж несколько лет не виделись. А добра она мне много сделала. Все мои дети у нее учились...

Потом я пошла по районным организациям.

— Опять эта Кутепова, — поморщился товарищ, к которому я обратилась.—Все никак не уймется. Пишет и пишет. Много времени у этих пенсионеров... То клуб им там нужен — а откуда его взять? То целый трактат сочинила: почему пустуют наши села...

И мне захотелось как можно скорее попасть в совхоз «Покровский», в дальнее его отделение, деревеньку Альяново, где жила учительница, вызывающая столь разное к себе отношение.

Дорогой перечитывала письмо:

«Размышляя над материалами сводки, в которых все пронизано заботой о людях, о дальнейшем подъеме их благосостояния, невольно отмечаешь о поколении женщин, уже близких к последней черте. Это солдатские вдовы, вырастившие солдатских сирот, но многа на сумевшие обогреть и сохранить свой трудовой стаж... Это мои знакомые, ровесницы и женщины постарше, чем я. Вот, например, Мария Федоровна Тихонова... Правда, ей еще повезло, о ней заботятся дети. Но обида на то, что ее труд не учтен, будто бы и не было, не покидает старую, больную женщину. Таких солдатских вдов немного, но они есть. Думая об их судьбе, не могу признать справедливым положение, по которому они лишены пенсии. Ведь почти все эти женщины покинули насиженные места лишь по крайней нужде...»

Такой больной наш нерв задевала О. В. Кутепова.

Живет она в маленькой школьной пристройке. Захлопотала, засуетилась:

— Как же мне вас рассадить! Тут, знаете, это довольно сложно.

Нас было четверо — действительно, разместились с трудом. Печь, стол и книги, много книг. Учительница оказалась умным, интересным собеседником.

— Живу в Альянове четверть века. Все с людьми, среди людей. Наблюдаю, размышляю. Иногда пишу в газеты. Давний селькор. Хочется быть полезной в меру сил своих.

И клуб здесь, в этом маленьком отделении совхоза, нужен («приходится сейчас довольствоваться встречами и разговорами у колодца»), и важно выяснить, отчего же все еще пустеют эти села, а сейчас вот судьба солдатских вдов ее волнует. И ни разу — о себе, для себя. А поводов и для этого достаточно. Одинокая женщина. Ольга Васильевна была эти четверть века не только и не просто учительницей, но и другом, помощником деревенских своих земляков. Она принадлежит к тому прекрасному поколению истинно народной интеллигенции, которое считает своим долгом до конца дней быть просветителем, защитником человека. Вот откуда и эта ее тревога о солдатской вдове.

Вот почему я подробно остановилась на личности автора письма.

НА ПОРОГЕ деревни Альяново, через овражек — Стародубцево, родная деревня Тихоновых. Впрочем, название «деревня» теперь — чисто условное. В каждой остались всего по пять-шесть домов.

А когда-то было по пятьдесят и более. А когда-то, еще до войны, председательствовал в стародубцевском колхозе (там был целый самостоятельный колхоз) Стефан Мефодиевич Тихонов, муж Марии Федоровны. Но для нее, председательской жены, никаких поблажек от этого не было. Работала, как все деревенские бабы, — «куда бригадир пошлет». Трудилась в колхозе с самого его основания, с тридцать первого года. Вся ее жизнь связана с небогатыми этими местами — извечно заведенный круг устоявшегося крестьянского быта. Весной, когда солнце прогревало землю и от нее шел густой, изумительно пахнущий предвестие грядущего урожая, хлебный пар, бросали в пашню семена. Тогда, до войны, все больше на лошадях управлялись. Тракторы были в новинку. Летом — страда. Тут уж только поворачивайся. Косить хлеб, вязать их в снопы, свозить в скирды на тока. Да успеть до дождей, до ненастья. Весь цикл уборочной кампании, как тогда говорили, был совсем иным, чем сейчас. Другими производительными силами располагала в те времена деревня. Все давалось труднее. Больше расходовали люди сил, и при этом значительно меньше были их заработки.

Места тут и вправду небогатые, бедненькие. Овраги да буераки. С теми малочисленными средствами привести их в надлежащий вид не было никакой возможности. Вот только теперь появились сады.

— Раньше-то и не было такого в заведении, чтоб сады сажать,—рассказывала мне Мария Федоровна.— Работали понемножку кое-где, так, для тени. Да и те в войну на дрова поспилили...

В войну мужчины сразу же ушли на фронт. Остались на хозяйстве единственными кормильцами семей женщины. У Марии Федоровны на руках трое, самому старшему — 8 лет. И вся довоенная жизнь с ее не бог весть каким достатком и радостями казалась ей теперь такой счастливой...». Эти многострадальные женщины давали Родине хлеб в тяжкое время. Его, как великую драгоценность, делили в городах по граммам. А позже назвали хлебом войны...

И, может быть, в этой обыкновенности Тихоновой и есть особая убедительность. Это уже типаж определенного периода, сильный и яркий. И не надо особых, каких-то сверхвыдающихся фактов, чтобы доказать: ей было тяжело. Всем было тогда трудно, а вдове солдата — во сто крат трудней. Одна мысль, что к другим вернулись, пусть покалеченные, пусть инвалиды, и у них впереди жизнь, а твоя осталась за тем, довоенным пределом, — эта мысль не давала расправить плечи, вздохнуть свободнее.

Прошло время. Новые дела и заботы все дальше оттесняют те годы. Но нет, не отпускает наши сердца война. Поворачивается перед нами разными своими гранями, порой самыми неожиданными. Вот и сейчас...

Мария Федоровна Тихонова отработала в своем колхозе целых двадцать семь лет. Да каких лет! Самых тяжелых в истории села. Но уехала в город, к дочери, не достигнув пенсионного возраста. И по существующему положению пенсии ей не полагается. Вот если бы она оформила инвалидность — а она и тогда уже была больна от нелегкой работы — или дождалась, пока колхозы в округе реорганизуются в совхозы, да поработала бы в нем немного...

А она не дождалась — хату ремонтировать некому. Не ходила, не обивала пороги учреждений, справок не собирала. И вот — результат: не получает старая женщина ни копейки на собственные нужды. Дочь кормит, содержит, хотя и в ее семье больного достатка нет. Да не в этом дело. О. В. Кутепова права: действительно, обидно Марии Федоровне, что по достоинству не оценен весь ее огромный и героический труд — не побоимся столь громкого слова.

ПЕНСИОННОЕ обеспечение колхозников в стране началось с 1965 года. Государство вместе с колхозами взяло на себя огромную статью расхода. Был сделан большой шаг по пути истинной заботы о благосостоянии крестьян, честно потрудившихся на своем веку. При подготовке нового закона сразу же встала проблема с бывшими колхозниками. С теми, кто, немало проработав в своих хозяйствах, вскоре покинул их. Покинул по разным причинам и мотивам. Кто, как Мария Федоровна, уже не чувствуя в себе более сил существовать самостоятельно, стал надиждением вырастших детей, нянькой при внуках. Кто устраивался в городах, поселках, на новостройках, считая для себя удобнее такой образ жизни. Миграция деревенского населения в пятидесятые годы была огромной — об этом написаны целые тома ученых трудов. И объяснялась она рядом социальных, экономических причин, связанных в первую очередь с той же войной, ее последствиями.

Уезжали, не думая ни о каких пенсиях. А тут закон вышел. 58-й пункт «Положения о порядке назначения и выплаты пенсий членам колхозов» гласит:

«Члены колхоза, фактически выбывшие из колхоза (за исключением лиц, которые вступили в колхозы в первые годы коллективизации, по вследствие старости или инвалидности прекратили работу в колхозе), не назначению пенсии не представляются».

Стало быть, по закону оставаться Тихоновой без пенсии. Но законы пишут и составляют люди. Можно предсказать, сколько сложностей стояло перед теми, кто разрабатывал первое в история страны положение о пенсиях для колхозников. Оно, наверное, и не могло предусмотреть все без исключения варианты. Естественно, что с течением времени начинают проявляться великие предвиденные и непредвиденные вещи. Кто первым столкнется с такими? Конечно же, работники социального обеспечения. К ним идут люди со своими заботами и печалями. Они накапливают из этих встреч какую-то объективную информацию. И вот им бы, кажется, в первую очередь проявлять тревогу по поводу несовершенств в принятых положениях. Но нет, не сотрудники собеса написали нам о солдатских вдовах, а сельская учительница. Разве те-то не знают об этом?

— Знаем, приходят к нам часто с такими историями, — сказала мне начальник пенсионного сектора отдела социального обеспечения Орловского облисполкома Татьяна Павловна Лицентова,— но я разъясняю вам, как обстоит дело с бывшими колхозниками.

И зачитала тот же самый, уже хорошо известный нам 58-й пункт. Я попыталась выяснить, какие еще могут быть возможности. Тихонова — жена бывшего председателя колхоза, погибшего фронтовика.

На лице Татьяны Павловны появилось отчужденное, очевидно, уже чисто профессиональное выражение, и она перебила меня:

— Я еще раз разъясняю вам положение с бывшими членами колхоза...

СЪЕЗД нашей партии записал в своих решениях:

«Повысить минимальные размеры пенсий рабочим, служащим и колхозникам.

Предусмотреть дальнейшее сближение социального обеспечения колхозного крестьянства, рабочих и служащих. Установить пенсии для бывших членов колхозов, имеющих необходимый стаж работы в колхозах и на государственных предприятиях, в организациях и учреждениях. Ввести надбавки к пенсиям инвалидам I группы из числа колхозников на уход за ними».

Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы уже размышляет над реализацией этого решения. Очень своевременно! Пора такая настала. Но судьбу солдатских вдов, думается, надо рассмотреть и решить особо. Конечно, кто-то из них попадет на этом этапе в благоприятную для себя полосу. Но не все. О. В. Кутепова рассказала нам об одной жизни. А письма в редакцию сообщают о разных других, в чем-то, главном, похожих меж собой, но в чем-то и различных. У одной женщины, например, не хватает одного года до полного стажа, и ей, 69-летнему инвалиду, работники собеса совершенно серьезно предлагают оставить в городе семью, которая за ней ухаживает, снова поселиться в колхозе и отработать недостающий год. Ну, не абсурд ли?

Наше законодательство гуманно по природе своей. Поэтому такое вот исключение — солдатская вдова — оно должно записать, зафиксировать в определенном параграфе, сделать его нормой.

...К 30-летию Победы над фашистской Германией получили пенсионное обеспечение все матери, потерявшие на войне детей. Конечно, матери и жены — разные возрастные категории. Но и вдовы имеют право на заботу о них. Особенно теперь, на закате их жизни.

Великая труженица, вдова погибшего солдата заслужила и материальное обеспечение, и всякую иную заботу. Всем, что у нас есть, чем пользуемся, владеем, обязаны мы и им, женщинам той военной поры. Таким терпимым, таким скромным и великим в этом терпении и скромности своей. Они даже и потребовать лишний раз не могут, не умеют. За них, как правило, хлопочут другие.

О. В. Кутепова так заканчивает свое письмо:

«Их дела вошли в историю колхозов, и они не должны быть забытыми. Немного их уже осталось, солдатских вдов, недолго их век. Надо что-то сделать, пока не поздно».

Непременно надо. И по совести, и по закону.

К. КОЖЕВНИКОВА,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Орловская область — МОСКВА

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ЖИВОЕ СЛОВО ВОЙНЫ

Однажды, спустя много лет после войны, в почти разрушенном доте я нашел истлевшую парусиновую сумку от противогаза. В ней — пилотка, алюминиевая ложка и стопка слипшихся листочков. Я увез их домой, разделил, высушил.

«Почистил автомат, — писал неизвестный боец. — Утром в бой. Может, это мое последнее письмо. За Родину не страшно». На другом листе: «Сегодня прорывались и опять хоронили наших. Никогда не думал, что можно так сильно ненавидеть врагов... По-прежнему не в силах привыкнуть к смерти ребят. Немцы опять все жгут. Пахнет горью...»

Тогда я только начинал собирать письма фронтовиков. Завязывал переписку с боевыми товарищами, запрашивал архивы, ездил и искал сам.

Из Крыма одна мать прислала мне клочки бумаги — записки ее дочери, военной медсестры, которая попала в фашистский застенок — симферопольскую тюрьму — и погибла.

Гвардии лейтенант В. М. Панфилов, сейчас доцент Астраханского политехнического института, пишет, как они с товарищами отстояли от пожара дом Кутузова в Бунцлау. Капитан М. Б. Сербич, преподаватель техникума в Новочеркасске, вспоминает, как спасали памятник Тарасу Шевченко под Каневом. А разве не тронут сердце такие слова погибшего под Прохоровкой минометчика Опарина: «Извини, мамочка, что строки выходят полукругом — пишу на каске. Поднятую целину» прочитал перед боем. Отпишу Сереже за нас «спасибо». Ее читала вся наша рота...»

Сейчас у меня больше трех тысяч писем фронтовиков.

Но я обращаюсь в «Литературную газету» не для того, чтобы похвастаться своей коллекцией. Письма с фронта — это живое слово войны, ценнейшие, уникальные документы эпохи. Они нужны людям и сейчас, чтобы глубже понять нашу историю, характер нашего народа.

Я запрашивал семьдесят архивов страны, и почти отовсюду мне ответили, что не располагают пока возможностью заняться вплотную поисками фронтовых писем, выделить их в особый фонд. Но ведь это — пока не располагают возможностью — каждый день обращается невосполнимыми утратами. Пройдет время, возможность появится, да собирать-то будет нечего.

Многое из того, чем не занимаются архивы и музеи, с успехом делают ребятишки—красные следопыты. Но понятно, что родственники не вернувшихся с фронта не торопятся расстаться с дорогими реликвиями, отдать их в чужие руки, да еще мальчишкам и девчонкам. А ребята не могут снять копию с письма, не знают правил хранения и консервации документов.

Хотелось бы, чтобы газета обсудила этот вопрос на своих страницах. Мое предложение — нужно вменить в обязанность государственным архивам, краеведческим музеям, возможно, и большим библиотекам поиск и хранение писем военных лет.

Б. ЧЕЛЫШЕВ,
кандидат филологических наук, участник Великой Отечественной войны

КИШИНЕВ

СНАЙПЕР ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ

В «Литературной газете» (№ 32, 1975) были опубликованы отрывки из фронтовых блокнотов писателя В. П. Ставского «Люди, люди-то какие!». В них, в частности, рассказывалось о встрече писателя со снайпером Раисой Романовной Скрынниковой. Надеемся, что вам интересно узнать о ее дальнейшей судьбе.

Воевала Раиса Романовна хорошо — на ее счету восемнадцать уничтоженных фашистов. Через месяц после фронтовой встречи с В. П. Ставским она была тяжело ранена в обе ноги и эвакуирована в красноярский госпиталь. В апреле 1944-го после длительного лечения возвратилась домой в Харьков. Поступила в юридическую школу, окончила ее в 1946 году. Работала в судебных органах и заочно училась в Харьковском юридическом институте.

С 1953 года Раиса Романовна работает у нас — в Харьковском физико-техническом институте АН УССР. Простая и отзывчивая, Раиса Романовна снискала почет и уважение в коллективе. Ее отличают высокий профессионализм, принципиальность и ответственность за порученное дело.

За трудовые успехи и большую общественную работу Р. Р. Скрынникова не раз отмечалась благодарностями, награждалась грамотами, а в последнем году девятой пятилетки имя ее занесено в Книгу почета института.

Посылаем вам фотографии Раисы Романовны. На первой, относящейся к 1943 году, Р. Р. Скрынникова (слева) с боевой подругой; вторая — сделана в феврале 1976 года.

П. ЧИЖОВ,
заместитель секретаря парткома Физико-технического института АН УССР

ХАРЬКОВ

«Меня съели. Не сняли, не прогнали, не уволили... Просто съели. Тихо, ловко и виртуально... так начинался очерк А. Борина «Болото» («ЛГ», № 32, 1975). Герой очерка, Борис Андреевич, став заведующим отделом одного НИИ, решил прежде всего выяснить, «кто чего стоит», на своем ли месте сидит каждый из его сотрудников. На совещании, при всех, он потребовал от заведующего лабораторией, своего товарища, объяснить, почему тот «недовел листаж чертежей». Другому работнику он «открывает и подробно растолковал в глаза, отчего тот не годится на должность заведующего лабораторией... «С утра до вечера, — рассказывает герой очерка, — я себе твердил: я же за это дело и за этих людей ОТВЕЧАЮ. Мне казалось, вот оно, волшебное слово, перед которым распахнутся все «сезамы». Однако в результате недовольные сплотились против Бориса Андреевича, и ему пришлось уйти. «Меня съело болото, — резюмирует он свой рассказ. — Оно было стоячее, я бросил в него камень».

Очерк А. Борина вызвал большую читательскую почту. Авторы писем близко к сердцу принимают поднятые в нем проблемы, высказывают самые разные, подчас диаметрально противоположные точки зрения.

Сегодня мы публикуем выдержки из некоторых читательских писем, которые по просьбе «ЛГ» комментирует действительный член Академии педагогических наук СССР, доктор психологических наук А. В. Петровский.

УЧЕНЫЙ КОММЕНТИРУЕТ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

«ПРИ НАЛИЧИИ ОТСУТСТВИЯ...»

А. ПЕТРОВСКИЙ,
действительный член Академии педагогических наук СССР

Прав ли Борис Андреевич?

«Смрадное «болото» лежит в собственной душине героя очерка. Неужели читатели поймут его монолог за чистую монету и поверят подлецу и мерзавцу только потому, что изложение ведется с его позиций? Это было бы ужасно!» (Л. Хаес и Ю. Малаховский, Кемерово). «Считаю, что в главном Борис Андреевич поступил совершенно правильно, начав выяснять «кто чего стоит». Этого страшно не любят «болотные люди». Одно замечание: ему следовало внимательнее присмотреться к членам своего коллектива и попытаться найти здесь союзников. Только в них, в союзниках, — его сила и непобедимость». (Н. Григорьев, Московская обл.) «Нельзя быть простаком. Может, Борис Андреевич и прав по существу, но он не рожден быть руководителем и организатором. В наше время — эпоха настоящих специалистов. Коллектив людей обладает специфической психологией, весьма отличной от психологии каждого отдельного его члена. Необходимо всегда чувствовать пульс этого очень сложного, живого организма» (Ю. Кириллов). «У Бориса Андреевича есть еще одно «отягчающее обстоятельство» — он вышел из этого же коллектива, он — не «варяг». Внешний друг-приятель, а сегодня начальник. Как-то он произвел впечатление герой очерка другом прав, то после некоторых размышлений возникает немало сомнений. Герои самомнения, пренебрегает мнением и поддержкой коллектива» (Г. Каплан, учитель).

Итак, кто же прав? Борис Андреевич, взявшийся выяснять, «кто чего стоит»? Или его сотрудники, ополчившиеся против слишком прямолинейных, резких и, даже всего, волевых действий своего бывшего товарища?

Помните старую притчу? К деревенскому мудрецу пришел крестьянин и пожаловался: «Сосед взял у меня взаймы деньги и не отдает. Раз взял — должен отдать! Прав я или нет?» Мудрец подумал и сказал: «Ты прав». На другой день пришел сосед за советом: «Я, конечно, взял деньги. Но я беден, заимодавец может потерпеть, он богаче меня. Прав ли я?» Опять мудрец задумался и изрек: «Ты прав, иди с миром!» Слышавшая все это жена мудреца не выдержала и упрекнула мужа в беспринципности. Мудрец задумался и сказал: «И ты права!»...

Мудрец был и в самом деле излишне снисходителен. И все-таки ситуация, описанная в очерке «Болото», позволяет, сохраняя полную принципиальность, согласиться и с правотой Бориса Андреевича, и с правотой его сотрудников.

Однако в том ли здесь дело, кто и в чем прав? Узнай мы несколько больше подробностей об этой истории, и наши справедливые претензии к Борису Андреевичу (слишком прямолинеен, неискусен, резок и т. д.), может быть, возрастут еще больше или, наоборот, уменьшатся. Ну и что? Не о том речь...

Автор очерка выделил и обрисовал реально существующий в некоторых научных коллективах феномен деловых и межличностных отношений: **болото, заболачивание.** Вот что в первую очередь — а не личные достоинства или недостатки Бориса Андреевича и его сотрудников — порождает как благоденствие подчиненных, которым уже не страшен требовательный и принципиальный начальник, так и административный азарт руководителя, который постепенно отвыкает различать правого и виноватого, если не складывается, плохо идет дело.

О болоте и должна, очевидно, идти речь.

Удобно ли спать на бильярдном столе?

«Итак, в очерке А. Борина рассказано о том, как люди, не желающие работать, «съели» человека, соблюдающего интересы дела. Они оказались сильней его, их бойцовские качества — выше. Почему? Да потому, что они прекрасно овладели искусством создавать видимость работы, искусством «кантоваться». А создающий видимость работы нередко оказывается намного сильнее того, кто работает на самом деле. В-вторых уязвим, у него есть ошибки и недостатки. А первый защищен надежной бронёй бездельи и показухи» (Г. Петров, Ленинград). «Нормирование труда в производстве — вопрос более или менее отработанный. А как правильно нормировать труд в науке — никто еще толком не знает. Кто скажет: сколько времени ученый должен глядеть в потолок продуктивно, решая свою задачу, а сколько — впустую?» (М. Мажлин, Москва).

Помню одну сотрудницу НИИ, которая каждый день в 14.00 уходила «на эксперимент» и к концу рабочего дня возвращалась, весьма удовлетворенная своими научными успехами. Так продолжалось до тех пор, пока эта женщина забыла однажды запереть за собой дверь... в клубную комнату. И тогда выяснилась сущность этого «эксперимента». Изобретательная дама ежедневно после обеда располагалась вздремнуть на зеленом сукне большого бильярдного стола.

Какой же сделать отсюда вывод? Укрепить развветвленную сеть табельных досок, журналов уходов и приходов?

Увы, не выход. Во всяком случае, не единственный. Я знал одного физика-теоретика, у которого, помнится, не было в лаборатории даже своего письменного стола. Основные научные проблемы ученый решал... гуляя в подмосковном лесу. Но это был один из самых результативных сотрудников института. Конечно, вряд ли такой фаст может оправдать другие «прогулки» в рабочее время других «теоретиков»...

Стало быть, человек, умеющий работать в науке, занимающий здесь свое, а не чужое место, обычно не нуждается в жестких дисциплинарных рамках. Дисциплина его естественна, органична и, как правило, не требует особых вмешательств извне. Скорее — разумной организации и регламентации труда. Контроль, конечно, необходим, но это должен быть прежде всего содержательный анализ не только конечного результата, но и самого процесса научной работы, ее основных этапов.

Иначе все попытки заставить работать «от звонка до звонка» человека, чуждого науке, не имеющего к ней ни склонностей, ни способностей, лишь порождают обычно искаженные, подчас виртуозные способы изобразить занятость, создать ее видимость.

Сколько порой отдается этому ума, энергии, изворотливости, если хотите, выдумки и таланта!

Пусть простят меня за парадокс, но боюсь, что уволить хорошего работника, имеющего неоспоримые научные заслуги и высокие личные качества, иной раз куда легче, чем заведомого лодыря и нерадивого. Во всяком случае, мой опыт рассмотрения жалоб на непрохождение по конкурсу, увольнение и т. п. познакомил меня с целой вереницей прежде тихих, спокойных людей, которые вдруг развертывали такую кипучую деятельность, обнаруживали такую деловую сметку и бурный темперамент, что провяли они нечто подобное в своей научной работе, и не конфликтное дело пришлось бы нам разбирать, а выдвижение их на Государственную премию.

О различных способах изображать видимость научной деятельности можно было бы писать отдельную статью.

Вот, например, один из них.

Представьте себе производственное предприятие, которое планировало бы освоение новой продукции... уже освоенной пять лет тому назад. Невозможно? Не допустят ни заказчик, ни министерство? Конечно. А в НИИ, увы, возможно. Один опытный научный деятель, помню, получил недавнего эмэнэса: «В плане у тебя должна стоять уже выполненная работа. Понимаешь? Тогда ты будешь иметь свободу рук. Надо идти впереди плана». Если следовать этому — а некоторые следуют, — то написанные загодя три-четыре печатных листа превращаются в обеспечение долгой спокойной жизни. Конечно, если речь идет о талантливом, высокопродуктивном работнике, то, планируя его исследования, стоит сознательно развязать ему руки для свободного, не обремененного мелочной опекой научного поиска. Но только — не вопреки плану и не помимо плана.

Однажды я приехал в один областной город уточнить координационные планы. Смотрю, заведующий кафедрой И. планирует на пятилетку тему, которая значится у него в загланьи только что защищенной, но еще не утвержденной ВАК диссертации. Спрашиваю: «Если вы планируете эту тему на новый срок, то, видимо, признаете, что диссертация ваша оказалась несостоятельной?» Легко понять затруднительность положения. И если учесть, что я был тогда председателем экспертной комиссии ВАК по этой специальности...

«При наличии отсутствия...» — любил говорить «кустарь с мотором» Виктор Михайлович Полесов из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова. Творческое, интеллектуальное «отсутствие» научного сотрудника, даже если он восемь часов в день физически аккуратно выстаивает в рабочем кресле, — вот, мне кажется, главная питательная среда любого научного болота. Такой человек будет всегда изображать активную деятельность, громче всех выступать на собраниях, пылко ратовать «за» или бороться «против», выдавать на гора пухлые, иллограммовые отчеты, но в глубине-то души он убежден: «Все это никому не нужно». Он уверен: раз он сам притворяется, то и все другие притворяются тоже. Он не сомневается: таковы «правила игры».

И горе деятельному, способному работнику, попадающему в топь такого болота. На службу приходит он с энтузиазмом, но домой возвращается с головной болью от окружающего его безделья, измученный скукой и пассивностью своих «болотных» коллег.

Убыток от пропущенных по болезни рабочих дней и часов статистика еще может подсчитать. Но кто, скажите, измерит урон от «духовной» неявки людей на работу, от присутствия на службе телом и отсутствия умом, душой?

Как сотворить «кадавра»

«Что создает «болото»? Прежде всего невмешательство порядочных людей, почему-то считающих «неприличным» «скандалить» и возмущаться бездельем и тунеядством в своем коллективе. Болото часто умеет подзуживать таких порядочных людей на выступления против «жестокости начальства», «слишком тяжелых норм» и т. д. Тем самым «болото» прекрасно паразитирует, загребая жар чужими руками» (Н. Сергов, Москва). «Ладить» — это часто означает уступать наглецам, бездельникам и прочим «активистам болота». А нормой для таких «активистов» становится не работа, а «умение создавать себе условия», «поставить себя»... Кто в этом виноват? А мы сами — виноваты» (М. Зеленко, Киев).

Итак, откуда рекрутируют болото своих бойцов, верных своих оруженосцев?

Вот что по этому поводу рассказал мне один немолодой профессор-зоолог.

— Знаете, что такое «кадавр»? Это созданное волшебством существо, которое имеет все признаки живого человека, но на самом деле мертвец, нежить. «Калиостро» Алексея Толстого, помните? Так вот, однажды я побывал в роли графа Феникса и тоже сотворил кадавра... Он появился у меня лет десять назад — небольшой, умеренно толстый человек. Представился бывшим моим студентом, ныне работающим не по специальности, в отделе нежилых (вот она где начинается, мистика!) помещений горсовета. Сказал, что хочет без отрыва от производства трудиться над диссертацией под моим руководством. Я отказался и отказывался потом еще три года. Но он был настойчив и регулярно появлялся в моем кабинете, всегда с пятью красными гвоздиками и неизбывным интересом к городской фауне. Постепенно я сдался и дал ему тему. Вскоре выяснилось, что он забыл все или почти все из университетского курса. Пришлось помочь ему восстановить в памяти хотя бы самое важнейшее. Потом стало ясно, что в работе над диссертацией он столкнется по крайней мере с двумя трудностями: во-первых, он не знает, а тем писать и, во-вторых, как писать. Здесь уже пришлось лихо. Первую главу мы написали фактически вместе у меня на даче (он мастер заваривать кофе, пьем сосновых шишек, в том числе, комодов, а на машинке стучит быстрее, чем любая наша лаборантка). Над остальными главами колдовали сотрудники сектора, которых я попросил помочь бедняге.

Настал день защиты. Меня, между прочим, поразило, как много он отвечал на весьма заковыристые вопросы и какой при этом блеснул эрудицией. На послезащитном банкете, правда, выяснилось, что эти вопросы всем миром загодя сочинили в секторе, а ответы на них, с присущим ему блеском, написал Лев Григорьевич — мой заместитель, за что, кстати, и получил от меня изрядный нагоняй, несколько смягченный коньяком «Наири».

Через неделю новоиспеченный кандидат пришел ко мне и сообщил, что ушел из жилуправления. Вот тут-то в его облике впервые мелькнуло нечто инфернальное, и в моем кабинете явственно потянуло ледяной сыростью погреба... Я назвал несколько учреждений, близких по профилю к нашему институту. Он их быстро отверг (это я потом проверил), имел беседы с руководителями лабораторий, видимо, им не приглянулся и вновь предстал передо мною. На другой день я собрал у себя весь состав сектора и поставил вопрос ребром: брать или не брать? Молчали долго. Потом Лев Григорьевич сказал: «Ну что ж? Мы его породили. Мы его и... возьмем!» Кто-то в углу пискнул: «Но он же ничего не знает и не умеет». Мой заместитель иронически сощурился: «Как так не знает, не умеет? Он диссертацию защитил». Раздался недружный смех. Взяли.

Я опускаю два первых года его жизни в секторе. Входил в работу, сидел в библиотеке. Между прочим, был избран в местный комитет. Первое столкновение произошло, когда ему была выделена самостоятельная тема. Через несколько месяцев он зашел ко мне и сказал, что нам надо обратить внимание на задачу сплочения коллектива. Я был удивлен вдвойне. Во-первых, тем, что он обратился ко мне по собственной инициативе. Такого давно уже не наблюдалось, верой, с нашего с ним сидения на даче. Во-вторых, потому, что я был высокого мнения о нашем коллективе. «В чем дело?» — спросил я. Выяснилось, что в коллективе, по его мнению, отсутствует взаимопомощь. «Конкретно!» — «Конкретно? Лев Григорьевич не хочет отвечать на элементарные вопросы сотрудников». — «Кого именно?» — «На мои вопросы». Пригласил Льва Григорьевича. Тот взбесился: «Да, не стану я его работу делать. Этого он от меня добивается. Элементарные вопросы! Начать за него и кончить! Вот что ему надо!» Когда Лев Григорьевич вышел, мой посетитель некоторое время сидел спокойно, потом поднялся и, уже повернувшись к двери, повторил: «А над сплочением коллектива все-таки надо задуматься. Не то нам это подснажут». И он оттопырил большой палец вверх и куда-то вбок. Кадавр начал жить самостоятельной жизнью.

— Что же с ним делать?

— У Алексея Толстого все решилось просто. Поднес герой канделябр к занавеске и спалил свою комнату вместе с дьявольским наваждением. Мы же так не могли. Пожарная охрана не позволила б...

— Жаловались?

— Да на кого жаловаться? На самих себя? Удалось провалить его на конкурсе, и то не без труда — сброс сочувствующими. Вот еду завтра в министерство, по его жалобе.

— Боитесь, что не отобьется?

— Да нет... К нам ему уже хода нет. Но ведь будет эта нежить, сотворенная с моей легкой руки, бродить между живыми людьми и мешать делу... Мне отмщение, и аз воздам.

Профессор вздохнул...

Надо ли объяснять, чем руководствовались в этой достойные люди, создавая «кадавра»? Наверное, тут была не одна, а несколько самых разных взаимосвязанных причин... Сперва обычная мягкотелость, примиренчество, беспринципность. Потом самооправдание: «Шеф же хочет ему помочь, шефу зачем-то это надо...» Потом втянулись, даже какое-то увлечение появилось из ничего создать нечто.

И все-таки главная, думаю, причина — безнравственность. Ибо какими бы «добрыми» ни были побуждения у создателей «кадавра», приносить в жертву свою науку, дело, которым занимаешься, безнравственно.

А потому, сталкиваясь с болотом, разъедающим тот или иной научный коллектив, всегда хочется задать один вопрос: чье же равнодушие, чья беспринципность и безнравственность породили с самого начала эту мертвую, опасную топь?

Первые зрители

Фото нашего читателя М. ПОЛЯКОВА

РАЗГОВОР НЕ ОКОНЧЕН!

ТАК ПОЧЕМУ ЖЕ РАСТЕТ «ДЕФЕКТУРА»?

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ И ОТВЕТЫ ДВУХ МИНИСТЕРСТВ

И З РАЗНЫХ городов страны пришли сходные горестные отклики на статью А. Рубинова «Ищу виновного» («ЛГ» от 21 января) — письма больных людей, которые жаловались на то, что в аптеках не стало «много хороших лекарств: «дефектура»!.. Газета уже писала, что аптечные работники назвали так печальный список давно освоенных средств, которые вдруг стали дефицитными. Редакция не имела возможности опубликовать эти письма — их пришло много, они продолжают поступать каждый день. И в то же время не могла не откликнуться на них. Тогда было решено выпустить бюллетень из этих писем и познакомить с ним Министерства здравоохранения СССР и Министерство медицинской промышленности СССР. В конце бюллетеня редакция поместила составленный из сообщений читателей список «дефектуры». И хотя он состоял только из тех лекарств, на отсутствие которых жаловались чаще всего, список содержал 33 названия и начинался с валидола, которому «ЛГ» довольно уделила в последнее время много места.

Недавно редакция получила ответы на министерств на бюллетень из читательских писем о лекарствах. Надо с сожалением сказать, что оба ответа вряд ли удовлетворят авторов писем.

Прочитав бюллетень о нехватке лекарств, который заканчивался обширным списком «дефектуры», заместитель министра здравоохранения СССР тов. П. Герасимов начал свой ответ с странного заявления... об успехах! увеличение поставок здравоохранению лекарственных средств, расширение их ассортимента позволили за последние годы удовлетворить спрос населения в большинстве медицинских препаратов». И далее привел обширный перечень видов препаратов, которые теперь имеются.

Более самокритичным оказался ответ заместителя министра медицинской промышленности СССР тов. Н. Шмакова, который начал с признания справедливости критики, но продолжил если не сообщением об успехах, то рассказом о том, как быстро министерство реагирует на «письма, заявления и предложения трудящихся аналогичного характера», и о том, что вопросы «дефектуры» часто обсуждаются совместно с Минздравом СССР на коллегиях и совещаниях.

Нет никакого сомнения, что оба министерства имеют успехи и что там проходит немало полезных совещаний. Речь, однако, идет о другом: почему исчезли давно освоенные, побывавшие в предшествующих победных списках лекарства? Хотя бы валидол, с которого начинается «читательская дефектура»?

Тов. П. Герасимов это лекарство почему-то не упоминает вовсе, словно бы не заметил его, хотя слово «валидол» встречается на каждой странице бюллетеня. А тов. Н. Шмаков, наоборот, начинает с него перечень достижений, говорит, что поставка валидола обеспечена полностью. Так почему же все-таки во многих городах испытывается нехватка валидола?

Как это ни парадоксально, тов. Н. Шмаков прав, но непонятно, почему он прямо не сказал того, о чем в Министерстве медицинской промышленности СССР говорят открыто. Там утверждают, что их министерство исправно делает свое дело, а вот Минздрав СССР просто не знает точно, сколько понадобится тех или иных лекарств, и на всякий случай сильно завышает поменьше. Вероятно, из осторожности, которая обеспечивает покой нескольким работникам министерства и обрекает на страдания тысячи людей.

Младшие коллеги тов. Н. Шмакова привели корреспонденту «ЛГ» весьма убедительные цифры, подтверждающие их доводы. На 1974 год Министерство здравоохранения СССР попросило изготовить 63,9 миллиона упаковок валидола, на 1975-й — на пять с лишним миллионов меньше, а на 1976-й, обнаружив провал, требует на 14 миллионов больше, чем в предыдущем году! Как иначе объяснить такие колебания в определении потребности в валидоле? Тем, что в 1975 году сердечников, дескать, стало намного меньше, а в нынешнем, наоборот, намного больше?

Не из-за той же их осторожности не хватает и норвалола, нитроглицерина, теофедрина? На перебои в этих лекарствах жалуются читатели, а в то же время в Министерстве медицинской промышленности они значатся в благополучном перечне.

Жаль, что Министерство медицинской промышленности не сказало прямо и по существу: дескать, заявки мы выполняем, но, видно, их дают нам заниженные. И ограничилось лишь тем, что пожурило «отдельные аптекоуправления», которые «не создают переходящих резервов медикаментов».

Не из-за этого ли читатели в редакции так и не дождались ясного ответа на единственный вопрос: почему же все-таки исчезли давно освоенные лекарства?

Министерство медицинской промышленности лишь намекает на то, что Минздрав дает заниженные заявки. А Минздрав СССР ссылается на отсутствие растительного сырья и делает это тоже весьма отвлеченно, а проявляет конкретность и четкость только в жалобах на ограниченность валютных средств для закупок за границей. Но лекарства из подорожника, боярышника, коры крушины и многих других, которые стоят в перечне «дефектуры», не купишь на валюту — подорожник растет у нас вдоль всех дорог, потому он и называется так. В прошлогодней статье на схожую тему «Не растет валерьяна в Австралии» уже говорилось, что дефицитного корня валерианы не купишь даже на золотые рубли в Австралии, потому что произрастает она не там, а у нас.

Соблюдая правила приличия, Минздрав СССР в своем ответе тоже не говорит, почему не достать, например, облепихового масла, но, однако, известно, что это вина «Союзлекраспрома» Министерства медицинской промышленности. А устами тов. Н. Шмакова это министерство в свою очередь говорит о важном значении «союза, которое имеет обеспечение промышленности лекарственным растительным сырьем». И называет виновных. Нет, не свое министерство — «совхозы Минсельхоза СССР и учреждения Центросоюза». А про «Союзлекраспром» не говорится, что это по его вине сорваны поставки корня валерианы, облепихового масла. Нет, рассказывается, как это на странно, об успехах — о том, что совхозы «Союзлекраспрома» увеличили сбор сырья в 1,6 раза.

В ответах обоих министерств есть то общее, что они искусно пользуются цифрами, отраженными от конкретного дела, — цифрами «вала». И Минздрав СССР в свою очередь — не без гордости сообщает: предусмотрено было увеличить выпуск продукции в 1,6 раза, а «рост производства медикаментов составил 17%».

Интересно, что бы сказали на это аптечные работники, например, Николаевской области. Мы упомянули их неспроста — потому что редакция получила от них письмо на одиннадцати страницах. Семь из них составляет машинописная на ротапринте (заказ № 216) тиражом 170 экземпляров — для аптек — «дефектура»: перечень временно недостающих в аптеках годов и области лекарств. В списке полугодовой давности — 330 названий! Приложена выписка из более свежего списка «дефектуры». В нем, конечно, валидол. И анальгин, амидопирин, пенициллин, стрептомицин, капли Зеленина, «кафефорнов кислоту, дибазол, борная кислота, нитроглицерин, папаверин, сахарин, чистотел, плоды черники, березовый гриб, лиловый цвет, льняное семя, лист крапивы, цвет бузины...

Названий очень много долго перечислять, и прежде цитирование на таких «заморских средствах», как крапива, чистотел, плоды черники, льняное семя. Немножко остановимся на них, чтобы порязмыслить о том, из-за каких пустяков порой возникает «дефектура»! Неужто нам не хватает крапивы? И пусть нам простят, что мы фельетонно воспользуемся последней строчкой перечисления («цветы бузины»), чтобы сказать, что длинные, но отвлеченные ответы обоих министерств на конкретные письма читателей о нехватке лекарств соотносятся почти так же, как в известной поговорке бузина, которая в огороде, и дядька, который в Киеве.

В ответ на письма читателей, которые справедливо сердятся, что в их городах не стало многих лекарств, оба министерства, к сожалению, не дали конкретных обещаний, когда, в какой срок будет ликвидирован дефицит исчезнувших препаратов. Минздрав СССР мельком лишь сказал, что все письма читателей «ЛГ» рассмотрены и даны указания о принятии необходимых мер по улучшению организации обеспечения населения и лечебных учреждений лекарственными средствами и недопущению (?) в отпуске(!) из аптек препаратов...».

Признаться, в редакции ничего не поняли в этой самой важной фразе. Но редакция располагает копиями некоторых официальных писем, которые получили наши читатели. В них предлагается обеспечить лекарствами того или иного беспокойного подписчика «ЛГ», решившего пожаловаться в редакцию. Но это ли решение проблемы? Как же быть с теми, кто не является нашим подписчиком? И что, интересно, ответит теперь министерство о «николаевской дефектуре» из 330 лекарств?

ОТДЕЛ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ «ЛГ»

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ ТЕМУ

ЗАСТОЛЬЕ В КАБИНЕТАХ

Праздничные вечера в учреждениях и на предприятиях можно организовать по-разному. Автор не против дружеских встреч в коллективе, но считает не лишним напомнить о людях, которые отдаются праздничному веселью без чувства меры...

ЛЮДИ на работе устают. И не только от выполнения, как говорится, своих непосредственных обязанностей, но и от формальности отношений. Люди есть люди. И не мудрено, что потребность внутренней раскованности, личных контактов с сотрудниками, теплоты и разносторонности общения требует конкретной реализации. Хочется подшутить над начальником, сплясать с суровым, вечно озабоченным главным инженером, пофлиртовать с приспособленной обычно чувством собственного достоинства секретаршей директора... А путь для этого существует один.

...И на предприятиях и в учреждениях гремят праздничные вечера.

Готовиться к ним начинают задолго до «красной даты».

Сначала выходят из состояния длительного анабиоза культактивисты цехов и отделов. Они сосредоточенно составляют длинные списки, в которых против фамилий стоят таинственные цифры 2 и 3. Затем разгорается глухая, но тем не менее очевидная борьба между мужской и женской частью коллектива по поводу распределения собранных средств на жидкую и твердую фракции. Одновременно из отделов надолго исчезают лица, имеющие отношение к редколлегии и самодеятельности: первые рисуют где-нибудь в закутке, вторые в подвале или на складе издают душераздирающие стиконы и проламывают каблуками линолеумные полы.

Возбуждение в отделах нарастает. Ведутся закулисные переговоры — когда заканчивать работу и соответствующий день, как уговорить начальство дать разрешение накрывать стол и заниматься стряпней в рабочее время. Сотрудники, не высказавшие желания участвовать в общем веселье, чувствуют себя как-то неприкаянно. То один, то другой из них, преодолев наконец-то образом домашние затруднения, примыкает к сомкнутым рядам празднично настроенных сослуживцев и спешит к добровольному казначею, на ходу вынимая из кошелька трешку.

И вот наконец-то он наступает, этот долгожданный день. С утра уже интересно. Дамы и девушки приходят в новых платьях, сногсшибательными прическами. И то, и другое внимательно изучается и придирчиво комментируется. Мужчины тоже неузнаваемы — в выходных костюмах, в ярких галстуках, помолодевшие на добрый десяток лет. Все спешат, все при деле. Одни торопятся что-то довунить в магазине, другие озабочены проблемой посуды, третьи еще раз повторяют свое выступление на концерте, и, наконец, четвертым тяжелее всего — они просто маются в ожидании. Наконец в отделах начинается долгожданная суета — сдвигаются столы, накрываются их калькой, расставляют стройными рядами разнокалиберные стулья... Женщины торжественно вдружают салаты, хитроумно сделанные бутерброды, миски с конфетами и вазы с солеными огурцами. Мужчины же привычно откупоривают бутылки, не забывая, естественно, где-нибудь в тумбе стола или за отдаленным кульманом устроить ПЗ — те самые заветные две-три бутылки, что будут, как воздух, необходимы в самый ответственный момент...

...Последний раз шелестят в зале аплодисменты торжественного заседания, и сотрудники, оживленно переговариваясь, устремляются в свои отделы.

Пройдите в ближайший час по коридорам организации — в них царит благоговейная тишина. Зато в отделах — дым коромыслом. И в каждом дым свой, на особицу... Наденем шапки-невидимки и приоткроем дверь.

В ЭТОМ отделе стол небогат — немудреные бутерброды с колбасой и сыром, огурцы и капуста... Для дам яблоки и шоколадные конфеты наначом. Здесь, судя по всему, победили мужчины — бутылки стоят мощными батареями. В углу надрывается магнитофон — бард сообщает подробности о любви пекинского капитана и девушки из Нагасаки. Здесь вряд ли услышали бы общий тост — все разбились на микрогруппки. Вон какой-то молодой инженер усердно подливает водку в рюмку своей юной соседки, не забывая при этом жаловаться на тяжелую семейную жизнь. Неподалеку двое солидных мужчин заинтересованно толкуют о гнусных интригах какого-то Ивана Петровича, то и дело разбавляя эту обиду стопками сороградусной и закусывая ее хрустким соленым огурчиком. А за кульманами, тесно прижавшись друг к другу, скрытые серыми клочьями табачного дыма, танцуют двое. Для них не существует никого и ничего.

Выйдем незамеченными и откроем соседнюю дверь. Здесь атмосфера совсем иная. Стол торжествен и нарядет. Салаты. Красиво нарезанные лимоны. Аппетитно вымащенная тарелки с горячим. Знобящий запах кипящего кофе. Лоснящиеся от масла, с хрустящей корочкой пироги. Во главе стола — начальник. Он произнес первый тост и распределяет последующие. Перед каждым сотрудником под салфетной недорогой, но милый подарок, рядом стихотворное посвящение с дружеским шаржем. Шум за столом ровен и благонравен.

Но что это? За кульманами, контрабандой, двое молодых инженеров разлили содержимое бутылки в два стакана и, закусив рукавом, удовлетворенно крякнули. А на дальнем конце стола? Что там за шум? Ничего особенного, успокойтесь, просто начался диалог в повышенных тонах...

А из радиоузла по всем динамикам гремит призывное: «Товарищи, ждем вас на концерт художественной самодеятельности! Вам предложат очень интересную программу! Товарищи! Поднимайтесь в зал!» Не раз и не два приходится повторять этот призыв, пока наконец несколько десятков человек не разместятся в первых рядах. Мужчины с расстегнутыми воротничками, в сбившихся набок галстуках, женщины тоже потеряли обычную сдержанность. Певица поет при неуважительном шуме зала, декламация молодого техника с длинными волосами прерывается странными репликами. Во время исполнения скрипичного этюда вваливается шумная, веселая компания молодежи. Концерт идет по принципу — скорей бы кончить. Он не нужен зрителям, человеко и огорчительно и самодеятельным артистам.

Зрители ждут танцев, они ждут их с нетерпением. Но зал для танцев нужно подготовить, а пока что все рассасываются по своим отделам. Достают НЗ, разливают, закусывают, как правило, случайными остатками — конфетами в лучшем случае. И тут же начинается такой обязательный ритуал, как визиты из отдела в отдел. Визитеру непременно наливают штрафную. Локальные тосты и разговоры, и снова тосты. Энтузиасты начинают непременный сбор по рублику. В поход за дополнительной дозой, как правило, снаряжают самого скромного и тихого.

А сверху уже гремят стиконы самодеятельного ансамбля «Рейсфедер» или «Веселые аборигены»... О, танцы на учрежденческих вечерах! Вы заслуживаете особого описания. Малоежи поэты в прозе. Седовласые начальники, грузные главные специалисты, начисто забыв о немалом возрасте, прыгают козликами в залихватском шейке, растрепав свои небесные шевелюры. Солидные матери семейств, вдруг почувствовав себя девчонками, улыбаются кокетливо и загадочно, и у них холодеет сердце, когда отвечают пожатьем на пожатье руки партнера.

А настоящие девчонки? Они сбились в центре галдящим табуном и, размахивая распущенными прическами, выдают нечто уж совсем несусветное...

Но в углу бдительно и неусыпно стоит кто-нибудь из руководства и напряженно ждет эксцессов.

Только сможет ли он уследить за лихим разворотом подвыпившего сотрудника, что чуть не сбивает с ног двух-трех человек разом? В его ли силах заметить, как в одном из отделов, где третий или четвертый раз по счету скидываются по рублику, вдруг — непонятно почему — резко, как хлопок проколотой автомобильной камеры, вспыхивает ссора?

Выяснение отношений... Как плачевно они иногда кончаются! И сколько их, без всяких причин — из-за косого взгляда, из-за неправильно понятого слова! И совсем уж грустное зрелище — двое сослуживцев ведут под руки еле передвигающую ноги, совершенно пьяную девчонку с заплаканными глазами...

Последний аккорд ансамбля, из гардероба взято последнее пальто, в последний раз хлопнула дверь. Все. Вечер был. Сверкали звезды.

А НАЗАВТРА? Назавтра — рабочий день, поскольку праздник в учреждении всегда опережает настоящий праздник на день два. Назавтра все ходят невыспавшиеся, угрюмые, кое-кто боятся поднять глаза. В коридорах бесконечные разговоры: та-то танцевала с тем-то, а Володька опять совершенно обалдел и крушил всех вокруг. Загланский же снова напился на дармовщину — ни разу не внес своей доли...

И рушатся репутации, блекнет уважение. И выясняется, что так и не подшутили над начальником — ушел он поздравлять в соседний отдел. И не сплясали шейк с главным инженером — успокаивали расчувствовавшуюся подругу. И не пофлиртовали с секретаршей — она незаметно исчезла сразу после концерта...

Остались только неприятная оскомина, замусоренные помещения отделов и грязная посуда.

Могут спросить: а где выход? Нет, не станут спрашивать, потому что легче ответить на вопрос: а где было иначе?

Когда мы боремся с пьянством или говорим об этой борьбе, мы всегда почему-то имеем в виду лишь личную или семейную его стороны. И совсем упускаем из виду то, что пьянство нередко начинается из лучших побуждений — не дома, не на улице: прямо на работе. Это учрежденческие праздники — общие или частные: дни рождения, юбилеи, премии.

По печальным наблюдениям органов милиции, именно в дни праздничных вечеров на заводах и в организациях резко возрастает количество уголовных дел — хулиганских проступков, драк с легким и тяжким телесным повреждением.

В эти дни и в пожарных частях повышенное состояние боевой готовности. И машины «Скорой помощи» одна за другой выезжают по адресам, где не упоминается номер квартиры.

Значит — все? Значит, вывод окончательный — запретить празднование в организациях и учреждениях?

Не торопитесь.

Ведь от потребности личностных контактов, теплоты и разносторонности общения не отмахнешься. А потребность эта диктует своеобразную, отличную от обычной, служебной, обстановку. Вечера в той, увы, традиционной форме, о которой мы столь подробно говорили, продолжируют, как правило, обычную пьянку и приводят к результатам, обратным желаемым. Но вот сравнительно недавно мне привелось быть на одном вечере...

И СЕ НАЧАЛОСЬ стихийно. Просто два института — научно-исследовательский и проектный — выполняли общую обширную тему. Комитеты комсомола этих организаций сдружились и решили просто так, для пробы провести совместный праздничный вечер. В проектном институте аховый зал был больше — он и стал основным местом действия.

Группироваться по привычке по отделам... — но куда же денутся гости? И к тому же всех захлестнули патриотизм, дух соперничества.

Короче говоря, все выглядело так. Были организованы выставка фотографий, встреча команд КВН, танцы, соревнование инструментальных ансамблей.

Важно отметить, что в конце вечера появилось множество смешанных пар, на диво быстро сплясавшихся...

Но не кажется ли вам, что я все время ухожу от одной темы? «А как же с выпивкой, — давно уже хотите спросить вы, — неужели ничего не было? Ни за что не поверим...» Успокойтесь. Была выпивка. Пили сухое вино. Шампанское. Пиво. Один зрал целиком отдан под буфет. Самодеятельный. И закуски недорогие. Ну, а водка? Откроем секрет — по буфету время от времени прогуливалось несколько крепких парней. Без повязок. Такие же гости, как все. Но три или четыре бутылки сороградусной у желающих разлить под столиком они все-таки изъяли. А в отделах? Отделы были заперты на ключ. В них не выпьешь. Так и получилось, что пригубили «для настроения», что и было необходимо. А пьяные? Пьяных не было.

Инцидент для всех? Ни в коей мере. Решение проблемы? Нет, индивидуальная удача.

Одно бесспорно: не стоит отмахиваться от вопроса о праздничных вечерах, как от ничего не значащей чепухи. Он лежит в русле нравственного воспитания человека, организации его досуга, борьбы с пьянством.

Человек значительное время своей жизни проводит на работе. С ней его связывают не только производственные, но и личностные, духовные связи. И связи эти должны быть всесторонними. Как человеку отдыхать, радоваться на праздничном вечере в своем коллективе, отдыхать и радоваться без нокаутирующего алкогольного удара, без опасности быть жалким или отвратительным, должен каждый, прежде чем нести трешку добровольному казначею.

Л. ЭФРОС

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

«ЦЕНА БУТЫЛКИ»

Исполком Ставропольского крайсовета трудящихся сообщает, что статья В. Дорофеева «Цена бутылки», опубликованная в «Литературной газете» 31 марта 1976 года, обсуждалась на расширенном заседании крайисполкома 19 апреля. Критика недостатков и нарушений правил торговли спиртными напитками и пивом в городах Ставрополе и Невинномысске признана правильной.

Краевым управлением торговли и общественного питания, крайпотребсоюзом исполкомы Ставропольского, Невинномысского и некоторых других городских и районных Советов депутатов трудящихся не навели еще должного порядка в торговле спиртными напитками, допускают их продажу на рынках, в некоторых кафе и закусочных, а также отпуск посетителям в ресторанах без ограничений.

Крайисполком обратил внимание начальников управлений торговли тов. Гольдмана, общественного питания тов. Татаренко, председателей горисполкомов Ставропольского тов. Марьяньца и Невинномысского тов. Сулимкина на неудовлетворительное выполнение ими постановлений партии и правительства, указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1972 года и решения крайисполкома от 12 июля 1972 года «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» и обязал принять необходимые меры по устранению имеющихся недостатков и нарушений правил торговли пивоводочными изделиями.

Обращено также внимание начальника управления пищевой промышленности тов. Марчукова, председателя крайпотребсоюза тов. Бутова и начальника объединения «Ставропольвино» тов. Семенухи на неудовлетворительное выполнение задания по производству сухих вин, пива, квасов, соков и других безалкогольных напитков.

Крайисполком обязал Карачаево-Черкесский облисполком, исполкомы городских и районных Советов депутатов трудящихся рассмотреть состояние торговли спиртными и безалкогольными напитками и пивом и принять меры к безусловному выполнению постановления партии и правительства по этому вопросу. Обращено внимание на повышение роли и ответственности трудовых коллективов в борьбе с пьянством, усиление профилактической и воспитательной работы, а также на активизацию работы органов внутренних дел, комиссий по борьбе с пьянством, добровольных народных дружин, советов профилактики на предприятиях, советов общественности при опорных пунктах правопорядка, органов здравоохранения, просвещения и культуры.

Статья «Цена бутылки» обсуждалась также на расширенных заседаниях коллегий управлений торговли и общественного питания, правления крайпотребсоюза, где разработаны дополнительные меры по упорядочению торговли спиртными и безалкогольными напитками, а также пивом.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 16 мая 1972 года запрещена торговля крепкими спиртными напитками на рынках, во всех столовых и буфетах, магазинах, расположенных близ промышленных предприятий и строек, больниц и санаториев, детских учреждений и школ, вокзалов, аэродромов и зрелищных предприятий.

Крайисполком принимает меры по наведению порядка в торговле крепкими спиртными напитками, по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма и безусловному выполнению в крае постановлений партии и правительства по этому вопросу.

И. ТАРАНОВ,
председатель
Ставропольского
крайисполкома

ЛЕТО-76

Утром...

Фото А. ЛИДОВА

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ВЕРНУТЬ ТУРИЗМУ РОМАНТИКУ

НЫНЕШНЕЙ весной мы справляем своеобразный юбилей: исполнилось ровно 25 лет с того момента, как наша группа отправилась в первый туристский поход. Конечно, в историческом масштабе это не очень важное событие, но для нас оно существенно, и мы решили подвести скромные итоги своей туристской биографии. И что же оказалось? Что за четверть века наш коллектив прошагал и проплыл — пешком и на веслах, на лыжах и на лыжах — около сорока тысяч километров, то есть, можно сказать, обошел вокруг земного шара! Так что кое-какой опыт мы приобрели. На его основе нам и хотелось затронуть несколько немаловажных, по нашему мнению, туристских проблем.

У туристов все начинается, как правило, с географической карты. С ее помощью моделируется в общем будущее путешествие: выбирается район, строится маршрут, составляется его географическое описание. Каждый раз масштаб карты укрупняется, изучение географии предстоящего путешествия все более конкретизируется.

Но это еще не все. Поход нужно утвердить в маршрутной комиссии спортивного общества или клуба, где работают опытные путешественники, знакомые с картографией, топографией, а главное — географией страны. Верно служат массовому туризму и сотни популярных географических схем, издаваемых Главным управлением геодезии и картографии. Вот так география служит туризму. Казалось бы, эта связь односторонняя. В действительности во все возрастающей степени проявляет себя и обратная связь — от туризма к географии. Как это происходит?

Спортивный туризм в нашей стране все больше превращается из чисто познавательного или развлекательного в научно-экспедиционный. Вот о чем говорят факты. В библиотеке Московского клуба туристов накопилось сейчас 2800 экспедиционных отчетов о самодеятельных туристских экспедициях. Причем экспедиции эти в последние годы выбрались за рамки европейской части Союза, маршруты ушли далеко — в Якутию, на Таймыр, Чукотку и Камчатку. Некоторые отчеты о путешествиях настолько фундаментальны, что напоминают докторскую диссертацию: различные справочные сведения, множество фотографий.

Можем сослаться на собственный опыт. Отчет о туристской экспедиции по Восточным Саянам, который совершила наша группа, содержит 17 глав, 324 страницы текста и около 300 фотографий. В нем очень большое количество справочных материалов. Руководителем группы был мастер спорта В. Козулицын. Всего он выполнил 150 походов и подготовил 50 фундаментальных отчетов. Подобные материалы дополняют большую географию нашей страны.

Одним из обязательных результатов наших туристских экспедиций являются публикации: заметка, статья, фотоочерк, брошюра или даже выступление по телевидению. Так, статьи о наших экспедициях публиковались в журналах «Огонек», «Смена», «Физкультура и спорт», «Советский Союз» и, конечно, в нашем родном журнале «Турист». И это тоже вклад в популяризацию географии нашей Родины.

И все же мы испытываем неудовлетворение: взаимосвязь географии и туризма не оформлена официально.

Среди комиссий Географического общества нет ни одной, которая занималась бы географическими проблемами туризма. Упрекать в этом комиссии было бы неправильно, они выполняют свои задачи. По-видимому, назрел вопрос о создании специальной комиссии — географии туризма.

Одной из задач такой комиссии могло бы стать участие в рекомендациях по управлению маршрутами туризма. Сейчас, как известно, сплошь и рядом даже ни хоть какое-нибудь общественно полезное, а еще лучше — научное задание.

Кто, как не члены Географического общества, способен стать таким общественным и научным консультантом! Кстати говоря, журнал «Турист» отсылает такие письма-просьбы именно в Географическое общество. Таким образом, вторая задача заключается в организации научной работы туристских экспедиций.

Но есть еще и третья. Как ни парадоксально, но расцвет массового туризма приводит к тому, что он все больше дифференцируется, дробится и теряет свое единственное общественно-героическое и романтическое лицо. Массовый туризм смыкается с отдыхом на лоне природы, с различными спортивными и культмассовыми мероприятиями. В итоге современный туризм не в состоянии конкурировать с яркими, необычными путешествиями Арсеньева и Пржевальского, Обручева и Семенова-Тян-Шанского, Берга и Федосеева. И уже напрашивается вопрос: неужели массовость обрекает туризм на обыденное существование? Думается, что именно Географическое общество могло бы вернуть ему героико-романтический престиж.

В кругах туристов обсуждается идея осуществить в 1977 году — в год 60-летия СССР — всесоюзную туристскую экспедицию, включающую сотни, а возможно, и тысячи туристских коллективов. Такая экспедиция могла бы выполнить очень важную задачу — отобразить в комплексном отчете одномоментную географическую картину, скажем, границы Европы — Азии, то есть всего Урала, всю его огромную протяженность. По сути дела, мы следуем здесь рекомендации А. М. Горького — фиксировать одномоментно, синхронно историческое состояние нашего общества, оставляя след для наших потомков. Такая глобальная задача не по плечу ни журналу «Турист», ни Центральному совету по туризму и экскурсиям. Только при участии Географического общества, его научном содействии ее можно выполнить.

И, наконец, последняя задача. Это организация кинофотодиапозитивного лектория, где демонстрировались бы кинофильмы и серии цветных диапозитивов об уникальных путешествиях по малоизученным географическим районам.

Нельзя не сказать еще об одной заботе спортивного туризма. Высшее звание «Мастер спорта» присваивается сейчас вне зависимости от того, ходил ли ты в новый, неосвоенный район или прошел тысячу раз хоженным маршрутом, главное — количество километров и категория сложности. Не пора ли в связи с этим наряду с высшим званием «Мастер спорта СССР» учредить еще и почетное географическое звание для туристов — первооткрывателей и исследователей малоизученных районов и маршрутов?! Таким званием могло бы быть звание «Почетный путешественник СССР».

В. ГУКОВ,
Н. ТАРАСОВ,
кандидаты в мастера спорта СССР

ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ ЛЮДЯМ, ДУМАЮЩИМ О ПРЕДСТОЯЩЕМ ОТПУСКЕ

АНКЕТА «ЛГ»

«Литературная газета» не раз обращалась к читателям с вопросами о том, как, где и когда полезнее отдыхать, какие виды туризма предпочтительнее, какого рода туристские клубы лучше всего организовать. Анкета, которую мы публикуем сегодня, позволит дополнить портрет путешественника новыми штрихами...

Ответьте, пожалуйста (пометчики мужские), на следующие вопросы, вырежьте анкету и пришлите в редакцию по адресу: Москва К-51, Цветной бульвар, 30, «Литературная газета».

1. Когда вы начали планировать предстоящий отдых? За год? За полгода? За три месяца? За месяц? Или, может быть, не планировали до самого отъезда?

2. Поедете ли вы отдыхать один (одна)? С женой (мужем)?

3. Способствует ли, по вашему мнению, укреплению семьи совместный отдых с женой (мужем)? Да, нет.

4. Интересней ли вам отдыхать

а) в местах незнакомых или

б) вы предпочитаете места обжитые?

5. Любите ли вы отправляться на отдых с друзьями?

6. Большой ли чемодан берете с собой? Или обходитесь маленьким?

7. Предпочитаете ли вы лежать на солнце? Или ради сохранения здоровья отдыхаете в тени, под тентом?

8. Если вы отдыхаете без семьи, пишете ли вы с места отдыха письма жене (мужу), не считая первого сообщения о благополучном прибытии? Да, нет.

9. Уезжая из дому, берете ли вы с собой транзисторный приемник? Да, нет.

10. Находясь на отдыхе, скоро ли вы начинаете скучать по работе и дому? Сразу же? В середине отпуска? К концу? Не скучаете!

Вальтер НОВОЙСКИ,
член президиума Союза писателей ГДР, главный редактор журнала «Нойе дойче литературе»

ЖИВАЯ СИЛА

В ЭТИ майские дни повсюду в ГДР, по традиции, подводятся итоги проделанной работы, ибо май — это месяц, когда на нашу землю пришла свобода, и потому он стал точкой отсчета для наших планов и наших свершений. Сегодня мы можем сказать, что социалистическое германское государство значительно продвинулось вперед и в развитии своей культурной, духовной жизни. Литература наша стала богаче, самобытнее, характернее, в ней прибавилось мужества, идеологической глубины и в то же время фантазии. Самые различные требования, которые предъявляются социалистическим обществом к литературе, стали удовлетворяться более дифференцированно, чем раньше.

Есть множество разнообразных свидетельств прогресса ГДР в сфере культуры. Я приведу лишь такой пример: за четыре минувших года общий тираж книг в республике вырос на 6 миллионов экземпляров, достигнув рубежа 127 миллионов. Это поистине замечательное достижение нашей небольшой страны.

Теперь перед нами — новые цели. Партия рабочего класса ознакомила всех нас с тем, что она будет обсуждать на своем IX съезде. СЕПГ вынесла предсъездовские документы на общенародную дискуссию, и это обсуждение наглядно показало то, как выросли мы за минувшие годы.

Граждане ГДР внимательно следили за работой исторического XXV съезда КПСС и с огромным интересом изучают решения, принятые форумом советских коммунистов. Эти документы близки и понятны нам, они наполняют гордостью и зовут к новым свершениям, их высокий смысл и дух окажут влияние и на решения нашего съезда, вырабатывать которые помогаем все мы. Процесс, о котором я говорю, имеет непреходящее значение, ибо является выражением интернационализма, накладывающего отпечаток на наши мысли и дела, на нашу политику, придающего нам новые силы.

Освобождение немецкого народа от фашизма, принесенное 31 год назад героической Советской Армией, заложило основу для успешного развития Германской Демократической Республики в сплоченной навеки семье братских социалистических стран. Интеграция стала фундаментом жизни наших народов и условием для их дальнейшего продвижения вперед, а постоянные встречи между гражданами наших стран — само собой разумеющимся, совершенно обычным делом. Однако то, что сейчас уже кажется обыденным, по существу является великой победой нашего времени, одним из самых значительных результатов освободительной миссии Советского Союза.

И в заключение несколько слов о долге писателя, о задачах, которые постоянно выдвигаются перед искусством и литературой в связи с этим процессом нашего сближения и взаимного обогащения. Показать человеку его роль в обществе, помочь ему понять самого себя, свою работу, свою страну в отношении к истории и к будущему его класса и всего мира — так я сформулировал бы эту нелегкую и неизменную цель настоящего художника.

БЕРЛИН

В эти дни память человечества вновь обращается к событиям, которые свершились в мае 1945 года, — к великой победе СССР и других государств антигитлеровской коалиции над германским фашизмом. Национальные праздники — Дни освобождения — отмечают 8 и 9 мая народы братских стран социализма — ГДР и ЧССР.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ. Памятник Советской Армии в Братиславе Фото М. ТРАХМАНА

Франтишек КОЛАР,
чехословацкий публицист, главный редактор журнала «Прага — Москва»

ПАМЯТЬ НАШИХ СЕРДЕЦ

В НАЧАЛЕ мая 1945 года Советская Армия провела свою последнюю крупную операцию на европейском театре сражений — знаменитый танковый бросок для оказания помощи восставшей Праге. В тот же день призывы по радио к нашей столице из Берлина устремилась ударная группа Первого Украинского фронта, которая спасла от гибели Прагу ценой огромных жертв, тем более печальных, что война уже практически кончилась и солдаты танковых армий генералов Рыбалко и Лелюшенко успели написать из Берлина домой о своем скором возвращении. Однако еще многим из них пришлось сложить голову в борьбе за освобождение нашей родины...

И сейчас, когда я пишу эти строки, я вспоминаю всех советских героев, отдавших свои жизни в боях на чехословацкой земле. Им — вечная благодарность наша, о них — вечная память в сердцах нынешнего и грядущих поколений. Охапками сирени были усыпаны советские танки и машины, входившие в освобожденные города и села Чехословакии. И радость наша сливалась с глубокой печалью о тех, кто погиб. Празднуя день Победы, заявил Президент Готвальд 9 мая 1945 года на митинге в Братиславе, мы одновременно склоняем головы перед памятью павших героев Красной Армии...

Хорошо, что современное искусство, литература, кино, театр, прежде всего в Советском Союзе, обращаются к военной теме, не только изображая картины победоносных походов, но и раскрывая тяжелые, скорбные, мучительные стороны войны. Примером может служить, скажем, документальный фильм К. Симонова «Шел солдат...», который с такой глубокой и искренней правдивостью показал нам тяготы войны, изнурительный ратный труд, бесконечные марши по бездорожью, бессонные ночи, страдания раненых, миллионы жертв. Чтобы эти жертвы никогда не были у нас забыты, «Народное издательство» в Праге выпустило альбом с фотографиями сотен памятников павшим советским героям — мемориалов, которые поставлены по всей нашей стране благодарными друзьями СССР и Советской Армии-освободительницы.

Чувства братской и искренней дружбы наших народов с большой убедительностью были еще раз продемонстрированы на недавно закончившемся XV съезде Коммунистической партии Чехословакии.

«Краеугольным камнем всей внешнеполитической деятельности КПЧ, — заявил в отчетном докладе Генеральный секретарь ЦК КПЧ Густав Гусак, — было упрочение союза, сотрудничества и дружбы с СССР и другими социалистическими странами...

Новая программа мира XXV съезда КПСС открывает и перед нами новые возможности для развития целеустремленной внешнеполитической деятельности в соответствии с потребностями, интересами и целями нашего государства. Мы всецело поддерживаем эту программу и будем способствовать ее осуществлению».

ПРАГА

РАЗРЯДКА И БОРЬБА ИДЕЙ

В. ЛАРИН

XXV СЪЕЗД КПСС уделил большое внимание идеологической борьбе в современных условиях противоборства двух социальных систем. В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева подчеркивалось, что «проблемы идеологической борьбы все более выдвигаются на первый план», указывалось на необходимость давать «своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям».

Внимание съезда к этим вопросам вытекает из процессов, которые развиваются в настоящее время на международной арене. Буржуазные пропагандисты пытаются предпринять сейчас нечто вроде глобальной атаки на Советский Союз, другие социалистические страны в сфере идеологии. Причем сама идеологическая борьба превращается для них в объект беспардонной мистификации. Утверждается, будто Запад чуть ли не готов отказаться от идеологической борьбы, а Советский Союз якобы «упирается» и ставит тем самым политику разрядки под сомнение.

Такого рода заявления глубоко расходятся с позициями многих государственных деятелей Запада, а также исследователей, которые придают самое серьезное значение роли идеологического фактора в формировании политического, в том числе внешнеполитического курса своих стран.

Именно сегодня президент США Дж. Форд пренебрежительно учитывать «существование глубоких идеологических разногласий между США и Советским Союзом». Бывший министр обороны США Дж. Шлесингер считает, что Вьетнам, по сути дела, не являлся военной проблемой: США были втянуты в войну во Вьетнаме «идеологическими принципами и политическими силами, которым не смог бы противостоять никакой президент». Бывший директор Лондонского института стратегических исследований А. Бьюкен в книге «Конец послевоенной эры» предостерегает против упрощенной трактовки тезиса о снижении роли идеологии в политическом взаимодействии государств. Он пишет, что многие недавние крупные внешнеполитические акции США были в значительной степени идеологическими.

Приведенные высказывания свидетельствуют, в частности, что идеологическая борьба отнюдь не является чем-то чуждым для западных государств, что она чуть ли не насильственно навязывается им извне, как это порой изображается. Буржуазные государства отнюдь не отбрасывают идеологических мотивировок при осуществлении тех или иных акций на международной арене.

Ныне буржуазная пропаганда всячески стремится внушить мысль о том, что мирное сосуществование государств, особенно после общеевропейского совещания в Хельсинки, должно якобы привести к затуханию идеологической борьбы. При этом наблюдается стремление как бы затушевать элементарную истину о том, что в мире классовых противоречий, противоборства двух социальных систем идеологическая борьба — явление объективное.

Примечательно, однако, что призывы к «идеологическому примирению» раздаются в обстановке, когда мощный пропагандистский аппарат капиталистических государств продолжает активно насаждать сомнительные «ценности» капиталистического мира, с одной стороны, и стремится привить искаженные представления о коммунистической идеологии, внутренней и внешней политике социалистических стран — с другой. Достаточно перелистать буржуазные газеты, познакомиться с программами ведущих радиостанций и телецентров западных государств, не говоря уж об откровенно подрывных передачах радиостанций «Свободная Европа» и «Свобода», чтобы убедиться в их крайней тенденциозности в отношении Советского Союза.

Напомним хотя бы о фальсификациях французской прессы, которые стали по-своему классическими. Журнал «Пари-матч», например, утверждал, что Советский Союз не опубликовал и никогда не осмелится опубликовать текст Заключительного акта общеевропейского совещания. Причем это писалось после того, как текст Заключительного акта уже был напечатан и широко распространен в нашей стране. Еженедельник «Канар аншенэ» поместил провокационную выдумку о том, будто Советский Союз поставляет танки «Т-34» режиму в Чили, а газета «Фигаро» — будто советским издательствам запрещено публиковать произведения Ф. М. Достоевского. Такого рода методы в идеологической борьбе используют в США, ФРГ, некоторых других странах. Выступая на XXV съезде КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул, что «значительная часть средств массовой информации в западных странах ведет дело не способствует укреплению взаимного доверия и международного сотрудничества, а, наоборот, раздувает недоверие и враждебность к социалистическим странам».

Соединенные Штаты, прибегая, в частности, к сомнительным методам дезинформации, ведут настолько интенсивную идеологическую борьбу, что им приходится принимать меры специального характера, дабы ответственные лица при разработке политики не оказались в плену собственных пропагандистских концепций. Газета «Вашингтон пост» сообщила, что в США имеется совершенно секретный координационный комитет, созданный ЦРУ совместно с государственным департаментом и Информационным агентством США. Этот комитет должен обеспечивать условия, при которых влиятельные политические деятели не принимали бы на веру преувеличенные или ложные сообщения, распространяемые тайной пропагандистской сетью специальных служб.

За многими западными концепциями, казалось бы, сугубо идеологического характера скрываются соображения иного рода.

В последнее время в буржуазной печати высказано, например, немало упреков в адрес Советского Союза и некоторых других стран в связи с тем, что они сиятельно относятся к концепциям «свободы информации». При этом позиция западных государств изображается как «бескорыстная», более того — пронизанная чуть ли не заботой о насущных интересах советского общества. Но вот мнение профессора Калифорнийского университета в Сан-Диего (США) Г. Шиллера. «Одним из главных камней преткновения при нескончаемых подготовке Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, — пишет Г. Шиллер, — был вопрос о свободном распространении информации, иначе говоря, теория, согласно которой необходимо убрать барьеры, мешающие распространению информации и идей между странами. Эта доктрина, получившая признание прежде всего в США, вот уже четверть века доминирует в любом международном обсуждении вопроса о культурном общении и связях. Ее зарождение и распространение практически совпали с коротким, но бурным периодом теперь уже подорванной гегемонии США в мире. Когда окидываешь взглядом прошлое, оказывается, что соображения отнюдь не случайное: политика свободного обмена информацией была одной из предпосылок империалистической экспансии».

Активное наступление США в области информации и культуры на другие страны вызвало активное противодействие. Г. Шиллер отмечает, что в конце шестидесятых и в начале семидесятых годов в международном сообществе произошло изменение умонастроений, что в большой мере явилось реакцией на наплыв американских пропагандистских материалов. Многие страны стали выдвигать на первый план культурный суверенитет, культурную самобытность государств.

В ноябре 1973 года в Рио-де-Жанейро состоялась международная конференция по радиовещанию. На этой конференции представитель США заявил, что ни одно правительство не имеет права подвергать цензуре прямые телевизионные передачи через спутники связи, поскольку это является «посягательством на права человека свободно получать любую информацию». Делегации других стран, в частности латиноамериканских, защищая свои национальные интересы, подошли к такого рода «свободам» иначе. Представитель Аргентины сказал, что считает подобные передачи вмешательством во внутренние дела других государств, что они наносят ущерб национальной культуре, оказывают вредное идеологическое воздействие и могут быть даже направлены против безопасности страны. В подобном же духе высказался представитель Бразилии.

Участники международного симпозиума в Тунисе «Развитие средств информации в неприсоединившихся странах» заняли негативную позицию в отношении засилья информации из западных государств, высказались за необходимость «деколонизации информации», установление полного суверенитета неприсоединившихся стран в этой области.

Сейчас складывается довольно любопытная ситуация. Определенная часть средств массовой информации Запада постоянно выступает с резкими нападками на Советский Союз, пребегая при этом порой к явной фальсификации. Но как только в Советском Союзе дают истинную оценку этим выступлениям, поднимается шум: СССР якобы возрождает «холодную войну», несовместимую с разрядкой напряженности.

В истории уже были попытки буржуазных идеологов объявлять об «отмене классовой борьбы», наступлении «общества равных возможностей и всеобщего благоденствия». Однако классовая борьба продолжалась, а социального равенства при капиталистическом строе не получилось. Так же обстоит дело и с идеологической борьбой.

Очевидно, что встречающиеся на Западе рассуждения об «идеологическом примирении» — лишь очередной трюк. Отменить идеологическую борьбу не дано никому. И уж совершенно необоснованным представляются попытки склонить Советский Союз к одностороннему «идеологическому разоружению» в условиях, когда западные страны продолжают наращивать свои усилия в этой области.

Проблема состоит в другом: на Западе ныне, в условиях разрядки, смешивают идеологическую конфронтацию с «холодной войной» в сфере идей, прибегают к методам подрывной пропаганды, «психологической войны». В то же время может быть — и это вполне реально в нынешних условиях — иной метод: открытая, честная, демократически организованная полемика, такие способы ведения идейной борьбы, которые исключали бы создание искусственной напряженности в области идеологического противоборства.

неизвестное об известном

Николай ПОРТУГАЛОВ,
соб. корр. АПН и «Литературной газеты»

ФИАСКО ГЕНЕРАЛА С МОНОКЛЕМ, ИЛИ НОВОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ ГЮНТЕРА ВАЛЬРАФА

КОНСПИРАТИВНАЯ встреча проходила в ресторане «Шиллер-бург», одном из самых дорогих в Дюссельдорфе. За столом разместилось семь человек: четверо западных немцев и трое иностранцев.

Холеный полный господин с седыми ухоженными полубаками на висках щеках, в темных очках (его называли «генерал Вальтер») смаковал жареную оленину.

— Здесь отлично готовят, — сказал он. — Но теперь к делу! Вас, полагаю, обрадует, что наша организация насчитывает сейчас более ста тысяч опытных активных бойцов. Наш главный враг — коммунистическая партия. Задача — ликвидировать эти новые интернациональные бригады в стране.

— Физически? — спросил один из собеседников.

— Безусловно, — кивнул генерал. И, отхлебнув шампанского из бокала, добавил: — Пора кончать маскарад. Я испытываю к вам полное доверие.

С этими словами он снял темные очки и привычным движением вставил под бровь монокль. Немцы переглянулись. Смешки не было. Перед ними сидел вице-президент Португалии Антониу ди Спинола.

25 марта Спинола в сопровождении двух адъютантов-телохранителей прилетел из Швейцарии, где жил в последние месяцы. В Дюссельдорфе он встретился с руководителями подпольной правой западногерманской организации, «располагающей широкими связями в государственном аппарате и политических партиях ФРГ». Анонимная организация эта выражала готовность тайно поставить сторонникам Спинолы в Португалии крупные партии натовского оружия, которое, как заверяли генерала его западногерманские собеседники, они в любой момент могут получить нелегальным путем из арсеналов бундесвера.

Генерала пронизал ледяным к целым хозяевам. Самый активный из них — худощавый, высоколобый молодой человек, типичный очкарик-интеллигент, называя себя Гансом, ответственным секретарем упомянутой организации. Он слушал генерала с почтительным вниманием, задавал вопросы, уточнял детали.

Знай Спинола, с кем он встречался в Дюссельдорфе, кусок оленины тут же застрял бы у него в горле. В облике неонациста Ганса перед ним с тремя надежными хоуэльями сидел Гюнтер Вальраф, один из самых известных в ФРГ публицистов, «неистовый репортер».

Вальрафу — 33 года. Он не просто талантливый писатель и журналист, его личное мужество не назовешь иначе как удалью, а в искусстве перевоплощения он не уступает выдающимся артистам. Все это в сочетании с неистощимой изобретательностью, способностью к любому труду и искрометным остроумием коренного уроженца рабочих кварталов старого Кёльна позволило Вальрафу разработать и применить новые методы журналистики в ФРГ. На долгие месяцы исчезал он из своей скромной кёльнской квартиры и появлялся под чужой фамилией то у конвейера фордовских заводов в Кёльне, то в качестве принимающего у миллиардера-помещика князя Тур унд Таксис, то в облике скромного посыльного в стаховом концерне Герлинга, то под маской турка, который вместе с земляками тщетно пытается найти в Кёльне работу (готовясь к этому репортажу, Вальраф полгода изучал турецкий язык). После каждой такой экспедиции Вальраф выступал с книгами, статьями и телепередачами, разоблачавшими порядки на капиталистических предприятиях, финансовые аферы монополий, происки правых политиканов.

Весной 1974 года Вальраф чуть не погиб в Греции, готовя разоблачительный материал против «черных полковников». Арестованный охраной хунты в Афинах, он долго скрывал инкогнито, желая до конца испить горькую чашу греческих патриотов, брошенных в застенки. Вальраф подвергся зверским избиениям и пыткам, а когда личность его была наконец установлена — приговорен к тюремному заключению.

Речь писателя-антифашиста в афинском суде облетела тогда мировую печать.

После свержения фашистского режима в Греции освобожденный из тюрьмы Вальраф, наконец, подлечившись, стал готовиться к поездке в революционную Португалию. Прогрессивному журналисту, вырвавшему себя за представителя подпольной неонацистской организации ФРГ, удалось войти в доверие к правым заговорщикам в городе Браге. И снова на каждом шагу Вальраф рисковал головой. Незадолго до этого он печатался в лиссабонских газетах, выступал по телевидению.

— Конечно, было страшновато, — говорил он потом. — Узнали, тут же пристрелили бы.

Постепенно Вальраф проник в тщательно законспирированный центр готовящегося путча. Перспектива получить крупную партию оружия заставила руководителей правой экстремистской организации МДЛП быть всякую осторожность. К тому же Вальраф, как всегда, блестяще играл свою роль. Ему удалось договориться о встрече на территории ФРГ в ближайшем будущем со Спинолой. Так началось то, что завершилось несколько месяцев спустя в ресторане «Шиллербург», куда генерала привезли на дорогом «порше», нанятом Вальрафом на один день за свои собственные деньги.

...Спинолу несло. Вручив мимоходом Гансу длинный список оружия (от пистолетов до реактивных миномётов и натовских стандартных мин «Черная вдова»), генерал разоткровенничался и изложил во всех подробностях схему путча, который он намеча провести в мае — июне в Португалии после парламентских выборов и незадолго до выборов президента.

Примечательно, что его организация, «у которой повсюду в Португалии есть свои люди», сможет получить заказанное оружие без всякого труда. Спинола назвал многих своих сообщников в армии и в правой партии «Социально-демократический центр», свои каналы связи.

...Деловая часть была окончена. Генерал пустился в глобальные рассуждения. «Национальным силам в ФРГ принадлежит будущее, — внушительно сказал он. — Германия призвана вновь взять на себя лидерство в Европе. В этом меня убедила и беседа с Францем Йозефом Штраусом, с которым я встречался в феврале. Он произвел на меня огромное впечатление. Кстати, Штраус обещал мне убежище в Баварии на случай осложнений...»

Распрощавшись с любезными хозяевами, Спинола в тот же день улетел обратно в Цюрих.

Заключительная глава очередного репортажа Вальрафа была дописана быстро. В номере от шестого апреля «Штерн» опубликовал его статью о поездке в Португалию прошлой зимой и о недавней встрече со Спинолой в Дюссельдорфе. А день спустя в Боннском Доме прессы писатель рассказывал столичным журналистам об истории своего очередного перевоплощения. Тщетно шпрингеровские корреспонденты пытались поставить под сомнение его рассказ. Вальраф предъявил фотографии, снятые в Дюссельдорфе, а потом включил магнитофон, и присутствующие прослушали запись встречи со Спинолой.

Еще два дня спустя Штраус в бундестаге вынужден был признать, что действительно встречался со Спинолой, который, впрочем, по его мнению, уже «упустил исторические шансы», имевшиеся у него в Португалии. Что до права убежища в Баварии, то он, Штраус, ничего подобного генералу не обещал, ибо это-де не в его компетенции. Депутаты коалиции непочтительно расхохотались. Кто-то крикнул: «Рыбак рыбака видит издалека».

А вскоре последовал политический эпилог. Швейцарское правительство выдворило Спинолу из страны за нарушение непреклонного здесь для эмигрантов правила: «Не заниматься на территории нейтральной страны политической деятельностью».

Политическая карьера Спинолы, надо полагать, завершена. Даже его собственным сторонникам после всего случившегося он в обузу. Но опасность контрреволюционного мятежа в Португалии еще не ликвидирована. Великолепный репортаж бесстрашного Вальрафа об этом свидетельствует.

БОНН. (По телефону)

ВЕНГРИЯ. В сборочном цехе завода «Икарус» Фото М. ТРАХМАНА

Год назад, 1 мая 1975 года, в дни, когда вооруженные силы и народ Южного Вьетнама одержали победу над агрессорами, на сталелитейном заводе Заиаиле в Ткаднеуене была выпущена первая сталь. На снимке: юный вьетнамский сталевар

Фото из журнала «Вьетнам»

МИР ЧИТАЕТ, СМОТРИТ, СЛУШАЕТ

ВЕРНИСАЖ

«ТРИДЦАТЬ ПОБЕДНЫХ ЛЕТ»

С полотен смотрят спокойные и усталые лица наших ребят — танкистов 1945 года. В запыленных шинелях и шлемах они словно шагнули в выставочный зал из той далекой победной весны. Такими запомнил и запечатлел их на своих картинах заслуженный художник УССР Владимир Сыхра.

«Тридцать победных лет» — название международной выставки изобразительного искусства, демонстрирующейся в Праге. Работы мастеров Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, Советского Союза и Чехословакии, представленные в экспозиции, последовательно показываются во всех десяти странах-участницах.

— Столь широкая экспозиция, — говорит директор выставки Л. Яндова, — у нас в столице впервые. Здесь представлены самые разные национальные традиции в изобразительном искусстве, самые различные жанры и формы творчества.

К первой части выставки (она названа «Ретроспективой») относятся работы, созданные в грозное время борьбы с фашизмом. Это и плакаты Кукрыниксов, и неистовый, гневный цикл «Огонь» (автор его, чехословацкий художник Иозеф Чапек, погиб в нацистском концлагере), и несколько более поздние произведения, как, например, картины известного художника из ГДР Вилли Зитте «То, что пережито», «Фашизм обречен».

Плакатно-яркое полотно советского художника Александра Дейнеки «Космос», романтическая живопись польских мастеров, нежная графика вьетнамца Чан Тхан Нгока «Учительница с детьми» — множество произведений представлено в павильонах пражского парка имени Юлиуса Фучика, рассказывают о счастье мира и созидательного труда.

Е. СЛЕПЧЕНКО

ПРАГА. (По телефону)

КОНКУРС

«СОВЬЕТ ИРОДАЛОМ»

— так называется выходящий на венгерском языке журнал «Советская литература», которому исполнился год. В связи с первым юбилеем его редакция совместно с Обществом венгерско-советской дружбы объявила массовый конкурс, цель которого — повысить интерес читателей к советской литературе.

«Мои любимые прозаические и стихотворные произведения» — название первого раздела конкурса. Второй раздел предназначен для работников библиотек, которые расскажут о своем опыте пропаганды журнала, суммируют итоги читательских конференций. Учителя русского языка поделятся своими впечатлениями о той помощи, которую оказывают им в преподавании двуязычные — русские и венгерские — тексты, публикуемые на страницах «Совьет иродалом». Вместе с переводчиками, литераторами и студентами они также могут участвовать в следующем разделе конкурса, цель которого — выбор новых произведений для публикации.

Наконец, пятый раздел предлагает читателям ответить на вопросы викторины, составленные на основе нескольких номеров «Советской литературы». Победители конкурса будут объявлены 4 апреля будущего года — в день, когда венгерский народ будет праздновать 32-ю годовщину освобождения.

С. ИВАНОВ

БУДАПЕШТ. (По телефону)

КТО, ГДЕ, КОГДА

Тадеуш Ломницкий в роли Булычова

Польский киноведческий «Экран» присудил свою ежегодную премию «Золотой экран» известному актеру Тадеушу Ломницкому за исполнение главной роли в телевизионной постановке «Егор Булычов и другие». Он первая из пьес А. М. Горького, в которой артисту пришлось играть, хотя он уже неоднократно выступал в пьесах русских и советских авторов. «Образ Егора Булычова захватил меня, — говорит Ломницкий. — Мне хотелось создать портрет человека, который мыслит, переживает свои личные драмы, проигрывает, любит, страдает, умирает. Все это сделано в роли Булычова особенно интересной».

■

Уникальное издание Гомера

Недавно в Париже вышло уникальное двухтомное издание «Илиады» и «Одиссеи» Гомера в переводе выдающегося французского поэта Леконта де Лиля. Великие творения античного поэта проиллюстрированы рисунками с греческих ваз VI—IV вв. до н. э., собранными в музеях и частных коллекциях Европы и Америки. Впервые еще все эти шедевры искусства не были представлены в одном издании, — отмечает французская печать.

На снимке: кадр из телепостановки

ИХ КУМИРЫ

ЗОНА СКУКИ

«Никого не расталкивай. Но пусть все знают, что идешь ты...» Именуемый на Западе «отцом поп-арта», Энди Уорхол сознается в своей книге, недавно опубликованной в Лондоне («От Эй до Би и обратно. Философия Энди Уорхола»), что наказ родителей определяет его поведение в жизни и творчестве. Лживый долг своего успеха он, безусловно, обязал буржуазной прессе, которая уже добрый десяток лет рекламирует «художника-феномена», избравшего предметом искусства консервные банки, денежные купюры, изуродованные кузовы машин и тому подобное.

«Поскольку я продолжаю делать искусство, — откровенничает Уорхол, — предлагаю публике хлам, которым она заполняет пустующие пространства...» Фабрика Уорхола выпускает самую разнообразную продукцию: тут и этикетки для кока-колы, и фильмы абсурда, и порнографические пьесы. А модернистская критика глубокомысленно разъясняет непосвященным суть этого «творчества». «Он заставляет вас всматриваться в привычные очертания, а предметы — говорить за самих себя, поскольку авторского комментария им не дается. Вы долго смотрите на изображаемый предмет, который показывается в монотонном, бесконечном повторении. Сначала созерцание вызывает в вас скуку, но по ту сторону скуки к вам нисходит откровение», — утверждает, к примеру, английский критик Гэвин Ламбер.

И вот теперь 250-страничная автобиография Уорхола, где он делится своими соображениями по поводу назначения искусства, а заодно и подробностями личной жизни, тоже призвана, по мнению критики, объяснить феномен этого художника».

Основной секрет Уорхола, полагает Гэвин Ламберт, в том, что он из ничего делает «ничто». Но велика ли мудрость — заваливать хламом «пустующие пространства»? Другой вопрос — феномен самого Энди Уорхола. Тут уж действительно приходится мудрить идеологам «поп-арта», чтобы из ничего сотворить «ничто», заманить зрителя в ту зону скуки, в которой обретается ничтожное искусство Уорхола.

Н. АЛОВ

ЧЕЛОВЕК ПРОТИВ РОБОТА

У ПОЛКИ С ПЕРЕВОДАМИ АМЕРИКАНСКИХ КНИГ

Идея разрядки завоевывает все больше приверженцев. В наше время, когда стремление к взаимопониманию становится реальной преградой на пути гонки вооружений, стремительно возрастает роль подлинного, гуманистического искусства. В одном из разделов Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе подчеркивается значение культурных контактов между народами. В эту, как ее называют, «третью корзину» мы опускаем веские аргументы. И среди них такой, например: четвертая часть всей мировой переводной литературы издается на русском и языках народов СССР. Из него складывается эта самая четверть! Например, из семи тысяч названий американских книг, выпущенных в СССР только за послевоенные годы.

Н. АНАСТАСЬЕВ

ПОПРОБУЕМ бросить взгляд на некоторые фрагменты картины: американская литература в СССР. Не на все, конечно, а хотя бы на последние, недавно добавленные.

Начать по справедливости надо с антологии «Современная американская поэзия» (издательство «Прогресс», 1975).

Признаемся, мы привыкли, по какой-то странной инерции, судить новейшую литературу США прежде всего по ее прозе, хотя всем памятны замечательные переводы американских поэтов, сделанные И. Кашкиным и М. Зенкевичем еще в тридцатые годы. Только что вышедшая антология американской поэзии как раз и корректирует наш взгляд на недавнюю литературную историю США. Кто-то посетует, может быть, на неполноту, пожалеет, допустим, что творчество лидеров эстетической школы, сложившейся на Юге в середине 20-х годов, представлено бедновато — Рэнсомом и Тейтом, а ведь сильные стихи писали еще Дональд Давидсон и Роберт Пенн Уоррен; кто-то, напротив, обнаружит избыточность — тем или иным именем можно бы и пренебречь... Все это — предмет будущего профессионального разговора об антологии, который, уверена, еще состоится на страницах нашей печати.

В книге представлено творчество пятидесяти поэтов. Понятно, это не смотр одних лишь художественных побед, — рядом с вершинами — Сэндберг, Уильям Карлос Уильямс — посредственности. Э. Бишоп, Л. Симпсон, а то и вовсе (на мой, во всяком случае, взгляд) иные. Но разве я не предлагался — составитель стремился (и сумел этого достигнуть) к отражению реального пути поэзии с ее взлетами и провалами, рывками и остановками.

Как и все живое, американская поэзия развивалась в постоянном противоборстве тенденций, внутренней полемике — накал и существо ее вполне сказываются в антологии.

Но самое существенное в том, что за борьбой поэтических школ, за многообразием художественных форм проступает в книге постепенно контур единого — самой Америки.

Мы привычно повторяем вслед за классиком: чтобы понять поэта, надо побывать на его родине. Но разве нет правды в перевернутой формуле: чтобы понять родину поэта, надо прочитать его книги?

В пору небывалого развития массовых коммуникаций радио- и телевоны, газеты и кинохроника ежечасно поставляют невообразимое количество самых разнообразных сведений, но люди упорно возвращаются к медлительной литературе — этому незаменимому средству душевного общения, дающему понимание того, чем живут тебе подобные, в чем их радость и в чем — страдание.

В социологических штудиях подробно исследован феномен «массового» сознания, показано, как в условиях развитого капитализма человек утрачивает черты индивидуальности, превращается в функцию. А вот строки стихотворения:

А люди — мы сами! — разумные, из нутра машин появляемые лишь у заправочных станций, неуверенно рассматривая друг друга, торопливо пьем кофе у автоматов и спешим назад к машинам, начавшим в них навсегда ради движения.

(Дениз Левертов. «Меррит-аллея». Перевод А. СЕРГЕЕВА)

То же знакомое состояние, но вместе с тем и другое, согретое чувством поэта.

В стихотворении Д. Левертов сильно выразились господствующие ныне в Америке настроения. Старшие мастера, тот же Сэндберг, к примеру, не закрывая глаз на пороки, еще видели в человеке величие:

Укажите мне город, который так звонко поет свои песни, гордясь жить, бороться, сильным, искусным.

(Перевод И. КАШКИНА)

Ну, а теперь художники переживают и отражают иную реальность. В нынешней поэзии господствует иное ощущение: человек утрачен, жизнь — мозаика, рассыпавшаяся на куски, которые трудно собрать. Прочитайте стихи крупнейшего поэта середины века Уильяма Карлоса Уильямса — в них этот новый взгляд выражен в резкой, окончательной форме. Но в них же, как и в лучших произведениях других писателей, работающих уже сегодня, — и новое чувство: неистребимость живого. Человека заговаривают на задворки постиндустриальной цивилизации, соблазняют синтетическим идеалом потребительства, а он вновь и вновь заявляет о себе как о силе, способной к созиданию и развитию. Рассудочный свет, свет холодной планеты разлит в поэзии Сильвии Плат, так рано и трагически ушедшей из жизни, но слышен в ней и иной звук — чистый, звонкий, требовательный: это новый человек родился.

Поэзия — эмоциональный сгусток жизни, здесь слово несет особенную нагрузку. Сказано о городе — «сенная Сахара» (Роберт Лоуэлл, «Павшим за союз»), и ничего больше не надо: видна и картина, ощутимо и личное переживание художника.

Прозе требуется иное — анализ, разворот действия, сюжет, герои. Но за всем этим — интересующая нас реальность: сегодняшняя Америка. Она предстает перед читателями со страниц недавно переведенных книг, в различных ракурсах — в фантазиях Курта Воннегута («Завтрак для чемпионов»), в документальной достоверности Студс Теркела («Работа»), в лирических интонациях Джойс Кэрол Оутс («Сад радостей земных», новеллы), в суховатой, несколько протокольной манере Ирвина Шоу («Вечер в Византии»).

Обо всех этих, как и многих других, вещах у нас писали, это освобождает от необходимости подробного разговора. Ограничусь лишь общими наблюдениями — в них неизбежность предвзятости, особенное, но зато, может быть, обнаружится направление литературной мысли.

Курт Воннегут уподобился художнику кинфреске, «которую берут с собой в шахту: посмотрите, как мечется она в клетке, едва почувствует запах газа, а люди со своим грубым обонянием еще и не подозревают, что грядет опасность». Это не просто броская аналогия; во всяком случае, творческая позиция самого Воннегута в ней выражена точно. Его романы — постоянный сигнал тревоги: человек гибнет, превращается в механическую, обезздушенную конструкцию. В «Завтраке для чемпионов» («Иностранная литература», № 1, 2, 1975) эта мысль выдается и открытым, что называется, текстом, и воплощается образной силой: действующие лица книги (известный по прежним сочинениям писатель-фантаст Килгор Траут и торговец автомобилями Дюейн Гувер) — не только не герои, но даже и не персонажи, ибо это слово подразумевает известную самостоятельность, независимость, живость. Ее-то и лишены оба — перед нами просто искусственные образования, отлитые в человеческой форме.

Воннегут создает гротеск, и ему, естественно, нет нужды воспроизводить жизнь в бытовых подробностях: вместо них — обобщенный образ, срез сознания американского обывателя, неудержимо затягиваемого массовым мышлением, непрерывно подвергаемого роботизации, давлению стандартов.

Естественно встает вопрос: а не поглощен ли и сам автор им же созданным апокалипсисом, сохранил ли он веру в человека, в его способность противостоять зову буржуазной технократии? Здесь то и вступает в силу язвительная канарейка: сгущая ситуацию до предела, художник тем самым как бы приыавает сотоечественника остановиться, задуматься, возмутиться заведенным порядком вещей. Вспомнить, что, помимо формул, существует еще и он сам — человек.

Это вот ощущение авторского присутствия чрезвычайно важно. Признание духовной пустоты, исчерпанности традиционных идеалов стало в Америке едва ли не аксиомой, и искусству грозит опасность «привыкания» к этому. Писатель лишь воспроизводит знакомое, откажешься идти вглубь, исследовать социально-психологические корни явления. Сокращается и круг изображения — в него попадают преимущественно люди, «уставшие, — по выражению одного из критиков, — от изобилия». Это не просто гипотетическая ситуация — инерционное художественное мышление действительно оказало воздействие на литературу, даже на значительных писателей — в фантазиях Курта Воннегута («Завтрак для чемпионов»), в документальной достоверности Студса Теркела («Работа»), в лирических интонациях Джойс Кэрол Оутс («Сад радостей земных», новеллы), в суховатой, несколько протокольной манере Ирвина Шоу («Вечер в Византии»).

Обо всех этих, как и многих других, вещах у нас писали, это освобождает от необходимости подробного разговора. Ограничусь лишь общими наблюдениями — в них неизбежность предвзятости, особенное, но зато, может быть, обнаружится направление литературной мысли.

Курт Воннегут уподобился художнику кинфреске, «которую берут с собой в шахту: посмотрите, как мечется она в клетке, едва почувствует запах газа, а люди со своим грубым обонянием еще и не подозревают, что грядет опасность». Это не просто броская аналогия; во всяком случае, творческая позиция самого Воннегута в ней выражена точно. Его романы — постоянный сигнал тревоги: человек гибнет, превращается в механическую, обезздушенную конструкцию. В «Завтраке для чемпионов» («Иностранная литература», № 1, 2, 1975) эта мысль выдается и открытым, что называется, текстом, и воплощается образной силой: действующие лица книги (известный по прежним сочинениям писатель-фантаст Килгор Траут и торговец автомобилями Дюейн Гувер) — не только не герои, но даже и не персонажи, ибо это слово подразумевает известную самостоятельность, независимость, живость. Ее-то и лишены оба — перед нами просто искусственные образования, отлитые в человеческой форме.

Воннегут создает гротеск, и ему, естественно, нет нужды воспроизводить жизнь в бытовых подробностях: вместо них — обобщенный образ, срез сознания американского обывателя, неудержимо затягиваемого массовым мышлением, непрерывно подвергаемого роботизации, давлению стандартов.

Естественно встает вопрос: а не поглощен ли и сам автор им же созданным апокалипсисом, сохранил ли он веру в человека, в его способность противостоять зову буржуазной технократии? Здесь то и вступает в силу язвительная канарейка: сгущая ситуацию до предела, художник тем самым как бы приыавает соот

ПОВЕСТКА ДНЯ:

Научно-технический монтаж

(см. «ОТК «КЛУБА ДС»)

Не стесняйся, ОБХССI

(см. «ОХ «КЛУБА ДС»)

Разнов

(см. «ФРАЗЫ»)

ФРАЗЫ

● *Начальники приходят и уходят, посетителям остаются.*

● *Представьте себе населенный пункт, где все хаты — с краю.*

Гр. ЯБЛОНСКИЙ

ОДЕССА

● *Чего только не станешь делать от нечего делать!*

В. СКУРАТОВСКИЙ

СТЕНГАЗЕТА «КЛУБА ДС»

РОГА И КОПЫТА

● **ТАЙНЫ НАШЕГО МОЗГА**

Узнав о незаурядных способностях Ури Теллера, который немысленным усилием мысли гнет металлические предметы, инженер Митрохин без всякого напряжения мысли вывел из строя заводской конвейер.

● **ИЗДЕРЖКИ ПРОИЗВОДСТВА**

«Вчера я купил кресло местной мебельной фабрики, а сегодня решил посидеть в нем», — объяснил свой приход в травмопункт испуганный П. Мотькин.

● **ЧУДЕСА ХИМИИ**

Вечную краску выпускает Щепотьевский химический комбинат. Окрашенные ею ткани линяют, пока не износятся.

● **В МИРЕ СМЕКАЛИСТЫХ**

Кардинально решил проблему водоснабжения житель Старообработска М. Харин. Прокопав колодец с 3-го до 1-го этажа, он теперь пользуется водой круглосуточно.

ПОЗНАКОМИЛИСЬ МЫ В АВТОБУСЕ.

Я опустил в билетный аппарат пятачок, крутнул ручку — никаких последствий. Крутнул второй раз, третий — тот же результат.

Предстояло ехать зайцем.

— Товарищи! — обратился я к соседям. — Скажете, в случае чего?

— Скажем, скажем, — пообещали товарищи — Стой спокойно.

Потом к аппарату протиснулась бабушка. Ее не успели предупредить, она бросила пятачок — и тоже не получила билета. Бабушка загоревала, затарабанила по аппарату сухоньким кулачком. Но металлический живоглот издевательски молчал.

Дело происходило на задней площадке, и мы стали просить впередистоящих: передайте, мол, водителю — касса-то у него не работает.

— А ну-ка, пропустите! — раздался сзади строгий голос.

Человека я рассмотреть не успел, увидел только широкую спину, туго обтянутую нейлоновой рубашкой. Он коротко замахнулся и снизу вверх, аппаркотом, крепко двинул аппарату в челюсть.

— Вот так надо, — сказал. — Прошу.

Диело чего аппарат оторвал билеты — и мне, и бабушке, и еще одной даме, которая вовсе ничего не бросала.

Вылезли мы с ним на одной остановке. То есть я сперва не заметил, что и он тоже вылез.

Жара на улице была оглушительная. Я подошел к автомату для газводы, сунул в щель три копейки. Автомат подрожал, всхлипнул, но воды не отпустил.

И тут кто-то отодвинул меня плечом:

— Бастует, халява?

Оказалось — тот самый, автобусный парень. Он развернулся и нанес автомату страшный удар! В боксе такой удар называется свинг. Если на него нарвешься — всегда заказывай носилки.

Автомат натужно крякнул, из всех его дырок сразу хлынула вода. С тройным сиропом.

Дальше мы пошли вместе — оказалось по пути.

Парень шагал крупно, торопился.

— Футбол сегодня, — объяснил он на ходу. — Наши с кемеровчанами.

— Ага, — семеня рядом, закивал я. — Тоже вот хотел посмотреть, да куда там. Еще позавчера билеты расхватали.

— Так ведь транслируют.

— Транслируют. А где посмотришь-то? (Телевизора у меня тогда еще не было).

— Ладно, студент, — сказал он. — Идем ко мне — составишь компанию... Только учти — без керосина. Этого не держу — не рассчитывай.

Заявились мы не вовремя. Жена его как раз затеяла стирку.

ЖЕЛЕЗНАЯ РУКА

Н. САМОХИН

Стирала она в ванной, но грязное белье вылезло аж в узкий коридорчик.

Я затоптался было в нерешительности, но хозяин сердито пхнул ногой шмотки:

— Развела тут!..

— Так я же не знала! — виновато отозвалась из ванной жена.

— А надо знать! — жестко сказал парень. — Закрой хоть дверь поплотнее. А то будешь... трещать.

Болел он сурово, каменно. Сидел, посунувшись вперед, и молчал. Мне-то хотелось вскочить, заорать, но я удерживал руками дрыгающиеся колени — терпел.

Из ванной доносилось тонкое гудение машины. Потом смолкло.

— Петя! — жалобно позвала жена.

— Чего тебе?

— Да опять...

— Погоди — тайм закончится.

Закончился первый тайм — и хозяин ушел в ванную. Я думал, он возьмет отвертку, плоскогубцы, провозюкается там весь перерыв. Ничего подобного. «Бум!» — донеслось из ванной, и машина ровно загудела.

Перерыв кончился, пошел второй тайм.

Наши отыгрывались. Левый крайний, Петраченко, превосходно себя. Уже два раза его сносили почти в штрафной площадке. Еще бы полметра — и пенальти. Но — не везло мужику.

В один из моментов, когда Петраченко снова отчаянно рвался по краю, чтобы сделать прострел, экран вдруг заволокло.

— У, тунеядец! — сказал хозяин, поднялся и — словно молотом по наковальне — ахнул телевизору по кумполу.

Экран тут же очнулся. Мы даже успели посмотреть, как набежавший защитник Салов, с подачи Петраченко, головой вколотил мяч в «девятку»...

НОВОСИБИРСК

ПИСЬМО К ФЕДЮНЕ

Татьяна НОЙОНЕН

Друг мой родной, Федюня, здравствуй!

В жизнь бы трогать тебя не стал, если бы не по нужде. Только ты один и можешь руками ее развести. Иными словами, жизнь мою спасти.

Помнишь, Федюня, как мы с тобой с бабами работали? Да не с теми! А которые такие шары железные с цепями. Которыми мы с тобой стариные дома рушили?

Ну, вспомнил? Но об этих бабах после.

Сперва все как есть.

Был у меня, Федюня, вчера ОБХСС. Говорит, что он сигнал получил про мою дачу. Ну мою-то дачу не тебе описывать. Легенда, а не дача! Сам небось помнишь.

Но даже сам инспектор по моторе признал, что дача моя — форменный гимн моему хозяйскому глазу. А ведь ты, Федюня, глаз мой знаешь. Это у меня от природы взято. Сразу чую, что из чего сделать можно.

А в трудовых буднях, Федюня, все крупное можно сделать из мелочей. Только надо ходить по земле не пустоцветом, а хозяином. Помнишь ли ты, Федюня, как работали мы с тобой в управлении одном? Вокруг — столы да бумажки. Бумажки да столы. А я — стоп! И вижу: над каждым столом стосвечовки сияют. Зачем? Ведь бумажки и при сороковках видать. А у меня в парниках огурец меньше чем при ста свечах в цветок не пойдет. Капризный!

А помнишь, Федюня, тот год, когда мы с тобой в больнице работали? У меня и тогда на зависть соседскому санаторию вся клубника под целлофаном в апреле поспела!

А уж скажи-ка, что ты мне с операционной тогда списал, моя Зинуха и сегодня ни на один филейный нож не променяет.

А в баню-то ко мне, Федюня ты мой родной, даже иностранцев собирались на пасху приносить. Ты спросишь, где котел взял? А все мой хозяйский глаз. В прошлом году я в одном НИИ в столовке работал. Сотрудников — три профессора в шесть рядов. А еды развели! По девяти котлам размазали. Ну, я восстал.

Один котел списали.

А когда баню обставил, передо мной вопрос: где веники березовые брать? Кругом же люди, Федюня, живут. Друг на друге. Не до деревьев. Так вернись, нет? — специально в один театр работать пошел. Дворник. У них весь двор деревьями засажен. И липа, и рябина, и клены разные. Так им надо было липы подстричь. За кулисы лезли. Ну, я и прошелся по ихним березам... А им что липа, что береза! Артисты...

Вот так, Федюня, родной мой. Веников-то я настриг, а куда их девать? Другой бы растерялся, в депрессию бы. А я р-раз — и на поставки в хладкомбинат. Морозильников — тьма. Шпинат замороженный в них от стенки к стенке тайгой лежит. Все — мимо этого факта. А я — стоп! Шпинатиков мороженые утрамбовал. Один морозильник остался лишним. Только энергию государственную поглощает. Короче, Федюня, у меня с той поры круглую зиму свежемороженые веники. Березовые!

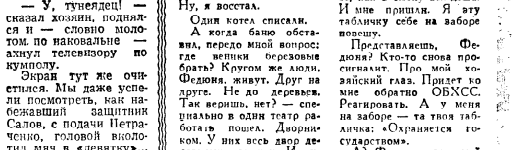
Конечно, Федюня, ты понимаешь, что не за один раз и не за один час сложилась у меня дома такая красота, что мужем красне могут.

Но, Федюня ты мой родной! Из песни слова не выкинешь. И вчера у меня были из ОБХСС. И говорят, что получили сигнал. И что раз сигнал был, на него реагировать надо.

А вот, Федюня, ты мне какую услугу услужи. Я в долгу не буду. Я знаю, что ты снова с бабами работаешь. Да не с теми! А которые шары такие большие железные с цепями. Которыми стаи рушат. Так вот, Федюня, об одном прошу. Ничего мне больше от тех бесценных домов не надо. Кроме таблички одной. Припрячь ее, как в смену выйдешь. И мне пришли. Я эту табличку себе на заборе повешу.

Представляешь, Федюня? Кто-то снова просигналит. Про мой хозяйский глаз. Придет ко мне обратно ОБХСС. Реагировать. А у меня на заборе — та твоя табличка: «Охраняется государством».

А? Федюня ты мой родной?!



ЛЕКЧИК «КЛУБА ДС» **Татьяна ОРЛОВА**

ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ

Я начинаю ждать своего мужа с работы в восемь часов, хотя в семь он мог бы быть уже дома. Специально не раньше, чтобы начинать расстраиваться не позже половины девятого. Мы живем на первом этаже, и я всегда жду, выходит ли человек лифт. Сначала лопает одна дверь, затем другая, шаги... Загудел лифт. Нет. Не он.

В девять часов я решаю, что никогда в жизни не попрошу его возвращаться раньше. Если он где-то ходит, значит, он не спешит ко мне. Если он не спешит, значит, он во мне не нуждается. Если он во мне не нуждается, я в нем также. Я не пустышка какая-нибудь. Вот конфетка Большой медведицы. Тонкий серп молодого месяца... «Выхожу на сияющий луг...»

В одиннадцать я прихожу к выводу, что следует начать жизнь сначала. Я еще молода. Между прочим, мой одноклассник Олег до сих пор не женился. Между прочим, из-за меня.

В двенадцать закрадывается сомнение, а не попытаться ли спасти нашу прежде такую прекрасную семью. Нашу семью, разрушенную этим, этим... Раз он так прост, буду действовать его же методом. У вахтера буду встречать. В конце концов местком поможет.

В час сожалею о растраченных зря годах юности, заодно о незнании приемов самбо и дзюдо.

Около двух появляется страшная мысль: наверняка он попал в автомобильную катастрофу. Его, может, уже нет в живых! Как только я могла подумать! А Олег? Да и не стоит твоего мизинца! Милый... Прости мне! Другого такого мне не найти! Нет! А какой ты был нежный! А как я... бывала несправедлива!

Когда в три раздается звонок, я открываю вся в слезах!

— Любимый! Только теперь я поняла, что ты для меня значишь!

Азиз НЕСИН

КАК ПИШУТСЯ ФЕЛЬЕТОНЫ...

Шестидесятилетний прогрессивный турецкий писатель-юморист Азиз Несин хорошо известен нашему читателю. Он автор ряда книг, переведенных на русский язык, его смешные рассказы часто публикуются на страницах нашей периодической печати, в том числе и на 16-й странице «ЛГ». Предлагаемый ниже фельетон Азиза Несина, ядовито высмеивающий нравы «свободной» прессы, взят из сборника «Робоператор».

На Западе целыми сериями выходят книги по руководству определенными занятиями. Книги эти пишут знающие люди. В них самым популярным образом тебе объяснят все, что хочешь, начиная от того, как проходит процесс производства бумаги, и кончая тем, как добиться свободы и демократии.

Собственно, эти серии и вдохновили меня на сей скромный труд. Я тоже захотел создать руководство к то, как написать газетный фельетон.

Каждое утро я читаю газеты и, естественно, как и всякий другой читатель, расстраиваюсь. То, что меня расстраивает больше всего, я сразу отметаю в сторону. Остается примерно тем десять—пятнадцать. Да еще в запасе у меня всегда бывает тем сорок — пятьдесят. Все они просятся на кончик пера, но выбрать надо только одну. После долгих мучений и сомнений я выбираю, наконец, самую безобидную, которая ни мне, ни владельцам газеты не повредит, да и сильных мира сего не заденет. Пишу с оглядкой, каждое слово обдумываю, гусей не дразню. Готово! Но это еще не все. У дверей комнаты меня ждет жена.

— Могу ли я прочитать то, что ты написал? — спрашивает она.

Затем жена, как опытный садовник, начинает подстригать мою статью: это выну, то выну, это примени, а то сделай так-то.

Через некоторое время с кислой миной ко мне входит сын:

— Выбрось последнюю фразу, папа...

— Сынок, в последней фразе весь аромат...

— Папа, выбрось этот аромат!

Я выбрасываю. Приходит дочь:

— Первую фразу немножко это смоле...

— Какое смоле?

— Снять бы...

Не этом дело не кончается. Рядом с нами живет мой давний любимый друг, юрист по специальности:

— Тут у тебя одна фраза есть... В соответствии с уголовным кодексом за нее полагается один год тюремного заключения.

Я вычеркиваю эту фразу.

— Еще одно место... В соответствии с законом о печати за такие вещи дают от двух лет и выше.

Я выбрасываю и то место, и это.

Это еще полбеды. Впереди самый страшный разговор — с отцом. Прихожу к нему.

— Сорок лет прожил, а ума не нажил! — слышу я с порога громовые раскаты его голоса.

После этих приветствий начинается самое главное. Он берет ручку, и она начинает свободно гулять по моей рукописи. «То выбросишь, это выбросишь!» Аллах свидетель, отца я боюсь больше, чем все юридические кодексы, вместе взятые. Беспрекословно выбрасываю из статьи все, что он вычеркивает.

Жалкие остатки фельетона я отношу в газету. Однако мучения мои еще впереди.

— Не могли бы вы несколько смягчить общий тон? — обращается ко мне владелец газеты.

— Помилуйте, он и так мягкий!

— Может быть, вот это устранить?

— Устраним.

— А вот это изменить?

— Изменим.

Теперь, вы думаете, все? Куда там! Если бы было так просто, любой бы стал фельетонистом. Очередь за редактором.

— Вот это выражение надо немного смягчить.

— Хорошо, но мягких выражений больше не осталось, все использованы.

Вместе с ним мы долго ищем самое мягкое выражение и, наконец, вносим его в текст.

— Эта фраза немного слух режет. Давайте сделаем так.

— Давайте.

— Пардон, еще одно место. Оно тут ни к чему.

— Выбросим.

Думаете, на этом конец? Если бы!.. Через час — звонок по телефону.

— Хасан-бей...

— Слушаю.

— В вашей статье проходит имя Али-бей!

— Да.

— Вы знаете, Али-бей занимает у нас крупную должность. Что делать?

— Хорошо, замените его Муста-беем.

— Нельзя, Муста-бей занимает должность еще выше.

— Ладно, пусть никого не будет!

Опять звонок.

— Хасан-бей!

— Я!

— Вы в вашей статье касаетесь... бея, а мы у него... получаем.

— Ну, раз получаете, тогда это место уберите...

Остаются крохи. На следующий день вы читаете их в качестве газетного фельетона. Вам становится смешно, вы смеетесь. Как не смеяться над такими фельетонами? Я сам смеюсь.

В тот же день в газету приходит письмо, где меня обвиняют в клевете. Разве не смешно?

Перевела с турецкого Л. ДУДИНА

ЧУДАКИ

В. СПЕЛЬНИКОВ

П. ПЕСКОВ

ФОТОАТЕЛЬЕ

Администрация задолжала клиентам «Фотоателье» и сегодня решила хоть частично расплатиться. Итак, «Что бы это значило?» на Снимке в «ЛГ», № 2.

«Какое утонченное исполнение!» (Ал. Константинов, Красноярск), «Я здесь развлекаюсь» (постоянник В. Ивнев), «Опять в посудохозяйственный магазин. Музыкальные инструменты завезли» (А. Левицкий, Воронеж), «Невыгнутую посуду не принимают» (П. Нестеров, Моск. обл.), «До чего доводит чистоплотность» (постоянный автор «Фотоателье» В. Молодцов, гор. Волжский), «Штрафная полавазанки» (Виктор Андриенко, Киев; Лизаренкова, гор. Горький).

Отдельные более опытные читатели (Тихомирвы, Москва, З. Альтшуллер, Душанбе) уверены, что на фото изображено наглядное пособие для решения популярной задачки: «Из трубы А вода выливается, в трубу В вода наливается».

На снимок в «ЛГ», № 12 поступило 1270 откликов.

«Пробивной парень», «Хочу все знать», «Сняши шляпу, по голове не плачут», «Лбом стенку не прошибешь», «Дело в шляпе» — такие подписи встречаются примерно в половине ответов. Глаз администрации ее, таковски таких нет.

«Не слышно шума городского» (Л. Коган, Москва), «Не высовывайся» (Л. Сосин, Ленинград), «С головой ушел в строительство» (А. Грекулов, Москва), «См. на обороте» (Е. Сухарев, Харьков). «Это у нее с детства» (А. Гусева, Москва), «Мы тоже сами сосали, встречались только так...» (А. Розенталь, Москва), «Снимай шляпу, нога в целуешь» (Е. Даниленский и С. Елецкий, Полтава), «Достукался» (М. Перченко, Запорожье), «в самый раз» (А. Кочевский, Ворошиловград), «Любопытный народ, эти блондины» (Г. Митрохина, Ленинград), «Место для нурения» (В. Манаров, Киев), «Автобус для мытья головы» (Г. Алферов, Артемовск Донецкой обл.), «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу» (шестиклассница Е. Кеугер, Днепропетровск).

Администрация благодарит всех приславших плоды своих раздумий.

В. СМИРНИЦКИЙ

В. ИВАНОВ

ТЭС

ЗАВОДКА — очередь в винный магазин

ЗАДАЧА — оплата загородного дома

РУБАНОК — любитель покушать

ДОХОДЯГА — сдающий комнаты курортникам

УХАЖЕР — любитель рыбных супов

МЕСТОИМЕНИЕ — клоакарня

ВЕРНЯК — примерный супруг

ПИРОТЕХНИК — организатор банкетов

ОБРЕМЕНЕНИЕ — применение поясов безопасности на автомобилях

АшиПки

Богом забитое место.

Молчание серебро, а слово золото.

Как в воду канул.

Человек познается в еде.

Сорный концерт.

Тело в шляпе.

Рот изобилия.

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ

Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар, 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 33

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

А—39039 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Зак. 381 ИНДЕКС 50067